

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

Вып. 1, 2011   **Право. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения**

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(председатель)
- Д. И. Польшинский**, д-р ист. наук
(зам. председателя)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
(зам. председателя)
- Л. В. Михеева** (ответственный секретарь)
- К. Я. Авербух**, д-р филол. наук (Москва)
- Ю. М. Воронов**, д-р полит. наук
- Н. В. Усольцева**, д-р хим. наук
- К. Префке**, профессор (Германия)
- Ю. М. Резник**, д-р филос. наук (Москва)
- О. А. Хасбулатова**, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Д. И. Польшинский**, д-р ист. наук
- Т. М. Явчуновская**, канд. юрид. наук
- В. Н. Аргунова**, д-р социол. наук

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы: *М. Б. Балябина, О. Я. Литвак*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Г. Б. Клецкина*
обложка *Р. Е. Круглов*

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Право

- Годунов О. И.** О некоторых проблемных вопросах совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за коррупцию 5
- Лебедева О. Ю.** Установление отцовства в судебном порядке: сравнительный анализ законодательства РФ и США 12
- Орлова С. А.** Высшие учебные заведения Киева и Одессы в период первой русской революции (по материалам сенаторских ревизий А. М. Кузминского и Е. Ф. Турау 1905 г.) 23
- Павлова И. Е.** Некоторые аспекты регулирования института брака в Древней Руси 30
- Степанова И. Б.** Правовое регулирование борьбы с организованной преступностью: итоги реформирования 35
- Чебыкин И. В.** Теоретические основы лоббизма как политико-правового явления 41

Психология

- Агеева З. А.** Дифференциальные аспекты межличностной аттракции 53
- Лукьянова Е. В., Лукьянов И. Ю.** Защитно-совладающее поведение у студентов с низким уровнем адаптационного потенциала 57
- Попель Н. В., Засухина Е. А.** Роль семьи в возникновении страхов у младших школьников 60
- Раскумандрин М. Е., Матисен Т. Г.** Особенности саморегуляции юношей с различными расстройствами личности 65

Педагогика

Нилова С. В. Инновационный потенциал внедрения и использования свободного программного обеспечения в системе образования **70**

Мельникова Е. В. Образовательный мониторинг — информационная основа формирования образовательной информационной среды школы **78**

Журналистика и реклама

Страшнов С. Л. Из словаря «Актуальные медиапонятия»: профильное медиаобразование, массовое медиаобразование, теория журналистики, медиакритика **88**

Ломакина Е. Е. Реклама табака и табачных изделий: законодательные ограничения и исключения из правил **104**

Международные отношения

Луганский А. В., Чернопёров В. Л. Из истории формирования в конце XX — начале XXI века руководством Российской Федерации и администрацией Ивановской области

законодательной базы международной деятельности субъектов РФ **112**

Аннотации **124**

Summaries **129**

Сведения об авторах **133**

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» **135**

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "Natural, Social Sciences"

Issue 1, 2011

Law. Psychology. Pedagogics. Sociology. Social Work.
Journalism and Advertising. International Relations

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics (Chairman)

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

K. Prefcke, Professor (Germany)

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD:

D. I. Polyvyanny, Doctor of History

T. M. Yavchunovskaya, Candidate of Science
(Law)

V. N. Argunova, Doctor of Sociology

Editorial Staff:

Publishing House Director *L. V. Mikheeva*

Editors: *M. B. Balyabina*, *O. Ya. Litvak*

Technical Editor *I. S. Sibireva*

Computer layout *G. B. Klyotskina*

Cover *R. E. Kruglov*

© SEI of HPE "Ivanovo State University",
2011

CONTENTS

Law

Godunov O. I. On the problem questions of improvement of criminally-legal norms concerning responsibility for corruption 5

Lebedeva O. Yu. Juridical determination of paternity: comparative analysis of legislation in Russia and the USA 12

Orlova S. A. Kiev and Odessa's higher educational institutions in the first Russian revolution (on the basis of little-studied materials of the senators Kuzminsky and Turau's inspections in 1905) 23

Pavlova I. E. Some aspects of the institute of marriage regulation in ancient Russia 30

Stepanova I. B. Legal regulation of the combat with organized crime: summary of reform 35

Chebykin I. V. Theoretical basis of lobbyism as political-legal phenomenon 41

Psychology

Ageyeva Z. A. Differential aspects of interpersonal attraction 53

Lukyanova E. V., Lukyanov I. Yu. Protective and coping behavior among students with low adaptive capacity 57

Popel' N. V., Zasukhina E. A. Role of family in the process of fears' occurrence among younger pupils 60

Raskumandrina M. E., Matisen T. G. Peculiarities of self-regulation among teenagers with personality development abnormalities 65

Pedagogics

Nilova S. V. Innovative potential of adoption and use of the free software in the education system 70

Melnikova E. V. Educational monitoring as informational basis of forming of educational information environment at school **78**

Journalism and Advertising

Strashnov S. L. From the dictionary «Actual media-notions»: type media-education, mass-media education, theory of journalism, media-criticism **88**

Lomakina E. E. The advertising of tobacco and tobacco products: legislative restrictions and exceptions **104**

International Relations

Lugansky A. V., Chernopyorov V. L. From the history of formation of international activity legislative basis of the RF subjects at the end of the XX — beginning of the XXI century by the authorities of the Russian Federation and Ivanovo region **112**

Annotations **124**

Summaries **129**

Information about the authors **133**

Information for the authors of “Ivanovo State University Bulletin” **135**

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИЮ

Провозглашенные в конституциях большинства развитых стран мира демократические идеалы, воспринятые и российским законодателем, в настоящее время требуют более точного раскрытия своего содержания путем достижения наибольшей степени практической реализации. При этом основой формирования истинно демократического государства является наличие у большей части населения позитивных нравственных качеств и достижение высокого уровня духовного развития. Но реальная действительность такова, что в современных условиях на первый план общественных отношений негативного типа выдвигается проблема коррупции, которую специалисты, по нашему мнению, обоснованно связывают с государственным авторитаризмом и деспотией [14, с. 60—70].

Коррупция со второй половины XX века становится международной проблемой. В преамбуле Конвенции ООН против коррупции, вступившей в силу для России 8 июня 2006 года, прямо указывается, что демократическое государство является альтернативой коррупционного государства. Но в России до середины 1990-х годов коррупцию воспринимали лишь как негативную характеристику развития государственной службы и судебной системы, не имевшую законодательного определения. Под давлением общемировых тенденций и криминологической действительности необходимость минимизации коррупции превратилась в одно из приоритетных направлений государственной политики нашей страны. После многолетнего неоправданного промедления в стране создается нормативная база для более эффективной борьбы с коррупцией, содержащаяся в различных федеральных законах, указах Президента РФ, конкретизированная в ведомственных нормативных актах. Указом Президента РФ № 537 от 12 мая 2009 года «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» одним из главных направлений государственной политики определено совершенствование нормативно-правового регулирования предупреждения и борьбы с коррупцией [16, с. 15].

Продолжая принципиальную борьбу с преступностью, Президент РФ Д. А. Медведев в соответствии с пунктом «г» статьи 84 Конституции России внес в Государственную думу проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (далее — Проект) [13, с. 1—18].

Изменения, вносимые Проектом в Уголовный кодекс Российской Федерации, согласно прилагаемой пояснительной записке, направлены на решение ряда концептуальных проблем. Некоторые новеллы заслуживают особого внимания.

За коммерческий подкуп, дачу взятки, получение взятки и посредничество во взяточничестве Проектом устанавливаются штрафы в размере до стократной суммы коммерческого подкупа или взятки, но не более пятисот миллионов рублей. В целях дифференциации ответственности в УК России закрепляются четыре вида взятки в зависимости от их размера: 1) простая взятка — до 25 тысяч рублей; 2) взятка в значительном размере — от 25 тысяч рублей до 150 тысяч рублей; 3) взятка в крупном размере — от 150 тысяч рублей до 1 миллиона рублей; 4) взятка в особо крупном размере — свыше 1 миллиона рублей.

В качестве основного наказания за получение взятки в размере до 25 тысяч рублей устанавливается штраф в размере от двадцатипятикратной до пятидесятикратной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишение свободы на срок до трех лет со штрафом в размере двадцатикратной суммы взятки.

За получение взятки в особо крупном размере, то есть более 1 миллиона рублей, предлагается установить наказание в виде штрафа в размере от восьмидесятикратной до стократной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере семидесятикратной суммы взятки.

Проектом вводится в качестве отдельного самостоятельного состава посредничество во взяточничестве, под которым понимается непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взятополучателя либо содействие взяткополучателю и взяткодателю в достижении или реализации соглашения между ними о получении и даче взятки [13, с. 7].

Анализируя изложенные новеллы, следует отметить, что конструирование нормы об ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 Проекта) представляется интересным, давно ожидаемым теоретиками и практиками законодательным решением, заслуживающим обсуждения среди специалистов. При разработке действующего Уголовного кодекса РФ законодатель не воспринял ранее присущий УК РСФСР 1960 года опыт криминализации посредничества во взяточничестве как самостоятельного вида исполнительской деятельности (ст. 174.1 УК РСФСР). В результате при квалификации посреднических действий правоприменитель столкнулся со значительными трудностями, широко обсуждаемыми в специальной литературе. В течение четырнадцати лет вопрос о юридической природе и квалификации посреднических действий при взятке остается открытым. Но избранный разработчиками Проекта для устранения имеющегося законодательного пробела прием нормотворческой техники не является единственным. В доктрине уголовного права предложение о восстановлении специальной нормы за посредничество во взяточничестве — один из нескольких возможных способов решения проблемы, среди которых, с нашей точки зрения, заслуживают внимания два: 1) расширение понятия пособника путем указания в ч. 5 ст. 33 УК РФ на «иные способы»; 2) выделение в законе нового вида соучастника — посредника [1, с. 33; 2, с. 16; 5, с. 248; 8, с. 152]. Определенный

интерес представляют аргументы специалистов о том, что посредничество во взяточничестве — не единственный случай посредничества в преступлении. Отмечая, что участие посредника возможно в таких составах, как коммерческий подкуп, торговля несовершеннолетними, убийство по найму, и некоторых других, Н. В. Артеменко и А. М. Минькова обоснованно отмечают: «По сути, во всех случаях, когда преступление носит квазидоговорный характер, весьма высока вероятность появления посредника» [3, с. 6]. Предлагая расширение классификации видов соучастников за счет включения в нее новой фигуры — посредника, Н. В. Артеменко и А. М. Минькова подготовили законодательное описание его признаков в виде следующей редакции ч. 6 ст. 33 УК РФ: «Посредником признается лицо, способствующее установлению контакта между соучастниками, действующее по поручению лиц, участвующих в преступлении в их интересах в отношениях с иными лицами, а также передающее предмет преступления, орудия и средства преступления, сообщения и иную информацию соучастникам и иным лицам» [3, с. 7]. Присоединяясь к точке зрения авторов, отметим, что законодательный пробел системного характера целесообразно устранять путем внесения изменений в Общую часть УК РФ.

Приступая к анализу иных нововведений, связанных с дифференциацией уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, обратимся к результатам исследований профессора Б. Я. Гаврилова, который на основании обобщения судебной практики делает вывод, что вынесению судами несправедливых приговоров способствуют два основных обстоятельства. По обоснованному мнению автора, разделяемому и многими иными специалистами, одно из них «заключается в том, что весьма широкие возможности для коррупционности, а, по сути, неограниченно для судебного усмотрения, при назначении уголовного наказания представляют такие положения действующего уголовного закона, как ст. 73 УК РФ, предусматривающая условное осуждение, и ст. 64 УК РФ, допускающая возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса» [6, с. 21—22]. Второе обстоятельство — «исключение Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” из санкций абсолютного большинства преступлений средней тяжести и части тяжких преступлений нижних пределов наказания в виде лишения свободы» [15, с. 93]. «Данное решение законодателя, — констатирует Б. Я. Гаврилов, — привело к разрыву в 20—60 раз между верхним и нижним пределами размеров уголовного наказания в виде лишения свободы за совершение одних и тех же или схожих по тяжести видов преступлений. Например, за совершение таких преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях, как злоупотребление полномочиями (ч. 2 ст. 201 УК РФ) и коммерческий подкуп (ч. 3 ст. 204 УК РФ), суд может назначить наказание в виде лишения свободы на срок от двух месяцев, соответственно, до семи или десяти лет, что означает разрыв между нижним и верхним пределами наказания в 42 и 60 раз. Такие различия в размерах уголовно-правовых санкций приводят к явным несоразмерностям в размерах назначенных судами наказаний и нарушают уголовно-правовой принцип справедливости. Но самое негативное в том, что данное явление заведомо несет в себе коррупционную составляющую» [6, с. 21—22].

Аналогичную ошибку законодателя, с нашей точки зрения, повторяют разработчики анализируемого Проекта, предусматривая в альтернативных, относительно-определенных санкциях нормы о коммерческом подкупе (ст. 204 Проекта) следующие сроки лишения свободы: ч. 1 — до пяти лет; ч. 2 — до шести лет; ч. 3 — до семи лет; ч. 4 — до двенадцати лет.

В современных условиях все большее число специалистов склоняется к мнению, что недостаточная эффективность антикоррупционного законодательства касается в числе прочих причин юридических санкций за совершенные коррупционные правонарушения [10, с. 13; 17, с. 16]. И. А. Нечаева отмечает, что высокая альтернативность санкций может привести к широкому судебскому усмотрению, и считает, что санкции за преступления небольшой и средней тяжести должны предусматривать альтернативные наказания, санкции же за тяжкие и особо тяжкие преступления должны быть, как правило, безальтернативными [12, с. 10]. «Широкий набор наказаний в альтернативно построенных санкциях, — справедливо, с нашей точки зрения, констатирует Е. А. Иванченко, — порождает субъективизм, а значит, и разноречивой в карательной практике государства. В частности, о каком равенстве граждан перед законом может идти речь, если зачастую вид наказания и его величина зависят не от закона, а от усмотрения судьи» [7, с. 9]. Разработчики Проекта, видимо, придерживаются иной точки зрения.

Простая взятка (ч. 1 ст. 290) в рассматриваемом законопроекте остается преступлением средней тяжести. Максимальный срок лишения свободы сокращен с пяти до трех лет, назначаемых со штрафом в размере двадцатикратной суммы взятки. Верхняя граница такого штрафа не превышает пятисот тысяч рублей ($25\ 000$ рублей $\times 20 = 500\ 000$ рублей).

В качестве альтернативы наказанию в виде лишения свободы, как и в действующем законе, предусматривается штраф, но в размере от нижнего предела (двадцатикратной суммы взятки) до верхнего — 1 миллиона 250 тысяч рублей (исчисляемого в пятидесятикратном размере от максимума простой взятки: $25\ 000$ рублей $\times 50 = 1\ 250\ 000$ рублей). На первый взгляд такой подход представляется логичным. Однако хочется задуматься над вопросом: «Почему законодатель в действующем ныне уголовном законе не использовал при конструировании санкции в нормах о взяточничестве такой способ исчисления штрафов?»

Между тем сравнительный анализ санкций показывает, что в законопроекте необоснованно отказались от одного из наиболее эффективных способов исчисления штрафа, который предусмотрен в санкциях ч. 1 и ч. 4 ст. 290 УК РФ, а именно исчисления штрафа исходя из заработной платы или иного дохода осужденного за определенный период. Так, санкция ч. 1 ст. 290 УК РФ позволяет назначить штраф в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет. Это значительно расширяет возможности индивидуализации наказания. «Как заработная плата, так и совокупный доход осужденного, — отмечает В. К. Дуонов, — устанавливаются по источникам, видам и размерам поступлений, подлежащих налогообложению в течение того периода, который обозначен в решении суда. При этом суд не ограничен законом в праве определить период получения дохода количеством месяцев или лет (к примеру, 24 месяца перед назначением наказания) либо конкретными временными границами (с января 2004 г. по март 2005 г.)» [9, с. 105]. Так, если ежемесячная заработная плата осужденного составляла, к примеру 50 тысяч рублей, то максимальный штраф

при рассматриваемом способе исчисления составит 1 миллион 800 тысяч рублей ($50\,000 \times 36$ месяцев = 1 800 000 рублей), что почти в полтора раза выше штрафа, который при таких же условиях может быть назначен взяткополучателю в пределах максимума санкции ч. 1 ст. 290 Проекта. С точки зрения возможности снизить экономическую привлекательность взяточничества в действующем УК РФ санкция основного состава получения взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ) превышает потенциал этой нормы в предлагаемой Проектом редакции.

Далее хотелось бы обратить внимание на то, что в 2010 году российские суды в подавляющем большинстве выносили приговоры по факту совершения взяток в размере от 500 рублей до 10 тысяч рублей, что соответствует размеру простой взятки по новой классификации, предложенной Проектом. Минимальный штраф в санкции ч. 1 ст. 290 УК РФ не может быть ниже 100 тысяч рублей. Если назначать наказание при размере взятки в 500 рублей по ч. 1 ст. 290 Проекта, то исходя из нижней границы штрафа он был бы начислен в размере 12 тысяч 500 рублей ($500 \text{ рублей} \times 25 = 12\,500$ рублей; эта сумма в 8 раз ниже предусмотренного санкцией ч. 1 ст. 290 УК РФ минимального штрафа). Полагаем, что в качестве основного вида уголовного наказания данная сумма штрафа за получение взятки просто ничтожна мала. Разработчики Проекта грубо нарушили правила нормотворческой техники, требующие обеспечения межотраслевой дифференциации ответственности. Максимальный размер административного штрафа для должностных лиц законодателем установлен в сумме 50 тысяч рублей (ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ). Разработчики Проекта размыли грань между уголовной ответственностью и административной.

Не меньший интерес и недоумение вызывает анализ составов, предусматривающих получение взятки при обстоятельствах, отягчающих и особо отягчающих ответственность коррупционеров.

В случае получения взятки специальным субъектом за незаконные действия (бездействия) в размере максимальной границы простой взятки, что соответствует особо квалифицированному составу (ч. 3 ст. 290 Проекта), минимальная граница штрафа составит всего 1 миллион рублей ($25\,000 \times 40 = 1\,000\,000$ рублей). Эта сумма оказывается на 25 % меньше верхнего предела штрафа за простую взятку (ч. 1 ст. 290 Проекта). Представляется, что разработчики Проекта обоснованно отнесли получение взятки специальным субъектом за незаконные действия (бездействия) к категории тяжкого преступления, но предложенный способ исчисления штрафа в кратном соотношении с суммой взятки размывает границы наказуемости данного особо квалифицированного состава и простой взятки. А. А. Аникин, П. Н. Панченко и другие специалисты обоснованно ставят под сомнение целесообразность сохранения в уголовном законодательстве такого положения, при котором санкция квалифицированного состава преступления «перекрывает» санкцию простого состава [2, с. 9]. Полагаем, что законодатель должен исключать возможность назначения за более тяжкую разновидность преступления наказания равного или меньшего, чем за менее тяжкий вид того же преступления. По общему правилу наказание за квалифицированное преступление должно быть выше, чем за неквалифицированное. «Нельзя сбрасывать со счетов, — отмечает С. И. Вейберт, — и значение общепредупредительного воздействия. При построении санкций в уголовном законодательстве преследуется прежде всего цель общего предупреждения преступлений. Естественно, когда из

самой санкции за совершение преступления с отягчающими обстоятельствами следует, что наказание может быть назначено как и за простой состав преступления, то его общепредупредительный эффект непомерно ослабляется и практически не оказывает никакого воздействия» [4, с. 10].

В специальной литературе есть небезосновательное мнение о том, что «штраф вообще не следует предусматривать в качестве основного альтернативного вида наказания за преступления против интересов службы» [7, с. 12]. Е. А. Иванченко полагает, что «штраф может применяться как дополнительное наказание за указанные преступления, и в этом своем качестве он будет способствовать усилению репрессивного воздействия» [7, с. 12]. Мы присоединяемся к изложенному мнению с единственным уточнением: такой вид санкции целесообразно применять лишь к тяжким преступлениям.

Среди специалистов нет разногласий в вопросе о степени общественной опасности получения взятки лицом, облеченным особым доверием общества (занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, главы органов местного самоуправления и т. п.). За получение взятки рассматриваемым специальным субъектом предусмотрена безальтернативная санкция: лишение свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет (ч. 3 ст. 290 УК РФ). Согласно ч. 4 ст. 290 Проекта лицу, занимающему государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главе органа местного самоуправления за взятку в размере максимальной границы простой взятки предусматривается штраф в 1 миллион 500 тысяч рублей ($25\,000 \times 60 = 1\,500\,000$ рублей). Это на 300 тысяч рублей меньше суммы штрафа, который могут назначить по ч. 1 ст. 290 действующего УК взяточполучателю, не облеченному особым доверием общества и имеющему ежемесячную заработную плату в сумме 50 тысяч рублей. Более того, анализируемая сумма штрафа всего на 250 тысяч рублей превышает штраф за получение взятки, предусмотренный верхним пределом ч. 1 ст. 290 Проекта. Столь мизерный репрессивный потенциал основного вида наказания не отвечает целям и задачам уголовного наказания за тяжкое коррупционное преступление.

Криминологи понимают опасность установления коррупционных симбиотических связей между представителями государства и организованной преступностью, когда государство фактически включается в эту систему, занимаясь ее укрывательством. В целях предупреждения профессиональной преступной деятельности и ее негативных последствий законодатель за получение взятки организованной группой безальтернативно установил наказание в виде лишения свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере до 1 миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового (ч. 4 ст. 290 УК РФ). Разработчики же законопроекта в санкции ч. 5 ст. 290 предусмотрели в качестве альтернативы лишению свободы штраф. Исходя из предложенной для определения размера штрафа кратности к сумме взятки несложно подсчитать, что за получение 25 тысяч рублей в составе организованной группы (ч. 5 ст. 290 Проекта) штраф составит 1 миллион 750 тысяч рублей ($25\,000 \times 70 = 1\,750\,000$). Сумма штрафа окажется на 50 тысяч рублей меньше, чем была бы назначена исходя из возможностей санкции действующей ч. 1 ст. 290 УК, согласно которой лицу, имеющему ежемесячную заработную плату в размере

Серия

• «Естественные, общественные науки»

50 тысяч рублей и получившему взятку в размере 25 тысяч рублей, не отягченную иными квалифицирующими деяние обстоятельствами, может быть назначен штраф в размере 1 миллиона 800 тысяч рублей.

Рассматривая проблемы современного уголовного законодательства, профессор Н. Ф. Кузнецова отмечала, что помимо объективных оснований совершенствования уголовного закона активно воздействует на него такой фактор, как политика, которая в обществе с социально-классовыми противоречиями действует на законодательство разнонаправленно [11, с. 3]. «Какую социальную оценку, — задавала вопрос Н. Ф. Кузнецова, — заслуживает отмена конфискации имущества как вида наказания реформой от 08.12.2003?» И отвечала риторическим вопросом: «Как учит римское право: кому выгодно? (Qui prodest?) Кому было выгодно пятнадцать лет не принимать закон о противодействии коррупции?» [11, с. 3]. Аналогичный вопрос возникает и по поводу конструкции санкций в анализируемом Проекте.

Кому выгодны альтернативные, относительно-определенные санкции, предусматривающие «штрафы в размере до стократной суммы коммерческого подкупа или взятки, но не более пятисот миллионов рублей» за квалифицированные и особо квалифицированные коррупционные преступления? И почему максимальная граница штрафа обозначена суммой в 500 миллионов рублей и не более?

Полагаем, что такая конструкция уголовно-правовых санкций, обеспечивающая небывало широкие возможности судебного усмотрения — от назначения лишения свободы на пятнадцать лет до символического штрафа, оказывающегося ниже верхней границы штрафа за административный проступок должностного лица, минимизирует риски коррумпированной бюрократической и политической элиты, а также иных профессиональных коррупционеров и организованной преступности. Проводящиеся в стране на законодательном и правоприменительном уровнях «революционные» изменения вряд ли способны успокоить российское общество иллюзией быстрого ассимилирования им европейских стандартов в области борьбы с коррупцией. Россия и среди россиян, и за рубежом имеет стойкую репутацию kleptocratic и глубоко коррумпированного государства.

Библиографический список

1. Аникин А. Ответственность за взяточничество по новому УК // Законность. 1997. № 6.
2. Аникин А. А. Взятничество как коррупционное преступление и меры противодействия ему : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. 29 с.
3. Артеменко Н. В., Минькова А. М. Проблемы уголовно-правовой оценки деятельности посредника, провокатора и инициатора преступления в уголовном праве РФ. URL: http://www.juristlib.ru/book_2985.html (дата обращения: 15.01.2011).
4. Вейберт С. И. Назначение наказания за взяточничество: актуальные проблемы. URL: <http://chinovnik.uara.ru/modern/article.php?id=720> (дата обращения: 15.01.2011).
5. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М. : Юристъ, 2000.
6. Гаврилов Б. Я. Судейское усмотрение при назначении наказания и проблема коррупционности уголовного закона // Уголовная политика России в XXI столетии : сб. науч. ст. / под ред. В. И. Тюнина. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та экономики и финансов, 2010.
7. Иванченко Е. А. Конструирование уголовно-правовых санкций с учетом новейшей уголовной политики государства. URL: [http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/ivanchenko\(6-08-08\).htm](http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/ivanchenko(6-08-08).htm) (дата обращения: 15.01.2011).

8. Качмазов О. Х. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному праву. Владикавказ, 2000.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : (постатейный) / [Дуюнов В. К. и др.] ; отв. ред. Л. Л. Кругликов. М. : Волтерс Клувер. 2005.
10. Кудашкин А. В. Административно-правовые санкции за коррупционные правонарушения. Доступ из ИПС «Гарант Эксперт 2010».
11. Кузнецова Н. Ф. О совершенствовании уголовного закона. Доступ из ИПС «Гарант Эксперт 2010».
12. Нечаева И. А. Построение санкций за преступления в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 27 с.
13. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции». Доступ из ИПС «Гарант Эксперт 2010».
14. Румянцева Е. Е. Коррупция как противоположность демократии // Научный эксперт. 2008. № 12. С. 60—70. URL: http://www.rusrand.ru/text/Jornal12_2008.pdf (дата обращения: 15.01.2011).
15. Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.
16. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Рос. газ. 2009. 19 мая.
17. Яни П. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии // Рос. юстиция. 2001. № 7.

ББК 67.629.341.3

Лебедева О. Ю.

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ И США

Отцовство представляет собой разновидность отношений родства между людьми, которая возникает на основании происхождения ребенка от конкретного мужчины. СК РФ [30] определяет отцовство как происхождение ребенка от мужчины, удостоверенное в установленном законом порядке (ст. 47, 48, 49).

Отцовство является одновременно и биологическим, и социальным явлением. При этом преувеличение одного из этих свойств в ущерб другому недопустимо, поскольку отцовство включает в себе и кровное родство, и весь комплекс социальных отношений, складывающихся между мужчиной и его ребенком, поэтому по своей сущности отцовство — явление биосоциальное [6, с. 13—14].

В случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке между собой, и при отсутствии совместного заявления родителей или заявления отца ребенка происхождение ребенка от конкретного лица (отцовство) устанавливается в судебном порядке (ст. 49 СК РФ).

© Лебедева О. Ю., 2011

Серия

• «Естественные, общественные науки»

Установление отцовства в суде следует рассматривать как юридический акт и как способ защиты прав ребенка, поскольку в случае удовлетворения иска восстанавливаются нарушенные права последнего: право жить и воспитываться в семье, знать своих родителей.

Основная цель судебных разбирательств по установлению отцовства — обеспечить благополучие ребенка. Этот принцип хорошо прослеживается в решениях как американских, так и российских судов. Так, апелляционный суд штата Нью-Йорк в решении по делу *Pamela L. v. Frank S.* установил, что даже если зачатие произошло неумышленно, например, женщина обманом склонила мужчину к половому акту, сказав ему, что принимает противозачаточные таблетки, — это не освобождает мужчину от обязательства перед ребенком [58]. А Муслюмовский районный суд Республики Татарстан вынес решение по иску Деникаевой Румии Рафиковны к ответчику Хабибуллину Ильдару Рафисовичу об установлении отцовства в отношении их несовершеннолетнего ребенка, руководствуясь прежде всего интересами ребенка [9].

Ученые относят иски об установлении отцовства к положительным искам о признании [1, с. 19]. В настоящее время удельный вес исков, связанных с установлением происхождения детей, невелик. Так, Амурским областным судом в 2006 году рассмотрено 48 дел, вытекающих из семейных правоотношений, и только 4 из них связаны с установлением происхождения детей (8,3 %) [25]. В 2006 году судами Амурской области было рассмотрено 123 дела по спорам, связанным с воспитанием детей, и только 19 из них — по спорам, связанным с происхождением детей (15,5 %) [32]. Из 2304 дел, рассмотренных судами Ивановской области по спорам, вытекающим из семейных правоотношений, только 173 были связаны с установлением происхождения детей (7,5 %) [34]. В Астраханской области в 2006 году рассмотрено 820 гражданских дел по спорам, связанным с охраной прав и интересов несовершеннолетних детей, 67 из них связаны с установлением происхождения детей (8,2 %) [33]. При этом можно предположить, что интенсивность поступления в суды исков о признании отцовства отражает численность внебрачных детей в отдельных регионах. Президиумом Ростовского областного суда в 2006 году рассмотрено 37 дел по спорам, вытекающим из семейного законодательства, и только 2 из них связаны с установлением отцовства (5,4 %) [35].

Основанием возникновения отцовства в подобных случаях является решение суда. Многие теоретики семейного права не разделяют данной позиции, считая, что отцовство возникает уже при рождении ребенка на основании биологического родства или других фактов, а решение суда лишь юридически удостоверяет отцовство [8, с. 85; 10, с. 81—82]. С подобной точкой зрения согласиться нельзя, поскольку СК РФ прямо предусматривает, что отцовство как правовая категория — это происхождение ребенка от мужчины, удостоверенное в законном порядке (т. е. для его возникновения необходимо наличие одновременно двух юридических фактов — биологического происхождения и его удостоверения в законном порядке).

В РФ отцовство устанавливается (оспаривается) по правилам искового судопроизводства (ст. 49 СК РФ), а по правилам особого судопроизводства устанавливаются факт отцовства и факт признания отцовства (ст. 50 СК РФ, ст. 247 ГПК РФ). Разграничение этих категорий дел, по мнению российских ученых, происходит по следующим критериям: смерть фактического отца ребенка, время рождения ребенка, наличие либо отсутствие спора о праве [2, с. 28]. При этом предпочтение отдается наличию или отсутствию спора о

праве, ведь, как справедливо полагает М. А. Вукот, спорные взаимоотношения между заинтересованными лицами могут быть разрешены только в судебном порядке [5, с. 84]. Требования об исключении записи об отце и внесении новой записи в актовую запись о рождении суд рассматривает также в исковом порядке, даже если ответчик признает требования. Так, Черноярским районным судом (Астраханская область) рассмотрено дело по иску П. С. В. к П. В. В. об исключении записи об отце и внесении изменений в актовую запись о рождении. При отсутствии возражений со стороны ответчика суд удовлетворил данные требования [33].

Судебный порядок установления отцовства подробно разработан и в семейном законодательстве США. В США заинтересованная сторона может установить (оспорить) отцовство ребенка, факт признания отцовства и факт отцовства в суде в состязательном гражданском процессе. К подобным делам применяются правила гражданского судопроизводства [47].

Поскольку российское законодательство не устанавливает срок исковой давности по делам об установлении (оспаривании) отцовства, оно может быть установлено судом в любое время после рождения ребенка [25, п. 10]. Некоторые теоретики семейного права отмечают, что отмена ограничительных сроков усиливает начала диспозитивности, характеризующиеся предоставлением субъектам материально-правовых и процессуальных отношений большей свободы в распоряжении своими материальными и процессуальными правами [16, с. 101].

При этом дела об установлении (оспаривании) отцовства детей, родившихся до 1 марта 1996 года, рассматриваются по кодексу РСФСР о браке и семье [23, п. 2], который устанавливал срок в один год для оспаривания отцовства, исчисляемый с того момента, когда лицо было уведомлено о регистрации отцовства [12, ст. 49]. Так, по делу, рассмотренному Наримановским районным судом города Астрахани по иску И. к М. об оспаривании отцовства в отношении А., 1993 г. р., суд отказал в удовлетворении иска в связи с истечением срока, установленного для оспаривания отцовства [33].

Единообразное законодательство США, в свою очередь, также содержит процессуальные сроки исковой давности при оспаривании отцовства. Процесс об опровержении отцовства мужчины, который является отцом ребенка в силу действия законодательной презумпции отцовства мужа матери ребенка, может быть инициирован только в течение первых двух лет после рождения ребенка. Данный срок исковой давности не применяется, если суд установит, что мать и презюмируемый отец ребенка вместе не проживали и не имели сексуальных отношений во время зачатия ребенка и презюмируемый отец никогда не признавал ребенка своим.

Процесс об опровержении отцовства мужчины, признавшего отцовство в добровольном порядке, может инициировать сам мужчина с целью аннулирования такого признания в суде в течение 60 дней после подписания документа о добровольном признании отцовства, а также другой мужчина с целью юридического установления своего отцовства в течение двух лет после подписания юридическим отцом документов о признании отцовства или с момента вступления решения суда о признании отцовства в законную силу [64, Article 6, Section 606—609].

Производство по делу об установлении отцовства, если у ребенка нет юридического отца ни в силу действия презумпции отцовства, ни подписав-

шего документ о добровольном признании, ни по решению суда, может быть начат в любое время, даже если ребенок достиг совершеннолетия (по его личному заявлению) [64, Article 6, Section 606]. Некоторые штаты устанавливают иные процессуальные сроки. Так, в штате Канзас презумпция отцовства мужа матери ребенка может быть опровергнута в судебном порядке только до тех пор, пока ребенку не исполнится четыре года [50]. Аналогичная ситуация наблюдается в Нью-Йорке: пока ребенку не исполнится четыре года, суд не принимает к рассмотрению иски об опровержении отцовства [45].

В РФ нормы, устанавливающие срок исковой давности по делам об оспаривании отцовства, были не раз обжалованы, в том числе в Конституционном суде РФ [21]. Существуют обращения и в Европейский суд по правам человека в связи с тем, что срок исковой давности при оспаривании отцовства, применяемый судами РФ, нарушает право отцов на уважение их семейной жизни, закрепленное Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ст. 6) [20]. Так, представляет интерес дело Шофмана Л. М. против РФ, в рамках которого Европейский суд по правам человека вынес решение о том, что сроки исковой давности, ограничивающие возможность оспаривания отцовства, противоречат Конвенции о защите прав человека и основных свобод [28].

Однако представляется, что существование ограничительных сроков при оспаривании отцовства является обоснованным. Когда мужчина воспитывает ребенка как своего собственного, надлежащим образом осуществляет родительские права, между ним и ребенком формируется устойчивая эмоциональная связь, разрушение которой может нанести ребенку глубокую психологическую травму. Поэтому позиция Европейского суда по правам человека является односторонней. Так, при рассмотрении дела Шофман Л. М. против РФ Европейский суд принял во внимание лишь интересы отца ребенка. Однако при рассмотрении подобной категории дел необходимо исходить прежде всего из принципа приоритета интересов ребенка.

В связи с этим представляется рациональным введение в СК РФ норм, устанавливающих срок исковой давности по делам об оспаривании отцовства. Необходимо ввести в ст. 52 СК РФ пункт следующего содержания: «Мужчина вправе оспорить свое отцовство в течение 3 лет со дня рождения ребенка». Срок в 3 года со дня рождения ребенка обусловлен тем, что именно к 3 годам у ребенка формируется прочная эмоциональная связь с каждым из родителей [39, с. 123]. С 3-летнего возраста сохранение устойчивой семейной среды является особо важным для нормального развития ребенка [31, с. 85]. При этом необходимо защитить права мужчин, которые не знали о том, что они были записаны в книге регистрации рождений в качестве отца ребенка, предоставив им возможность оспаривать отцовство в судебном порядке в течение года с момента, когда они узнали о записи, дополнив ст. 52 СК РФ еще одним пунктом: «Если мужчина узнал о том, что он записан в качестве отца ребенка, по истечении более чем двух лет с момента рождения ребенка, он вправе оспорить свое отцовство в течение года с того момента, когда он узнал о записи».

В США дело об установлении отцовства может начинаться и до рождения ребенка, но решение по такому делу может быть вынесено только после его рождения [66, Article 6, Section 611].

В РФ отцовство в судебном порядке может быть установлено только после рождения ребенка [23, п. 3]. А в органы ЗАГС, напротив, заявление об

установлении отцовства можно подать во время беременности матери при наличии установленных законом обстоятельств (п. 3 ст. 48 СК РФ). Для обеспечения интересов ребенка и мужчины, отцовство которого устанавливается, в целях укрепления семьи необходимо предусмотреть возможность обращения в суд с заявлением об установлении отцовства и до рождения ребенка.

По российскому законодательству данная категория дел подведомственна районным судам общей юрисдикции. Подсудность определяется местом жительства предполагаемого отца и местом жительства матери для дел об установлении отцовства (ст. 117, 118 ГПК), местом жительства заявителей — об установлении факта отцовства и факта признания отцовства (ст. 249 ГПК). В первом случае подсудность является альтернативной и определяется по выбору истца, а во втором случае — исключительной, определяемой местом жительства заявителя.

В США в абсолютном большинстве штатов данную категорию дел рассматривают также районные суды. Штаты устанавливают свои правила подсудности по судебным районам. Так, в Кентукки дело будет подсудно районному суду, если на территории данного района проживает мать ребенка либо находится предполагаемый или юридический отец ребенка либо собственность предполагаемого или юридического отца [53, § 406.151]. В Миссисипи действуют те же правила районной подсудности, плюс дело будет подсудно районному суду, если на территории данного района проживает ребенок, в отношении которого устанавливается или опровергается отцовство [56, § 93-9-17]. В некоторых штатах дела об установлении и опровержении отцовства рассматривают специализированные суды, так, например, в штате Коннектикут подобные дела будут подсудны суду по делам о наследовании [43, § 46b-172a].

Дело об установлении отцовства может быть возбуждено одним из родителей; опекуном (попечителем); лицом, на иждивении которого находится ребенок (фактический воспитатель); ребенком, достигшим совершеннолетия (ст. 49 СК РФ); несовершеннолетней матерью, по достижении возраста 14 лет (п. 3 ст. 62 СК РФ); прокурором (ст. 45 ГПК РФ); органом опеки и попечительства (п. 2 ст. 123 СК РФ). Лицами, на иждивении которых находится ребенок, могут быть, например, близкие родственники ребенка, его бабушка, бабушка, брат, сестра, не оформившие в установленном законом порядке полномочия законных представителей [15, с. 41].

В США такой процесс могут инициировать ребенок; родители ребенка; лицо, отцовство которого подлежит установлению в суде; служба по взиманию алиментов; государственная служба по усыновлению или государственная служба по опеке детей-сирот; уполномоченные представители штата, а также родители ребенка, чьи родительские права возникли на основании соглашения о суррогатном материнстве [66, Article 6, Section 602; 48].

Таким образом, в обеих странах право на обращение в суд предоставляется родителям ребенка и государственным органам, защищающим интересы ребенка. Представляется рациональным расширить в СК РФ перечень органов, имеющих право на обращение в суд по подобной категории дел, а именно дополнить положения СК РФ нормой, наделяющей уполномоченного по правам ребенка в субъекте РФ правом на обращение в суд в интересах несовершеннолетнего гражданина с иском об установлении в отношении него отцовства.

К сторонам, участвующим в деле об установлении отцовства, по российскому семейному законодательству следует отнести: лицо, по иску которого возбуждено дело; предполагаемого отца; ребенка, достигшего возраста 14 лет [4, с. 14]. Признание несовершеннолетних стороной по делу соответствует конституционным положениям об охране детства и поможет суду более последовательно защищать права несовершеннолетних [38, с. 48].

По законодательству США сторонами в процессе будут являться мать ребенка и мужчина, чье отцовство устанавливается в судебном порядке, либо, соответственно, отец ребенка и женщина, чье материнство устанавливается в судебном порядке [66, Section 603]. По общему праву некоторых штатов, например штатов Миссури и Вайоминг, инициировать процесс о признании отцовства и выступать в качестве стороны по данному процессу может и сам штат [64, 67].

При этом общее право большинства штатов не требует обязательного участия ребенка в рассмотрении подобных дел и назначения его представителя. Так, в Индиане суд первой инстанции не может вынести постановление об участии ребенка в процессе об установлении отцовства в качестве стороны и назначении представителя ребенка в суде на основании ходатайства его матери [51]. В штате Миссури ребенок является стороной по делу только в случаях, когда он является ответчиком по иску, или когда в отношении ребенка совершено злоупотребление, или когда установлено, что интересы ребенка не совпадают с интересами родителей [65]. В штате Коннектикут ребенок может быть стороной по делу только по требованию мужчины, отцовство которого устанавливается в рамках данного судебного процесса [61].

В семейно-правовой доктрине РФ существует дискуссия относительно того, кто является истцом по данной категории дел. Одни авторы считают, что истцом является сам ребенок [19, с. 68], другие — что в качестве истца выступают мать и ребенок [18, с. 13], также существует мнение, что истцом является любое заинтересованное лицо [36, с. 61]. Наиболее обоснованна точка зрения, когда истцом по делу об установлении отцовства считается сам ребенок. Так, если с иском обратились мать, опекун, фактический воспитатель, они будут признаны законными представителями ребенка. Прокурор, орган опеки и попечительства, обратившиеся в суд, признаются заявителями. Ребенок признается истцом и тогда, когда самостоятельно обращается в суд. При этом ответчиком является предполагаемый отец [3, с. 24].

При установлении факта признания отцовства суд, помимо указанных лиц, должен привлекать в качестве заинтересованных лиц наследников умершего предполагаемого отца, имеющих право возражения. Однако зачастую суды этого не делают. Так, судами Астраханской области была допущена подобная ошибка по всем делам данной категории, рассматривавшимся в 2006 году [33].

Законодательство РФ допускает предъявление исков об установлении отцовства к недееспособным лицам, поскольку недееспособный отец может иметь возможности для материального обеспечения ребенка. При предъявлении иска к недееспособному лицу его законным представителем в суде является опекун (ст. 52 ГПК РФ).

В РФ предметом доказывания по данной категории дел является установление происхождения ребенка от конкретного лица, а также факты, на которые ссылается ответчик в возражениях [41]. Так, Благовещенский городской суд при рассмотрении дела по иску И. А. к И. Н. об оспаривании отцов-

ства принял решение «на основе предоставленных сторонами доказательств, с достоверностью подтверждающих происхождение ребенка от конкретного лица» [11].

Подход, отраженный в СК РФ, при котором при установлении отцовства решающее значение отдается происхождению ребенка, представляется необоснованным. При установлении отцовства необходимо принимать во внимание факт воспитания и содержания мужчиной ребенка, а также наличие между ними устойчивой эмоциональной связи.

В США данные обстоятельства относятся к фактам, которые способствуют установлению отцовства в судебном порядке. Прежде всего, суд принимает во внимание, поддерживал ли мужчина, пытающийся установить свои родительские права, личные отношения с ребенком, участвовал ли он в его воспитании и содержании. Так, Верховный суд штата США по делу *Quilloin v. Walcott* определил, что штат может отказать мужчине в праве установления юридического отцовства в случаях, когда он не поддерживал контактов со своим ребенком [60]. Также интересно дело *In re Paternity of S.B.A.*, при решении которого суд установил, что обеспечение ребенка одеждой, деньгами и подарками со стороны заявителя в течение длительного времени является дополнительным фактом, рассматриваемым в пользу заявителя при установлении отцовства [52].

К числу доказательств по данной категории дел в РФ могут быть отнесены любые, с достоверностью свидетельствующие о происхождении ребенка от конкретного лица. Об этом могут свидетельствовать как совокупность доказательств, так и отдельные из них: заключение экспертизы, проведенной методом генетической дактилоскопии [14, с. 35; 29, с. 93]; справка с места жительства истца и ответчика; свидетельство о рождении ребенка; совместное проживание без регистрации брака; квитанции о денежных переводах на содержание ребенка; документы о приобретении имущества; выписка корреспонденции предполагаемым отцом на свое имя по адресу матери ребенка; указание в автобиографии о семейных отношениях без регистрации брака с матерью; показания свидетелей; посещение предполагаемым отцом детского сада, определение формы обучения ребенка; медицинские документы о способности к зачатию и т. д. [4, с. 14].

Наиболее распространенными являются генетические и иные медицинские экспертизы, определяющие период зачатия и срок родов [40, с. 129]. Заключение экспертизы по вопросу о происхождении ребенка, в том числе проведенной методом генетической дактилоскопии, является одним из доказательств, которое должно быть оценено судом в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами [23, п. 6]. На сегодняшний день в мире экспертиза ДНК признана одним из самых перспективных направлений в развитии судебных экспертиз [13, с. 31; 37, с. 27]. Экспертиза проводится экспертами судебно-экспертных учреждений по поручению руководителей этих учреждений или иными экспертами, которым она поручена судом [22, п. 15].

Необходимо подчеркнуть, что результаты генетической экспертизы не имеют для суда заранее установленной силы. Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности (ст. 67 ГПК РФ). Так, по иску Б. к М. об установлении отцовства и взыскании алиментов суд предложил ответчику провести геномную дактилоскопию и оплатить эту экспертизу. Ответчик согласился, однако перестал являться в судебные засе-

дания, когда встал вопрос о ее назначении. По указанному иску судом было вынесено решение об установлении отцовства М. без проведения экспертизы и оценки ее результатов, на основании других имеющихся в деле доказательств [24].

В США к числу доказательств, как и в РФ, отнесены любые, с достоверностью свидетельствующие о происхождении ребенка от конкретного лица. В настоящее время в США основными доказательствами по данной категории дел являются свидетельство о рождении, свидетельство о беременности и результаты проведения генетической экспертизы [57]. При этом в некоторых штатах суды требуют доказывания претензий вне всякого разумного сомнения или представления четких и убедительных доказательств, тогда как в других штатах суды ограничиваются применением гражданско-процессуального принципа перевеса доказательств [27, с. 834].

Одним из основных средств доказывания в США, как и в РФ, является генетическая экспертиза. Семейное законодательство некоторых штатов устанавливает необходимость проведения генетической экспертизы при рассмотрении дел о происхождении детей [42, 46, 49, 54, 55, 59, 62]. Однако, как и в РФ, в США результаты генетической экспертизы должны рассматриваться наряду с другими доказательствами, а решение суда должно быть основано на совокупности доказательств. Так, в штате Калифорния при рассмотрении дела *County of El Dorado v. Misura* суд установил отцовство мужчины на основании следующих фактов: мужчина имел сексуальные отношения с матерью ребенка, генетическая экспертиза на отцовство дала положительный результат, мужчина не представил никаких доказательств своего бесплодия и не смог опровергнуть результаты генетической экспертизы [44]. А при рассмотрении дела *State Dep't of Social Servs. v. Jones* апелляционный суд Луизианы счел необходимым проведение генетической экспертизы, в результате которой была установлена возможность отцовства ответчика на 99,49 %, однако другие доказательства не подтвердили возможность отцовства данного мужчины. Апелляционный суд счел недостаточными результаты генетического анализа для установления отцовства ответчика [63].

При установлении (оспаривании) факта признания отцовства в отношении детей, родившихся после введения в действие СК РФ, необходимо предоставить доказательства, подтверждающие субъективное отношение предполагаемого отца к ребенку. К числу таковых следует отнести участие в воспитании или содержании ребенка, письменные заявления об отцовстве, как до рождения ребенка, так и после рождения. Другие доказательства, исходя из требований ст. 50 СК, в данном случае не могут быть приняты во внимание. Так, совместное проживание, ведение общего хозяйства не могут свидетельствовать о признании лицом отцовства [17, с. 74]. Не может быть учтено и заключение экспертизы [4, с. 14]. Так, Константиновский районный суд рассмотрел дело по заявлению Ш. об установлении факта признания отцовства умершим А. Из заявления усматривалось только то обстоятельство, что стороны в течение 2,5 лет состояли в фактических брачных отношениях, от которых в 2005 году родилась дочь. Разрешая заявленные требования, суд ограничился показаниями свидетелей, которые указали на проживание Ш. с А. одной семьей, и справкой администрации сельсовета, подтверждающей данное обстоятельство [11].

При этом представляется, что законодатель необоснованно не предусмотрел в СК РФ возможность установления факта отцовства в ситуациях,

когда при жизни умерший не признавал своего отцовства, но имеются доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от него.

Необходимо изменить и заголовок ст. 50 СК РФ, назвав ее «Установление судом факта признания отцовства и факта отцовства», а также дополнить данную статью следующим абзацем: «Судом может быть установлен факт отцовства лица, умершего к моменту рассмотрения дела, если ребенок родился не позднее 300 дней после его смерти, если в деле имеются доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от умершего».

Подводя итог, необходимо отметить, что в РФ в судебном порядке могут быть установлены отцовство, факт отцовства и факт признания отцовства, а также рассмотрены требования об исключении записи об отце и внесении новой записи в актовую запись о рождении. В США в судебном порядке устанавливаются отцовство и факт признания отцовства, а также факт отцовства.

СК РФ не устанавливает сроков исковой давности по делам об установлении (оспаривании) отцовства. Единообразное законодательство США и законодательство штатов содержит сроки исковой давности по делам об оспаривании отцовства. В интересах ребенка необходимо также ввести в СК РФ срок исковой давности по делам об оспаривании отцовства — 3 года со дня рождения ребенка. При этом, если мужчина узнал о том, что он записан в качестве отца ребенка, по истечении более чем двух лет с момента рождения ребенка, ему необходимо предоставить право оспаривать свое отцовство в течение года с того момента, когда он узнал о записи.

Семейное законодательство и США, и РФ устанавливает ограниченный перечень лиц, имеющих право обращаться в суд с требованиями об установлении (оспаривании) отцовства. Представляется рациональным расширить в СК РФ перечень органов, имеющих право на обращение в суд по данной категории дел, наделив подобным правом уполномоченного по правам ребенка в субъекте РФ.

Законодательство обеих стран определяет и круг лиц, которые могут выступать в качестве стороны при рассмотрении этой категории дел. При этом ведется дискуссия относительно процессуального положения ребенка. Наиболее рациональной представляется точка зрения, когда ребенок при рассмотрении подобной категории дел признается истцом.

Предметом доказывания и в РФ, и в США по делам об установлении (оспаривании) отцовства является установление происхождения ребенка от конкретного лица, а также факты, на которые ссылается ответчик в возражениях. К числу доказательств в обеих странах отнесены любые, с достоверностью свидетельствующие о происхождении ребенка от конкретного лица. При этом при установлении отцовства необходимо принимать во внимание не только факт происхождения ребенка от конкретного мужчины, но и факт воспитания и содержания мужчиной ребенка, а также наличие между ними устойчивой эмоциональной связи

При установлении (оспаривании) факта признания отцовства в РФ необходимо предоставить доказательства, подтверждающие субъективное отношение предполагаемого отца к ребенку. Представляется, что законодатель необоснованно не предусмотрел возможность установления факта отцовства в отношении детей, родившихся после 1 марта 1996 года. В ситуациях, когда при жизни умерший не признавал своего отцовства, если ребенок

родился

не позднее 300 дней после его смерти и имеются доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от него, суд должен устанавливать факт отцовства, защищая при этом интересы ребенка и его матери.

Библиографический список

1. *Ахмедханова А. М.* Установление отцовства в административном и судебном порядке : по материалам правоприменительной практики республики Дагестан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. 30 с.
2. *Батова О. С.* Проблемы классификации судебных споров, связанных с воспитанием детей // Журн. рос. права. 2005. № 6. С. 25—33.
3. *Батова О. С.* Пути устранения противоречий гражданского процессуального и семейного законодательства при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей // Там же. 2006. № 6. С. 25—28.
4. *Беспалов Ю.* Разбирательство дел об установлении отцовства // Рос. юстиция. 2000. № 6. С. 13—14.
5. *Викут М. А.* Процессуальная природа судебных гражданских дел, вытекающих из Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье // Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье. Саратов, 1969. 189 с.
6. *Ворожейкин Е. М.* Семейные правоотношения в СССР. М. : Юрид. лит., 1972. 336 с.
7. *Грудницина Л. Ю.* Конституционные гарантии судебной защиты прав и свобод и особенности их реализации в гражданском судопроизводстве // Законодательство и экономика. 2005. № 2. С. 31—38.
8. *Данилин В. И., Реутов С. И.* Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 155 с.
9. Дело № 2-39 // Архив Муслюмовского районного суда Республики Татарстан за 2006 год.
10. *Добровольский А. А., Иванова С. А.* Основные проблемы исковой формы защиты. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 159 с.
11. Кассационное определение № 33-1164/05 // Архив Амурского областного суда за 2005 год.
12. Кодекс о браке и семье РСФСР : от 30 июля 1969 // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1397.
13. *Кондрашов С. А.* Возможности генетической экспертизы при идентификации личности и установлении отцовства (материнства) по гражданским и уголовным делам // Гражданин и право. 2001. № 10. С. 30—38.
14. *Кондрашов С. А.* Заключение эксперта по результатам анализа ДНК и его доказательственное значение // Там же. № 7. С. 35—43.
15. *Косова О.* Установление факта происхождения ребенка в особом судопроизводстве // Рос. юстиция. 1998. № 1. С. 41—43.
16. *Кострова Н. М.* Развитие процессуальных правил разбирательства семейных дел // Журн. рос. права. 2001. № 7. С. 101—108.
17. *Кочев Т. Д.* Установление отцовства в суде // Правоведение. 1985. № 1. С. 72—75.
18. *Кошкин В. М.* Судебное установление отцовства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. 21 с.
19. *Матерова М. В.* Судебное рассмотрение дел об установлении отцовства. М. : Юрид. лит., 1982. 112 с.
20. О защите прав человека и основных свобод : конвенция ETS № 005 от 4.11.1950 // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

21. О прекращении производства по жалобе гражданки Алексеевой Веры Павловны : определение Конституционного суда РФ от 28 июня 1995 г. № 132-О. Доступ из СПС «Гарант».
22. О применении норм гражданского процессуального кодекса РФ при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции : постановление Пленума Верховного суда РФ от 26.06.2008 № 13 // Бюл. Верхов. суда РФ. 2008. № 10.
23. О применение судами Семейного кодекса РФ при рассмотрении дел об установлении отцовства и взыскании алиментов : постановление пленума Верховного суда РФ от 25.10.1996 № 9 // Там же. 1997. № 1.
24. Обзор по результатам обобщения и анализа практики рассмотрения районными судами г. Иркутска дел об установлении отцовства за 2006 год. URL: <http://www.clinic.lawinstitut.ru> (дата обращения: 6.02.2009).
25. Обобщение судебной практики Амурского областного суда по спорам, вытекающим из семейных правоотношений за 2005 год. URL: <http://www.oblsud.tsl.ru/ob/ob27.htm> (дата обращения: 6.02.2009).
26. *Осокина Г. Л.* Иск : (теория и практика). М., 2000. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
27. Правовая система США. М. : Новая юстиция, 2006. Вып. 3. 999 с.
28. Решение Европейского суда по правам человека по вопросу приемлемости жалобы № 74826/01 «Леонид Шофман (Leonid Shofman) против Российской Федерации» // Бюл. Европейского суда по правам человека. Рос. изд. 2005. № 1.
29. *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2005. 688 с.
30. Семейный кодекс РФ : от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
31. *Спок Б.* Разговор с матерью : книга о воспитании. М. : Политиздат, 1990. 364 с.
32. Справка по результатам обобщения судебной практики по спорам, связанным с воспитанием детей, рассмотренным районными (городскими) судами Амурской области в 2006 году. URL: <http://www.oblsud.tsl.ru/ob/ob27.htm> (дата обращения: 6.02.2009).
33. Справка по результатам обобщения судебной практики рассмотрения судами Астраханской области дел по спорам, связанным с охраной прав и интересов несовершеннолетних детей за 2006 год. URL: http://www.regioncourt.astranet.ru/ss_detale.php?id=172 (дата обращения: 6.02.2009).
34. Справка по результатам рассмотрения судами Ивановской области дел об установлении отцовства и взыскании алиментов за период с 1 января 2006 по 1 апреля 2008 года. URL: <http://www.oblsud.ivanovo.ru> (дата обращения: 6.02.2009).
35. Справка Ростовского областного суда о работе по делам, споры по которым регулируются семейным законодательством, за 2006 год. URL: <http://www.rostoblsud.ru> (дата обращения: 6.02.2009).
36. *Тадевосян В. С.* Гражданско-процессуальные нормы в законодательстве о браке и семье // Сов. государство и право. 1970. № 3. С. 58—62.
37. *Тверская С., Поляков А.* Возможности генетической экспертизы // Юрист : электрон. журн. 2005. № 46. С. 27—35.
38. *Текеев А.* Особенности судебного разбирательства дел с участием несовершеннолетних // Рос. юстиция. 2003. № 5. С. 48—49.
39. *Фрейд З.* Психология бессознательного. СПб. : Питер, 1989. 400 с.
40. *Червяков К. К.* Установление отцовства и прекращение родительских правоотношений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1972. 169 с.
41. *Ярков В. В.* Юридические факты в механизме реализации норм гражданского права. Екатеринбург, 1992. Доступ из СПС «Гарант».
42. California Family code of 2003. URL: <http://www.leginfo.ca.gov/cgi-bin> (дата обращения: 15.08.2008).
43. Connecticut general statute of 2008. URL: <http://www.law.upenn.edu> (дата обращения: 15.08.2008).

44. County of El Dorado v. Misura, 38 Cal. Rptr. 2d 809 (Ct. App. 1995).
45. David L. v. Cindy Pearl L., 617 N.Y.S.2d 57 (App. Div. 1994).
46. Franson v. Micelli, 645 N.E.2d 404 (Ill. App. Ct. 1994).
47. Green v. Green, 39 Conn. Supp. 325, 326, 464 A.2d 72 (1983).
48. Gregory L. Rivera v. Jean M. Minnich, 483 U.S. 574 (1987).
49. In re Bruce, 522 N.W.2d 67 (Iowa 1994).
50. In re D.B.S., 888 P.2d 875 (Kan. Ct. App. 1995).
51. In re Paternity of A.R.R., 634 N.E.2d 786 (Ind. Ct. App. 1994).
52. In re Paternity of S.B.A., 645 N.E.2d 1103 (Ind. Ct. App. 1995).
53. Kentucky revised statutes of 1964. URL: <http://www.law.upenn.edu> (дата обращения: 15.08.2008).
54. Leiter v. Scott, 638 N.E.2d 1335 (Ind. Ct. App. 1994).
55. Mattox v. State Dep't of Revenue, Child Support Enforcement Div. ex rel. Neeson, 875 P.2d 763 (Alaska 1994).
56. Mississippi code of 1972. URL: <http://www.law.upenn.edu> (дата обращения: 15.08.2008).
57. Palomba v. Gray, 208 Conn. 21, 32, 543 A.2d 1331 (1988).
58. Pamela L. v. Frank S., 499 N.E. 2d. 713 (N.Y. 1983).
59. Pinter v. Pinter, 641 N.E.2d 101 (Ind. Ct. App. 1994).
60. Quilloin v. Walcott, 434 U.S. 246 (1978).
61. Ragin v. Lee, 78 Conn. App. 848, 854, 829 A.2d 93 (2003).
62. Revised code of Washington of 2000. State ex rel. Div. of Family Servs. v. Brown, 897 S.W.2d 154 (Mo. Ct. App. 1995).
63. State Dep't of Social Servs. v. Jones, 638 So. 2d 699 (La. Ct. App. 1994).
64. State ex rel. Div. of Family Servs. v. Brown, 897 S.W.2d 154 (Mo. Ct. App. 1995).
65. State ex rel. O.H. v. J.F.P., 891 S.W.2d 856 (Mo. Ct. App. 1995).
66. Uniform parentage act of 2000 // 9B U.L.A. 311 (Supp. 2000).
67. Wyoming. State v. D.D.M., 877 P.2d 259 (Wyo. 1994).

ББК 67.03

С. А. Орлова

**ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ КИЕВА И ОДЕССЫ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(по материалам сенаторских ревизий А. М. Кузминского
и Е. Ф. Турау 1905 г.)**

Первая революция всколыхнула практически все слои общества России, в том числе и вузовскую среду. На борьбу за свои права и интересы поднялись рабочие, крестьяне, инородцы, солдаты и матросы, все лица, недовольные своим положением и условиями жизни в России начала XX в. [6]. В авангарде революционной борьбы на определенном этапе выступила интеллигенция как наиболее образованная, не считая дворянства, часть тогдашнего российского общества [1, 2, 3].

Во время революции, 10 ноября 1905 г., приказом императора Николая II были назначены две сенаторские ревизии с целью выявления при-

---

© Орлова С. А., 2011

2011. Вып. 1. Право. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

чин и последствий острейших межнациональных столкновений, произошедших

в Киеве и Одессе 18—22 октября 1905 г. [14]. Ревизии проводились членами Уголовного кассационного департамента Сената Александром Михайловичем Кузминским (1844—1917) и Евгением Федоровичем Турау (1847—1914) [7, с. 44, 51—52].

Материалы ревизий мало изучены в литературе. Однако в них содержится интересная информация о ходе первой русской революции на территории Украины, в частности в Киеве и Одессе, в том числе об участии в ней профессоров и студентов Новороссийского университета (г. Одесса), университета Св. Владимира (г. Киев) и Киевского политехнического института.

Основной задачей сенаторов было выявление причин возникновения беспорядков и проверка «правильности действий местных властей» [4, с. 9]. Сенаторы подошли максимально ответственно к расследованию причин кровавых инцидентов 18—22 октября и в своих отчетах дали подробное описание развития революционного движения в Киеве и Одессе в течение всего 1905 г.

Е. Ф. Турау и А. М. Кузминский, независимо друг от друга, пришли к выводу, что после принятия 27 августа 1905 г. закона «О порядке управления высшими учебными заведениями», предоставившего автономию университетам, начался новый этап революции и центр борьбы перешел в студенческие аудитории [4, с. 123—124]. Например, Е. Ф. Турау указывал, что после издания закона в университете Св. Владимира и Киевском политехническом институте состоялся ряд публичных собраний студентов при участии «посторонней публики», в том числе рабочих, лиц разных профессий и общественного положения. Эти собрания, получившие название народных митингов, с каждым днем становились многолюднее, число «посторонних лиц» постепенно увеличивалось и достигло к концу сентября нескольких тысяч человек. В залах, где проходили эти собрания, портреты императора были убраны, а вместо них развешены красные флаги с революционными надписями. На митингах произносились «страстные речи» о непригодности существующего государственного строя, о необходимости борьбы с правительством, раздавались прокламации и производились сборы пожертвований на приобретение оружия и пополнение средств революционных организаций [4, с. 11].

В соответствии с законодательством начала XX в. (ст. 320—321 *Общего учреждения губернского* [11]) губернатор обязан был предотвращать и запрещать подобные митинги. Однако местные власти, зная о том, что происходило в вузах, не сделали ничего для того, чтобы не допустить дальнейшего неблагоприятного для правительства развития в Киеве революционных событий [7, л. 1—19].

Подобная ситуация сложилась и в Одессе. А. М. Кузминский писал о Новороссийском университете: «По снятии военного положения, университет сделался ареной народных митингов, на которые беспрепятственно допускались все желающие и сочувствующие революционному движению. На эти митинги, кроме студентов, являлись тысячами рабочие, военнослужащие, лица разных профессий, представители и члены разных революционных организаций, воспитанники всех учебных заведений, даже в возрасте 14 лет» [4, с. 123—124]. Организаторы митингов призывали слушателей к открытому восстанию и вооруженной борьбе с самодержавием и существующим государственным строем. Сенатор указывал, что на митинги в Новороссийском университете собиралось иногда до 6—7 тыс. человек, производился сбор

денег на вооружение рабочих и пролетариата, на вооруженное восстание, на покупку оружия для будущей милиции и самообороны. «В речах обсуждался, между прочим, и образ действий организаторов будущего восстания, причем, на случай уличных демонстраций, предположено было пускать вперед детей и подростков, в той уверенности, что такой авангард удержит полицию и войска от решительных действий», — писал А. М. Кузминский [4, с. 124].

А. М. Кузминский отмечал, что активными проводниками революционных идей и, одновременно, непосредственными участниками событий сентября — октября 1905 г. в Одессе являлись ректор Новороссийского университета, доктор прикладной математики И. М. Занчевский (1861—1928) и представители профессуры. «Университетское начальство и профессорская коллегия... с ректором университета Занчевским во главе... являлись главными распространителями революционных идей среди студентов», — указывал сенатор [4, с. 124]. В частности, он приводил такие факты: на митинге 4 октября ректор университета прочел постановление совета профессоров от 2 октября о том, что, так как в задачи университета, ввиду необходимости участия в освободительном движении, должна входить подготовка будущих политических деятелей, то университет предоставляет студентам все находящиеся в его распоряжении аудитории для устройства митингов и организации всевозможных партий. На митинге 7 октября другой член совета, профессор кафедры всеобщей истории Е. Н. Щепкин (1860—1920), благодаря присутствующих «за открытое и честное выражение своих убеждений», сказал им: «Когда настанет время и вы постучите в дверь, мы пойдем с вами на вашем “Потемкине”». Декан юридического факультета говорил, что видит в университете «единственный очаг света для той массы темного люда, который не спит более, а давно проснулся и жадно ловит каждое слово науки...» [4, с. 209].

Таким образом, из материалов сенаторских ревизий следует, что интеллигенция высших учебных заведений Киева и Одессы в сентябре — октябре 1905 г. возглавила революционное движение в этих городах, используя автономию университетов, предоставленную законом от 27 августа 1905 г. Профессора совместно со студентами организовывали в стенах университетов революционные митинги, вели подготовку вооруженного восстания с целью свержения существующего в России государственного строя. Ими создавались отряды студенческой милиции.

Как показало расследование А. М. Кузминского, в стенах Новороссийского университета, в студенческих общежитиях хранилось оружие. Во время столкновений с полицией и войсками в октябре 1905 г. этим оружием снабжали революционную молодежь. В частности, профессор Щепкин признал, что в университете студентам было роздано полтораста револьверов [4, с. 211], ими снабдили «милиционеров» — студентов, рабочих и моряков [4, с. 147].

Сенатор А. М. Кузминский подверг жесткой критике действия властей города Одессы, градоначальника Д. Б. Нейдгарта (1861—1942) за то, что он, зная о характере «сборищ» (так Кузминский называет университетские и уличные митинги начала октября), «служивших как бы первой ступенью к осуществлению революционных стремлений», не предпринял никаких мер к их прекращению. Только после того, как 15 октября 1905 г. была получена из Санкт-Петербурга от товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, телеграмма основанная на постановлении Особого совещания министров от 12 октября 1905 г. о недопущении в университеты на студенче-

ские собрания посторонних лиц и, в случае неисполнения данного требования, о временном закрытии университета [4, с. 127—128], 16 октября посторонних лиц в университет не пустили. Параллельно из оружейных магазинов изъяли все патроны и ввели в город войска [4, с. 129—130].

На эти события университет ответил протестом против действий градоначальника. В адрес С. Ю. Витте (назначенного премьер-министром 17 октября 1905 г.) была послана телеграмма с требованием снять Нейдгарта с должности [10, л. 191]. Кроме того, ректор Занчевский и коллегия профессоров обвинили градоначальника в том, что он нарушил университетскую автономию. В своем обращении к Нейдгарту Занчевский указывал, что митинги в университете носили «совершенно мирный характер», не мешая «правильному ходу университетской жизни». Комиссия профессоров университета предупредила градоначальника, что «если, ввиду преграждения полицией и войсками доступа публики в университет, последуют кровавые столкновения на улицах города Одессы, то они будут прямым последствием вмешательства администрации и полиции в жизнь автономного университета и о таком предупреждении, насчет возможных последствий действий полиции, комиссия профессоров своевременно уведомит министра внутренних дел» [4, с. 133—135].

Вооруженные революционеры, не сумев попасть в университет, 16 октября напали на полицейских и военных Одессы, построили баррикады, направили санитарные отряды и врачебную помощь в заранее определенные пункты при аптеках. В результате столкновений революционеров с властями 16 октября 1905 г. 9 человек было убито (пять тел восставшие принесли в университет, чтобы потом торжественно захоронить), 80 человек ранено. Полиция задержала 214 человек, среди которых оказались женщины и 13 детей в возрасте от 12 до 14 лет [4, с. 131].

После того как кровавые столкновения произошли, совет университета, не ожидавший такого отпора со стороны властей, уже 17 октября сформулировал очередное обвинение в адрес Д. Б. Нейдгарта. На этот раз они упрекали градоначальника в том, что полиция и войска, преследуя и избивая толпу, обращали преимущественное внимание на студентов, направляя на них свои шашки и нагайки [4, с. 134].

Революционеры утверждали, что были случаи нападения на отдельных студентов, шедших мирно по улице, и на санитаров, имевших знак Красного Креста, что власти не допускали студентов-санитаров к раненым. В результате совет университета постановил: а) выразить протест от имени совета по поводу возмутительных насилий, допущенных градоначальником и администрацией над жителями города Одессы и, в частности, над студентами и другими учащимися 16 октября 1905 г.; б) обратиться к министру юстиции с просьбой о назначении строжайшего следствия по фактам избиения студентов и особенно студентов-санитаров во время оказания ими помощи пострадавшим от нападения войск; в) поручить комиссии составить проект обращения совета в центральное бюро Красного Креста в Женеве «по поводу насилий над санитарями», находившимися под охраной Красного Креста; г) признать необязательным ношение студентами формы, так как, с точки зрения совета, это для них является опасным, и донести обо всем министру народного просвещения [4, с. 134—135].

Подобное поведение совета университета возмутило ревизующего сенатора и явилось, по его мнению, доказательством того, что университет был одним из оплотов революции [4, с. 210]. Кузминский считал, что от совета университета «возможно было ожидать более трезвой мысли» [4, с. 211].

Сбить накал революционной борьбы, по словам А. М. Кузминского, в Одессе удалось к 17 октября 1905 г. Город был занят войсками, по улицам ходили военные патрули [4, с. 135—136]. Однако революционеры решили на следующий день устроить торжественные похороны погибших накануне на баррикадах борцов за свободу, привлечь на это мероприятие представителей всех местных революционных организаций [4, с. 139]. По сведениям Нейдгарта, данные похороны должны были символизировать «похороны старого режима самодержавия» и проходить под «революционные гимны свободы» в присутствии городской думы и городского головы. Планировалось украсить город черными флагами и возложить красный венок [10, л. 603—603 об]. В связи с объявлением 17 октября 1905 г. Манифеста об усовершенствовании государственного порядка [14] похороны перенесли на 19 октября [4, с. 185].

18 октября 1905 г. одесские революционеры вышли на улицы с красными цветами, красными флагами, лозунгами «Долой самодержавие», «Долой полицию», «Да здравствует свобода». Ораторы говорили, что не следует довольствоваться неполными свободами, которые бросаются пролетариату в виде подачки, а нужно добыть полную политическую и экономическую свободу путем революции, баррикад, свержения самодержавия и учреждения демократической республики [4, с. 140].

Как установил Кузминский, власти не ожидали такой реакции на Манифест 17 октября 1905 г., в котором провозглашались права и свободы подданных. Наоборот, командующий войсками Одесского военного округа генерал Каульбарс, чтобы «дать населению возможность беспрепятственно использовать предоставляемую Манифестом свободу во всех видах», с утра 18 октября сделал распоряжение, чтобы войска, оставаясь в городе, не показывались на улицах, «дабы не нарушать среди населения радостного настроения» [4, с. 140]. Необходимо отметить, что подобным образом повели себя власти по всей стране (в Москве [6, с. 320], Санкт-Петербурге [6, с. 320—321], Киеве [4, с. 30—31] и других местах).

Активное участие в антиправительственных выступлениях 18 октября 1905 г. приняли студенты, профессора Новороссийского университета и его ректор И. М. Занчевский. По словам Кузминского, многотысячная толпа демонстрантов подошла к Александровскому полицейскому участку и потребовала освобождения политзаключенных. Во главе толпы находились студенты, которые заявили приставу Рацшевскому: «Именем народа мы, представители народа и народного правительства, требуем освобождения всех политических арестованных». В случае отказа выполнить их требования студенты пригрозили приставу, что освободят заключенных силой и «от участка не останется камня на камне» [4, с. 142].

Тогда же к участку подъехал ректор университета Занчевский и предъявил аналогичные требования. Поскольку полицейские отказались выпустить заключенных, Занчевский начал переговоры с градоначальником и, в обмен на освобождение политических арестованных, обещал выдать тело убитого революционерами городского Губия. Нейдгарт согласился. После такого «успеха» Занчевский отправился в здание судебных установлений, расположенное рядом с полицейским участком, и предъявил требование прокурору

окружного суда об освобождении из тюрьмы не менее 15 заключенных. Занчевский угрожал «кровопролитием», так как огромная толпа уже отправилась к тюрьме, охраняемой войсками, чтобы силой освободить политзаключенных [4, с. 143]. А. М. Кузминский писал: «Ректор, в сопровождении студентов, разъезжал по полицейским участкам, предъявляя те же требования об освобождении заключенных, и, когда получал ответ о том, что их нет, удостоверился в том, обходя камеры и обозревая книги участка, причем студенты угрожали чинам полиции насилием, до повешения включительно, и распространяли сведения о совершившемся упразднении законной власти» [4, с. 143].

С точки зрения А. М. Кузминского, 18 октября 1905 г. действия толпы «носили на себе признаки караемого 121 статьей Уголовного уложения преступления, требовавшего немедленного прекращения дальнейшего его совершения» [4, с. 179—180]. Укажем, что статья 121 Уголовного уложения устанавливала ответственность для виновных «в участии в публичном скопище, заведомо собравшемся с целью выразить неуважение Верховной власти или порицание установленного Основными Государственными Законами образа правления... или заявить сочувствие бунту... или учению, стремящемуся к насильственному разрушению существующего в государстве общественного строя...». Наказывалось подобное преступление заключением в крепость на срок не свыше трех лет или заключением в тюрьму. Организаторы и пособники в устройстве «скопища», а также руководители заключались в крепость или тюрьму на срок не ниже 6 месяцев. «Если же для рассеяния такого скопища была призвана вооруженная сила (градоначальник Нейдгарт призвал военных на помощь 19 октября 1905 г., и войскам было оказано жесточайшее сопротивление со стороны революционеров [4, с. 162—163]. — С. О.), то не оставивший одного, после предъявленного, в присутствии вооруженной силы, требования разойтись, наказывается: ссылкой на поселение или заключением в исправительном доме» [15, с. 412]. В соответствии с данной статьей полиция обязана была привлечь к уголовной ответственности студентов Новороссийского университета и ректора Занчевского. Однако власти этого не сделали, и революция разгорелась с невиданной силой. 19 октября 1905 г. революционерами была расстреляна безоружная патриотическая манифестация. В ответ патриоты устроили кровавый погром, который закончился только 22 октября 1905 г. [4, с. 184—185].

Сенатор А. М. Кузминский возбудил уголовное преследование против одесского градоначальника Д. Б. Нейдгарта по обвинению в деянии, предусмотренном ч. 2. ст. 341 Уложения о наказаниях [16, с. 435], за «противозаконное бездействие власти» [4, с. 193—207]. Выводы А. М. Кузминского были отвергнуты Правительствующим Сенатом, а Д. Б. Нейдгарт оправдан [7, с. 67]. С 1 января 1907 г. Д. Б. Нейдгарта самого назначили сенатором, он получил звание тайного советника [11, л. 1]. Кроме Д. Б. Нейдгарта А. М. Кузминский предал суду еще 42 должностных лица города Одессы [4, с. 220]. В Киеве, где события происходили аналогичным образом, сенатор Е. Ф. Турау привлёк к ответственности только 3 должностных лиц, самым значительным из которых являлся полицмейстер В. И. Цихоцкий [2, с. 87—109].

Интересна судьба ректора Новороссийского университета профессора И. М. Занчевского. О нем сообщалось в газете «Речь» от 18 февраля (3 марта) 1909 г. [12, с. 4]. Несмотря на результаты расследования А. М. Кузминского, ректора Новороссийского университета, тогда не привлекли к уголовной ответственности и он продолжал свою революционную деятельность в стенах

университета еще в 1906—1907 гг. В конечном итоге министерство народного просвещения в феврале 1907 г. командировало в университет члена Совета министра просвещения Т. С. Спешкова. Собранный Спешковым материал дал основание министру народного просвещения войти с представлением в Правительствующий сенат о возбуждении против ректора Занчевского уголовного преследования. Данные следствия вылились в огромный обвинительный акт в 127 печатных страниц и позволили предать его уголовному суду по ст. 339 и ч. 2 ст. 341 «Уложения о наказаниях», то есть за «бездействие власти, имевшее своим последствием важное расстройство правильного течения академической жизни», и по ст. 362, т. е. за «сообщение Министру народного просвещения заведомо неверных сведений о положении дел в Новороссийском университете» [10, л. 641].

В сентябре 1908 г. Правительствующий сенат дал свое толкование понятия университетской автономии. Разъясняя закон от 27 августа 1905 г., Сенат указывал, что автономия предоставлялась «лишь в смысле дарования советам университетов весьма драгоценного права свободного выбора ректора и проректора и участия всей профессорской коллегии в урегулировании правильного хода учебной жизни». Данный закон, писали сенаторы, «не дает советам право устанавливать новые нормы учебной жизни, не согласные с действующими законами и правилами, и за министром народного просвещения сохранено в полной силе право контроля и надзора над всеми действиями советов университетов» [8, с. 2737—2739].

Таким образом, с помощью сенатского разъяснения понятия автономии правительство пыталось остановить развитие революционного движения в университетах. Однако, как установили современные исследователи, политическая борьба в высших учебных заведениях продолжалась и после революции 1905—1907 гг. [5, с. 10—19]

Библиографический список

1. *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России, 1899—1907. М., 1971.
2. *Иванов А. Е.* Российский ученый корпус в зеркале первой русской революции // Неприкосновенный запас. 2001. № 6.
3. *Иванов А. Е.* Студенты России конца XIX—начала XX в. Социально-историческая судьба. М. 1999.
4. Киевский и Одесский погромы в расследованиях сенаторов Турау и Кузминского / предисл. И. Непомнящего. СПб., [1907].
5. *Маркин В. Л.* «Университетский протест» 1911 года и реакция российского общества // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 2009. № 5.
6. Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005.
7. Правительствующий Сенат. СПб., 1912.
8. Право. 1908. № 49.
9. РГИА. Ф. 1392. Оп. 1. Д. 19.
10. РГИА. Ф. 1536. Оп. 1. Д. 2.
11. РГИА. Ф. 1341. Оп. 548. Д. 215.
12. Речь. 1909. 18 февр. (3 марта).

13. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. 2 : Свод губернских учреждений. Общее учреждение губернское. Изд. 1892 г. СПб., 1916.
14. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. СПб., 1905. Отд. I. № 225. Ст. 1876.
15. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Статьи, введенные в действие / изд. Н. С. Таганцева. СПб., 1911.
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / изд. Н. С. Таганцева. СПб., 1913.

ББК 67.404

И. Е. Павлова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА БРАКА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Человечество, прежде чем придти к каким-либо формам брака, даже весьма несовершенного, пережило состояние отсутствия брака, которое называют гетеризмом или общинным браком. При такой форме брака все мужчины и женщины в рамках одной небольшой общины считаются в супружестве между собой. Эту стадию прошли и славяне.

До принятия христианства регулятором брачных отношений выступали обычаи. В глубокой древности брак заключался через похищение. Похищение — это насильственный увод девицы с намерением сделать ее женой. Брак через похищение предполагает крайне незамирное состояние общества. У некоторых южных славян поезд жениха, отправляющегося в дом невесты, называется полком. «Эти наименования указывают на то, что было время, когда жен доставали войной, когда за невестой действительно отправлялся полк, во главе которого стоял тысяцкий. Въезжая в село, поезжане спрашивают сельского судью: “Можно ли войти в село несколькими чужеземцам?” Судья отвечает: “Пусть войдут, только бы они пощадили стариков и малых детей”. В древности, значит, дело не обходилось без жертв. Возникновение такого способа установления брака стоит в тесной связи с воинственным (разбойническим) бытом первобытных народов. Войны с целью наживы ведутся не только между разными племенами, но и среди одного и того же племени. Счастливый победитель возвращается с добычей и пленницами. Лучшие из них становятся его женами» [10, с. 347]. В глазах первобытного человека иметь жен, добытых силой своей руки, есть предмет гордости.

Оборотной стороной похищения является покупка жен — это обычай тоже очень древнего происхождения. Семейство, потерпевшее от похищения убыток, не всегда успокаивается на этой обиде. Оно может собрать в ответ силы и с оружием в руках добиваться возвращения похищенной девушки домой. Между похитителями и потерпевшими может возгореться война. В случае нерешительного ее исхода сторонам ничего не остается, как обратиться к компромиссу. Примирение на условии денежного вознаграждения пострадавшей стороны является самым обыкновенным способом прекращения войны. В таком виде представляется первоначальное возникновение покупки жен.

Славянским племенам были известны различные формы брака. Повесть временных лет описывает форму брака следующим образом: «И радимичи, и вятичи, и севереть одинъ обычай имяху: живяху в лесе, яко же всякий зверь, ядуше все нечисто, и срамословие в них предъ отъци и предъ снохами, и браци не бываху въ них, но игрища межню селы, схожахуся на игрища, на плясанье, и на все бесовские игрища, и ту умыковаху жены собе, с нею же кто съевещашеся; имяху же по две по три жены» [8, с. 14]. Таким образом, у славян существовало многоженство и не было брака с точки зрения соблюдения канонических законов. Здесь говорится об «умычке», но в смысле не действительного похищения, а только обряда. Радимичи, вятичи и северяне прежде сговариваются с девицей, она дает свое согласие, а потом уже происходит похищение.

О древлянах летописец говорит: «Убиваху друг друга... и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девица жоны собе» [8, с. 15]. Здесь можно увидеть указание на действительное похищение; упоминание же о воде можно объяснить как намек на удобный для похищения момент в то время, когда девица идет за водой.

О полянах летописец говорит, что у них были брачные обычаи, и затем приводит следующее: «Не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней, что владуче» [8, с. 15]. Здесь нет даже обрядового похищения, а родители сами приводят невесту в дом жениха. Вторая половина свидетельства допускает возможность двойного понимания: 1) на другой день жених приносит родителям плату за невесту, 2) на другой день приносят в дом жениха приданое невесты.

И то и другое понимание находит подтверждение в наших источниках. Из Русской Правды мы знаем, что братья дают приданое за сестрой. Из начальной летописи видно, что за жен платилось вено. Слово «вено» происходит от глагола «венити», который означает «ценить, покупать»: «...не пять ли птиц вениться пенязе ма двема». В народных обрядах и до наших дней жених рассматривается как купец, а невеста как — товар. В некоторых местах и теперь берется плата за невесту. В Нерехте крестьяне почитают за бесчестие отдать дочь безденежно. Чем выше цена, тем более чести для невесты [10, с. 350].

Вот и все, что говорит летописец о брачных обычаях полян. Можно думать, что он написал не все, что можно было сказать. Если у древлян, которых он ставит ниже полян, брак сопровождался уже некоторыми религиозными обрядами, можно ли думать, что таких обрядов не знали поляне?

У полян имелась форма брака, основанная на свободном соглашении и религиозных обрядах, — приведение. Невесту приводят в дом жениха и за нее приносят приданое, брак при этом сопровождается религиозными действиями (например, жертвоприношением). Эти приводимые по полянскому обычаю жены так и назывались — «водимые жены». Летописец, перечисляя жен Владимира, говорит: «...и быша ему водимья» [8, с. 45], а затем идет перечисление пяти жен и рожденных от них детей, что подтверждает существование полигамии. Многоженство было весьма распространенным явлением, но для того, чтобы иметь много жен, необходимо иметь и средства, достаточные для их содержания. Следовательно, подобное явление — это отличительная черта богатых, классовый признак особого достоинства человека. Бедные люди, скорее всего, довольствовались одной женой.

Таким образом, изучив летопись, мы приходим к выводам, что дохристианский брак устанавливался при посредстве языческих религиозных обрядов, которые выступали как своеобразные регуляторы.

В брак вступали в возрасте, в котором были уже возможны супружеские отношения. Из летописного свидетельства о радимичах, вятичах и северянах следует заключить, что иногда, по крайней мере, молодые люди сами выбирали себе невест, а девицы — женихов. Следы похищения, сохранившиеся в обрядах, указывают на то, что браку, описанному летописцем, предшествовал более древний, совершавшийся путем действительного похищения.

Древнейший брак не мог заключаться в целях единения всей жизни двух существ. Он рассматривался прежде всего как средство удовлетворения потребностей мужчины, женщина служила этим потребностям [10, с. 329]. Древнейшее положение женщины было весьма принижено. На это указывают брачные обряды, которые сохраняются вплоть до XVI века, например передача отцом невесты жениху плети как символа власти над женщиной или обряд разувания мужа. Но нельзя из этого делать вывод о том, что грубое отношение к женщинам совершенно исключало возможность своеобразной любви и привязанности к ним. О том, что должное хозяйке дома все же отдается, говорят пословицы «Не дай Бог гореть да овдоветь», «Дай Бог погореть, да не дай овдоветь», «Не плачет малый, не плачет убогий, а плачет да горюет вдовый» [10, с. 329].

Как мы видим, бракосочетание неразрывно связано с различными обрядовыми действиями. Свадьбе среди подобных обрядов принадлежит самое важное место. Свадебный обряд является совокупностью условных, традиционных действий, лишенных практической целесообразности, но служащих определенным символом социальных отношений, формой их народного выражения и закрепления.

Языческие свадьбы сопровождались веселыми и шумными празднествами, непременными участниками которых были скоморохи, плясицы, дудочники. Многие из языческих обрядов (хороводы, песни, танцы) были затем привнесены и в христианский быт. Для славян «брак — это один из важнейших социальных институтов, связанный с определенной системой ритуальных форм, мотивов и символов» [11, с. 57]. Наиболее обобщенный символ брака — круг. Брак заключался путем обхода молодых вокруг дерева, озера, дома или церкви. Предметными символами были также кольцо, венок, кольцеобразный каравай. Кольцу придается двоякий смысл, первоначально оно появилось на востоке, где его заимствовали греки, потом перешло к римлянам, а затем распространилось по всему миру. Кольцо, надеваемое невесте, служило знаком для других мужчин, что эта женщина «уже не продается». В 800 году Папа римский Николай объявил о праве использования колец христианами, и с того времени кольцо стало не только служить материальной основой сделки, но и означать «верность, постоянство, целостность любви» и напоминать людям о святости брака.

Отношения супругов в браке можно охарактеризовать как подчинение жены мужу. Обычай разувания мужа сохранялся, например, на Украине до XIX века: новобрачная снимала с мужа сапоги, а он ударял ее голенищами по спине, что означало его право наказывать жену. Из народных песен видно, что символом свободы была распущенная коса, украшенная лентами, а символом подчинения — повязка. Долгое время на Руси сохраняется власть мужа

над женой, подтверждением чему служит право мужа наказывать свою жену, причем абсолютно безнаказанно для себя. Особенно это прослеживается в тексте Домостроя [4, с. 155]. С принятием христианства взгляд на подчинение жены мужу несколько смягчился, а во взаимных отношениях супругов стало более проявляться равенство. Хотя и для христианского брака характерна зависимость жены от мужа, поскольку личное положение жены определялось положением ее мужа (жена князя становится княгиней, жена боярина — боярыней и т. д.).

Древний брак был весьма непрочен и недолговечен, в отличие от брака христианского. Однако естественно предположить, что если в браке возникало чувство взаимной привязанности, то супружеские отношения могли продолжаться длительное время.

Дохристианский брак не был союзом нерасторжимым. Историки права признают, что древний брак мог быть расторгнут как в силу односторонней воли мужа, так и по обоюдному соглашению супругов. Устав Ярослава воспрещает мужу самовольно отпускать жену не потому только, что это против правил греческой церкви, вошедших в состав наших кормчих книг, но и потому, что такой способ прекращения брака практиковался у нас с древнейших времен. В статье того же устава можно видеть указание на развод по соглашению обоих супругов: «Аже муж с женой по своей воле распуститься, епископу 12 гривен...» [12, с. 169]. Это связано с тем, что простые люди часто игнорировали правила, установленные князьями и церковью, продолжая вступать в брак и расторгать его способами, известными еще с языческих времен.

Брак — это важнейший социально-правовой институт, он лежит в основе образования семьи. Посредством установления правовых норм государство оказывает регулирующее воздействие на брак. Если изначально регулирование брачных отношений полностью находилось под властью норм обычного права, то с принятием христианства отношение к браку начинает определяться нормами христианской морали и переходит под юрисдикцию церкви. Веками институт брака был под ее управлением, а государство вмешивалось в регулирование супружеских отношений лишь частично.

Церковь стремилась укрепить брак как социальный институт и придать ему осмысленное духовное начало. «Брак в соответствии с каноническим законодательством есть таинство, в котором при добровольном перед священником и церковью обещании женихом и невестой взаимной супружеской верности благословляется и оформляется их супружеский союз» [2, с. 393]. Основное значение в христианском браке получила форма его заключения путем особого церковного обряда, совершавшегося в церкви, — венчания. Кроме того, установление христианской формы брака привело к рецепции византийского брачного права, поскольку и сама религия пришла к нам из Византии.

Изначально определение браку было дано в Дигестах Юстиниана: «Nuptiae sunt conjunctio maris et foeminae, consortium omnis vitae, iuris divini et humani communicatio» [3, с. 274]. Переводы данного определения несколько отличаются друг от друга, что, однако, не меняет его сущности: «Брак есть супружеский союз мужа и жены, общность всей жизни, единение божественного и человеческого права» [7, с. 275]; «Брак — это союз мужа и жены, объединение всей жизни, связь права божественного и человеческого» [9, с. 103].

Автором указанного определения считается римский юрист Модестин. Он был язычником, но, несмотря на это, указал в данном определении на вполне подходящие для христианского брака признаки. Один из них указывает на брачное соединение как на союз одного мужчины и одной женщины. Кроме того, «здесь со всею ясностью указаны... *естественное основание* брака — различие половъ... *этическое содержание* брака, состоящее въ полномъ и неразрывномъ общеніи всехъ жизненныхъ отношеній между супругами...» [6, с. 42—43]. В этом определении «недостаетъ только названія брака таинствомъ и прямого указанія на взаимное согласіе брачующихся лицъ, какъ на необходимую форму заключенія ихъ союза. Но если юристъ-язычникъ не могъ говорить о браке, какъ таинстве, то естественная природа брака, какъ жизненнаго, а не чисто-договорнаго отношенія, определена имъ такъ полно и правильно, что это определеніе оказывалось совершенно пригоднымъ и для христианскаго понятія о браке, темъ более, что съ естественной стороны своей бракъ нисколько не изменился отъ того, что въ христианстве онъ получилъ характеръ и достоинство таинства» [6, с. 43].

Данная дефиниция оказалась настолько востребованной и живучей, что повторялась в других церковно-юридических сборниках, в частности, была включена в 48-ю главу Кормчей [1, с. 35].

Определение брака как союза мужчины и женщины, события всей жизни, единения божественного и человеческого права просуществовало вплоть до свержения самодержавия и установления советской власти. Несколько менялись лишь условия вступления в брак и его расторжения. Церковь, получив в свое ведомство заключение браков, должна была применять к ним и все те условия, которые требовались от вступающих в брак каноническими правилами. Но нет повода думать, чтобы эти правила применялись в русской действительности в полной мере.

С принятием христианства изменяется и порядок прекращения брака. Это происходит под влиянием тех новых начал, которые были принесены к нам из Византии. Эклога — византийский законодательный свод VIII века — проводит идею нерасторжимости брака на том основании, во-первых, что Ева была создана из ребра Адамова и, следовательно, составляет с ним одно нераздельное целое; во-вторых, союз Адама и Евы не был расторгнут и после грехопадения; в-третьих, на вопрос фарисеев Иисус Христос ответил: «Что Бог соединил, того человек да не разлучает» [10, с. 355]. Однако Эклога допускает развод, но только в определенных случаях: при неспособности к брачному сожителству, если жена нарушит супружескую верность, при заболевании проказой, при безвестном отсутствии мужа, при поступлении в монашество одного из супругов, при покушении супругов на жизнь друг друга и в других [13, с. 44—50]. «Источники византийского законодательства, посвященные браку и семье, подвергались свободной рецепции» [5, с. 175—176], поэтому в древней практике встречаются примеры иных поводов и оснований для развода. «Из церковного устава Ярослава видно, что она допускала разводы даже на основании поводов, совершенно неизвестных римскому праву: “Аще ведет жена мужа своего покрасти клетъ, или товар, или сама покрадет да иным подасть, или иметь ведати, что хотят церковь покрасти, а она мужу своему не скажетъ, — распустити”» [10, с. 355]. Таким образом, на Руси имели место случаи установления и прекращения брака с нарушением принятых византийской церковью правил.

С течением времени государство все больше вмешивалось в регулирование супружеских отношений, особенно активно вводил новшества Петр I. Но вплоть до издания Свода законов не было нормативного кодифицированного государственного акта, регулирующего сферу брачных отношений. Свод вобрал в себя в основном нормы из церковных источников, не внося существенных изменений в брачное законодательство, не менял формы брака. И только в советский период государство коренным образом изменило отношение к браку и его понимание. Регулирование брачных отношений перешло строго под юрисдикцию государства.

Библиографический список

1. *Громогласовъ И.* Определенія брака в Кормчей и значеніе ихъ при исследованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія. Сергіевъ Посадъ : Типогр. Св.-Тр. Сергіевой Лавры, 1908. Вып. 1. 210 с.
2. *Гуревич А. Я.* Индивид и общество в варварских государствах // Проблемы истории докапиталистических обществ. М. : Наука, 1968. Кн. 1. 600 с.
3. *Дигесты Юстиниана* : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофранов. М. : Зерцало, 2004. Т. 4. 780 с.
4. *Домострой* / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова, М. В. Пименовой. М. : Сов. Россия, 1990. 304с.
5. *Момотов В. В.* Формирование русского средневекового права в IX—XIV вв. М. : Зерцало-М, 2002. 416 с.
6. *Павлов А.* 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М. : Въ Университетской типографіи, 1887. 452 с.
7. *Павлов А. С.* Курс церковного права. СПб. : Лань, 2002. 384 с.
8. *Повесть временных лет* / под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М. ; Л., 1950. Ч. 1. 406 с.
9. *Пухан И., Поленак-Акимовская М.* Римское право : (базовый учебник) / пер. с македонского В. А. Томсинова, Ю. В. Филиппова ; под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 1999. 411 с.
10. *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2004. 488 с.
11. *Славянская мифология* / под ред. С. М. Толстой, Т. А. Агапкина. М. : Международ. отношения, 2002. 509 с.
12. *Устав князя Ярослава* : краткая редакция // Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. 432 с.
13. *Эклога* : византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965. 226 с.

ББК 67.628.3

И. Б. Степанова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ИТОГИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

© Степанова И. Б., 2011

2011. Вып. 1. *Право. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения* •

Федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» была произведена серьезная реконструкция уголовно-правовых норм, посвященных вопросам ответственности за организованную преступную деятельность. Главной причиной законотворческой работы в этой области послужило несовершенство правового регулирования в сфере противодействия организованной преступности, о котором многократно говорилось представителями научной общественности и практическими работниками. Потребность в более четкой регламентации и разграничении ответственности за совершение преступлений в составе организованных форм соучастия была очевидна. Кроме того, было необходимо привести национальное законодательство в соответствие с Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности, которая была подписана Российской Федерацией 12 декабря 2000 г. и ратифицирована 26 апреля 2004 г.

В ходе реформирования уголовного законодательства принципиальные изменения были внесены в само понятие преступного сообщества. Если ч. 4 ст. 35 УК РФ раньше под преступным сообществом (преступной организацией) понимала сплоченную организованную группу, созданную для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданное в тех же целях, то в новом законе данная форма соучастия определяется как «структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды».

К несомненным достоинствам новой дефиниции следует отнести исключение признака *сплоченности*, который порождал бесконечные и малопродуктивные дискуссии относительно его содержания, противоречиво толковался в науке, не давал правоприменительной практике объективных критериев разграничения преступного сообщества и организованной группы. Поэтому лишение данного признака самостоятельного уголовно-правового значения воспринято большинством ученых как вполне обоснованное, логичное законодательное решение.

В новом федеральном законе в качестве конститутивного признака преступного сообщества названа *структурированность* организованной группы. Данная законодательная новелла воспринята учеными неоднозначно.

Некоторые авторы отмечают ее прогрессивный характер, полагая, что теперь появилась возможность объективного разграничения смежных форм соучастия [7, с. 59]. Другие весьма скептически оценивают результативность произведенных законодательных изменений. Например, П. Агапов настороженно замечает, что, несмотря на реконструкцию уголовно-правовых норм, проблема разграничения организованной группы и преступного сообщества сохранит свою остроту и актуальность, поскольку «правоприменитель будет вынужден вновь искать критерии отличия *устойчивой* организованной группы от *структурированной* организованной группы» [1, с. 5]. По мнению В. Быкова, «попытка законодателя определить преступное сообщество (преступную организацию) как организованную группу, имеющую свою собственную структуру, не выдерживает критики. Многие организованные группы имеют свою собственную структуру, которая может быть достаточно

сложной, но один этот признак еще не позволяет считать их преступными сообществами (преступными организациями)» [3].

На наш взгляд, критерий разграничения указанных форм соучастия в настоящее время обозначен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 10 июня 2010 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)». Согласно его положениям (п. 3, 4), преступным сообществом можно признать лишь структурно оформленную организованную группу, состоящую из подразделений, характеризующихся стабильностью состава, согласованностью действий и, что особенно важно, территориально и (или) функционально обособленных. Особая структура, безусловно, может быть присуща и организованной группе, которая также может состоять из подгрупп, звеньев и т. п., не отвечающих, однако, признакам структурного подразделения преступного сообщества в части требований о *функциональной и (или) территориальной обособленности*.

В юридической литературе была высказана мысль о том, что в качестве структурных подразделений преступного сообщества могут выступать исключительно организованные группы (организованные «блоки», организованные «бригады», организованные «звенья» и т. п.) [5, с. 52—53]. Данное утверждение представляется весьма не бесспорным.

Во-первых, согласно п. 4 названного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ, «структурные подразделения, объединенные для решения общих задач преступного сообщества (преступной организации), могут не только совершать отдельные преступления (дачу взятки, подделку документов и т. п.), но и выполнять иные задачи, направленные на обеспечение функционирования преступного сообщества (преступной организации)». Следовательно, по смыслу данного постановления структурные подразделения могут создаваться не для совершения преступлений, а для обеспечения существования преступного сообщества (снабжения информацией, поддержания организационного единства преступного формирования, разведывательной деятельности, ведения документации, обеспечения безопасности членов преступного сообщества и т. п.). Однако организованной группой, согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ, является устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких *преступлений*. Поэтому буквальное толкование текста закона позволяет предположить возможность и иной уголовно-правовой природы структурных подразделений преступного сообщества, нежели организованные группы.

Во-вторых, в легальном определении преступного сообщества такие организационные формы его существования, как структурированная организованная группа и объединение организованных групп, действующих под единым руководством, названы в качестве самостоятельных. Если же под структурными подразделениями преступного сообщества понимать исключительно организованные группы, то исчезнет грань между вышеназванными формами сообщества. Следовательно, такое толкование структурного подразделения алогично.

Наконец, заметим, что в интересах правоприменительной практики в настоящее время не следует четко определять структурные подразделения преступной организации как конкретные формы соучастия (тем более как

организованные группы), иначе многократно усложнится и без того нелегкий процесс доказывания наличия признаков преступного сообщества.

Наиболее уязвимым звеном в законодательном определении преступного сообщества, на наш взгляд, является формулировка цели его создания — «совместное совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». Таким образом, в новой редакции ч. 4 ст. 35 УК РФ цель дополнена указанием: 1) на *совместность* совершения преступления; 2) на возможность создания преступного сообщества для совершения *как нескольких, так и одного преступления*; 3) на совершение преступлений *для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды*.

Данные законодательные новеллы вызывают весьма серьезные критические замечания.

1. Представляется излишним уточнение в формулировке цели того, что преступное сообщество создается для *совместного* совершения преступления. Совместность — это необходимый признак соучастия в преступлении, предусмотренный ст. 32 УК РФ, поэтому в его дублировании при определении такой формы соучастия, как преступное сообщество, не было никакой необходимости.

2. У многих авторов возникают, на наш взгляд, небезосновательные сомнения в разумности указания в ч. 4 ст. 35 УК РФ на возможность создания преступного сообщества в целях совершения *одного* тяжкого или особо тяжкого преступления. Так, по мнению Т. Ю. Орешкиной, преступное сообщество, являющееся сложным по структуре, масштабам и управлению образованием, создается для совершения множественности преступлений (по сути, для организованной преступной деятельности). А для объединения организованных групп такая цель просто немыслима [8, с. 143].

3. Нельзя признать удачным указание на цель *получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды*. Во-первых, данная цель чужеродна российскому уголовному праву, она не предусмотрена больше ни в одном составе преступления, не вписывается в систему УК. Если проанализировать ее интерпретацию Пленумом Верховного Суда РФ, то следует, на наш взгляд, констатировать тождественность ее содержания корыстной цели. Так, под прямым получением финансовой или иной материальной выгоды, согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г., следует понимать совершение преступлений, в результате которых осуществляется непосредственное противоправное обращение в пользу членов преступного сообщества денежных средств или иного имущества. Косвенное получение финансовой или иной материальной выгоды подразумевает совершение преступлений, которые непосредственно не посягают на чужое имущество, но обуславливают преступное обогащение в дальнейшем как членами преступного сообщества, так и другими лицами. Думается, вместо столь сложной для восприятия формулировки цели, предложенной законодателем, было бы более корректным указание в тексте статьи на корыстную цель создания преступного сообщества.

Во-вторых, в уголовно-правовой литературе вообще высказаны некоторые сомнения в целесообразности фиксации корыстной направленности деятельности преступных сообществ. В официальном отзыве Верховного Суда РФ на проект анализируемого федерального закона было высказано замечание относительно того, что преступное сообщество (преступная организация)

может преследовать иные цели, не связанные с получением указанной выгоды (например, сообщество террористов может руководствоваться идейными соображениями, политическими целями) [10]. На наш взгляд, весьма серьезным отрицательным следствием закрепления в качестве обязательного признака преступного сообщества цели получения финансовой или иной материальной выгоды является разрушение существовавшей в УК системы организованных преступных формирований. Определение преступного сообщества в ч. 4 ст. 35 УК РФ было базовым по отношению к специальным видам преступного сообщества, к числу которых, например, можно отнести экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ). Думается, в свете нового понятия преступного сообщества нам не удастся найти ответ на вопрос о юридической природе экстремистского сообщества, поскольку оно уже не вписывается в иерархическую пирамиду форм соучастия, закрепленную в ст. 35 УК РФ.

4. К сожалению, измененная редакция ч. 4 ст. 35 УК РФ сохранила в формулировке цели преступного сообщества указание на степень тяжести совершаемых им преступлений (исключительно *тяжкие или особо тяжкие*). В юридической литературе многократно отмечалась некорректность такого подхода, подчеркивалась недопустимость определения качества криминальной структуры через данный критерий, поскольку для совершения тяжких или особо тяжких преступлений могут быть созданы и группа лиц по предварительному сговору, и организованная группа [4, с. 146]. Вместе с тем законодатель, реформируя ч. 4 ст. 35 УК РФ, не изменил свою прежнюю позицию по данному вопросу.

В процессе реформирования уголовного законодательства существенным образом изменено содержание ст. 210 УК РФ. В настоящее время закон признает преступным «создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений либо руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а также координацию преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработку планов и создание условий для совершения преступлений подобными группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений» (ч. 1 ст. 210 УК).

Законодатель значительно расширил содержание объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ. В части первой данной статьи теперь указаны восемь самостоятельных видов организационной деятельности. Первые три были известны уголовному законодательству ранее, другие пять новые. Попытка более подробного описания преступных действий позитивно оценена многими авторами. Смысл законодательных изменений был четко сформулирован в пояснительной записке к законопроекту, где отмечалось, что новая диспозиция ч. 1 ст. 210 УК РФ позволит привлечь

к уголовной ответственности лидеров преступной среды (так называемых воров в законе и других «авторитетов» преступного мира), осуществляющих руководство противоправной деятельностью, использующих свое влияние на участников организованных групп, но не совершающих лично каких-либо

преступлений. В прежней редакции ст. 210 УК РФ координационная деятельность членов преступного сообщества, не участвующих в подготовке и совершении конкретных преступлений, не была криминализована. Реализацию данной идеи некоторые ученые считают «самым значимым результатом реформирования законодательства об ответственности за высокоорганизованную преступную деятельность» [2, с. 12]. Однако юридическая техника воплощения данной идеи, на наш взгляд, оставляет желать лучшего. Представляется, что содержание признака «координация преступных действий» шире содержания других, указанных далее в диспозиции признаков, носящих более определенный характер. Думается, что создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами, раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними — это тоже разновидности координационных действий. Указание на них в тексте уголовно-правовой нормы не несет дополнительной смысловой нагрузки, а лишь загромождает УК. Поэтому по такому принципу нормативного структурирования правовых предписаний, как «экономия текста закона», следовало бы исключить из ч. 1 ст. 210 УК РФ элементы дублирования, искусственно увеличивающие объем нормы, достаточно оставить такую форму деяния, как «координация преступных действий самостоятельно действующих организованных групп». Дать перечень возможных координационных действий можно было в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, тем более, что в тексте УК законодателю так и не удалось сформулировать его исчерпывающим образом.

В новую редакцию ст. 210 УК РФ включена ч. 4, устанавливающая уголовную ответственность за совершение деяний, предусмотренных ч. 1 данной статьи, лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Новый квалифицирующий признак, безусловно, породит сложности на практике, поскольку он имеет оценочный характер. В настоящее время содержание данного признака остается одним из самых дискуссионных вопросов. В п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. отмечается лишь то, что о лидерстве лица в преступной иерархии может свидетельствовать наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями, наличие коррупционных связей и т. п. Также указано на необходимость устанавливать конкретные преступные действия, свидетельствующие об авторитете и лидерстве лица в преступном сообществе.

Анализируя полемику о понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, возникшую в научной литературе после реформирования уголовного законодательства, можно обозначить два основных подхода в его толковании. Некоторые ученые акцентируют внимание на *статусе* субъекта в преступной иерархии, полагая, что высшее положение в ней занимают «воры в законе», «авторитеты» и т. п. [7, с. 61—62]. Однако вряд ли можно признать такую позицию оптимальной, поскольку для формирования единообразной судебной практики при таком подходе потребуется легализация сведений о преступной иерархии и лицах, ее составляющих. Как справедливо замечает А. Мондохонов, «государство должно будет признать наличие преступного государства со своими законами, структурой исполнительной и судебной власти и т. д. И такое признание подлежит официальному оформлению в конкретном документе...» [6, с. 55].

Другие авторы предлагают в качестве лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, рассматривать лидеров конкретных организованных преступных объединений, в том числе не относящихся к «воровской среде». Например, А. Рагулин и В. Фефелов полагают, что субъект, о котором идет речь в ч. 4 ст. 210 УК РФ, — это лицо, занимающее руководящее место или играющее руководящую роль в системе отношений, сложившихся в конкретной преступной организации. При этом необходимо установить, что оно практически осуществляло управленческие функции, определяло основные направления преступной деятельности, организовывало конкретные преступления. Наличие у лица статуса «вора в законе» само по себе еще не является безусловным основанием считать его лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, поскольку этот статус еще не означает, что именно это лицо является лидером преступной организации [9, с. 70]. Таким образом, согласно данной позиции, критерием для отнесения лица к числу субъектов, предусмотренных ч. 4 ст. 210 УК РФ, является не его статус, а выполняемые им *действия*. Думается, что данная позиция более предпочтительна, так как она не ограничена криминальными догмами, понятиями, мировоззрением. Однако точку в разрешении этого вопроса, на наш взгляд, ставить еще рано. Необходимо дальнейшее научно-практическое осмысление новелл для окончательного разрешения возникших в результате реформирования уголовного законодательства проблем.

Библиографический список

1. *Агапов П.* Уголовно-правовое регулирование в сфере противодействия организованной преступности // Уголовное право. 2009. № 6. С. 4—7.
2. *Белоцерковский С.* Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Там же. 2010. № 2. С. 9—14.
3. *Быков В.* Организация преступного сообщества (преступной организации). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. *Комиссаров В. С.* Преступления, нарушающие общие правила безопасности (понятие, система, общая характеристика) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 214 с.
5. *Мондохонов А.* Вопросы уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. 2010. № 2. С. 51—56.
6. *Мондохонов А.* Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Там же. № 5. С. 53—57.
7. *Никитенко И., Якушева Т.* Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Там же. С. 58—62.
8. *Орешкина Т. Ю.* Влияние положений конвенции ООН против транснациональной организованной преступности на характеристику преступного сообщества в Уголовном кодексе РФ // Научные основы уголовного права и процессы глобализации : материалы V Российского конгресса уголовного права (27—28 мая 2010 года). М., 2010. С. 141—145.
9. *Рагулин А., Фефелов В.* О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. № 5. С. 67—70.
10. *Цветкова Р., Родин И.* Ворам в законе нашли статью // Независ. газ. 2010. 30 апр. С. 2.

ББК 67.99

*И. В. Чебыкин***ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛОББИЗМА
КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ**

В последние десятилетия в ряде государств (США, Канада, Великобритания, Германия, Литва) разработаны, приняты и действуют нормативные акты, регламентирующие порядок осуществления лоббистской деятельности. В различное время законопроекты о ее регулировании рассматривались парламентами Австралии, Бразилии, Венгрии, Казахстана, России, Украины. Каковы же теоретические основы существования данного явления в качестве правового?

Любое демократическое государство основано на идее народного суверенитета, то есть производности государственной власти от граждан данной страны. Участие же народа в управлении государством может осуществляться в двух формах: непосредственной и представительной демократии. Основным инструментом последней являются представительные органы, несущие на себе бремя законодательной деятельности. Очень важно, чтобы законодательные органы были самыми открытыми и доступными в системе политических институтов, ибо роль таких органов и состоит в том, чтобы представлять политические, а значит, и законодательные интересы максимально широкого (в идеале — всего) спектра существующих общественно-политических сил вне прямой зависимости от их численности и финансовых возможностей. Постоянные комитеты и комиссии, партийные организации в парламенте, аппарат его сотрудников, отдельные законодатели должны играть роль проводников, обеспечивающих доступ к законодательному процессу всех заинтересованных субъектов, разумеется, в рамках соответствующих законодательно урегулированных процедур.

В глобальном масштабе выполнение этой задачи обеспечивают свободные демократические выборы представительных органов. Но некоторые участники политической системы не обладают достаточно высоким уровнем институционализации (как, например, политические партии, что дает им возможность быть прямо представленными в парламенте), либо их интересы могут быть разовыми или узко специализированными, либо они вообще не могут быть официально представлены в законодательном органе (иностранцы). Однако законодательные интересы этих участников политической жизни объективно требуют своей реализации, и это является неременным условием реальной демократии. Реализации этих интересов, с нашей точки зрения, во многом способствует институт лоббизма.

Лоббизм и связанный с этим понятием феномен давления на законодателей превратился в одну из актуальнейших проблем современной России. Он стал реальным инструментом отстаивания определенными слоями общества своих интересов в парламенте, причем субъектами лоббирования в большинстве случаев выступают группы или отдельные лица, располагаю-

щие значительными материальными и организационными ресурсами. Теневой, скрытый от общественности, а потому неконтролируемый лоббизм служит почвой для разного рода злоупотреблений и коррупции в органах власти, приводит к нарушению принципов демократии в государстве.

Это предопределило сложность и неоднозначность трактовки теоретических основ лоббизма и практики его институционализации. В отечественной юридической литературе, как и в зарубежной, высказываются различные, зачастую диаметрально противоположные точки зрения на правовую природу лоббизма и его социальную роль, на возможность и допустимость его использования в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления Российской Федерации.

Лоббизм как социально-политическое явление внутренне противоречив. С одной стороны, он обеспечивает реальную возможность учета интересов различных социальных слоев в процессе законодательной деятельности, а с другой — нередко способствует принятию актов, отражающих узкогрупповые интересы представителей крупного бизнеса, но идущих вразрез с интересами общества в целом, ведет к коррупции в органах государственной власти, криминализации системы публично-правовых отношений. Это диктует необходимость введения лоббизма в жесткие правовые рамки, позволяющие не только урегулировать формы и методы лоббистской деятельности, но и обеспечить контроль за ее осуществлением со стороны как государства, так и общества в целом.

В России еще только предстоит создать систему правовых норм, направленных на формирование лоббистских правоотношений, защиту интересов общественных объединений, иных негосударственных, некоммерческих организаций, социальных групп и отдельных граждан. Основная цель намечившихся поисков — законодательное упорядочение лоббистских отношений, создание оптимального правопорядка, на основе которого граждане, различные социальные группы будут иметь реальную, регламентированную законом возможность участия в общественно-политическом процессе, включая лоббирование своих интересов в представительных органах государства. В то же время должна быть разработана система защиты от произвола и других противоправных действий теневых лоббистов.

Если Российское государство будет развиваться как демократическое и правовое, то лоббизм неизбежно должен превратиться в конституционно-правовой институт. Институт лоббизма естественно вписывается в процесс становления российского общества как гражданского, поскольку позволяет обеспечивать взаимодействие общества с органами государственной власти. Наконец, открытый, легальный, цивилизованный лоббизм призван усилить регулируемую, управленческую и иные функции институтов власти, технологически качественно учитывать интересы социальных слоев, общностей и общества в целом.

Для предупреждения проявления негативных сторон лоббизма требуется внимательное изучение методов деятельности групп интересов в законодательном органе. Необоснованное расширение рамок лоббирования в парламентской практике негативно воздействует на основы деятельности государства и жизни общества, приводит к деформации государственных структур, защите интересов экономически мощного меньшинства в ущерб интересам подавляющего большинства членов общества. В развитых зарубежных странах накоплен значительный опыт правовой регламентации лоббизма, который

нуждается в изучении и использовании в России с целью предотвращения и ограничения его возможных негативных проявлений.

Лоббистская деятельность в нашей стране, несмотря на то что с 1993 по 2010 г. на рассмотрение Государственной думы были внесены три альтернативных законопроекта, все еще не имеет законодательной основы, что позволяет использовать ее явно не в общественно-полезных целях. Введение лоббизма в жесткие правовые рамки, четкое законодательное урегулирование, т. е. правовая институционализация лоббизма, несомненно, могут дать положительный эффект, будут способствовать укреплению правовой системы в целом.

Несмотря на то что процесс формирования лоббистских отношений в России продолжается уже более десятилетия, в отечественной конституционно-правовой науке проблема лоббирования интересов в законодательных органах различных уровней остается недостаточно разработанной, при этом зарубежный опыт не находит у нас должного практического применения.

Начальной точкой отсчета в создании теории лоббизма принято считать конец XIX — начало XX в., что объясняется процессом демократизации западных стран в рамках парламентской системы, индивидуализации экономической жизни общества. На первом этапе научного осмысления данного явления им занимались преимущественно политологи. При этом в зарубежной литературе традиционно большое внимание уделялось и уделяется анализу проблемы политической деятельности групп давления или групп по интересам в целом и проблемам лоббизма в частности. Изначально на политическую теорию, в рамках которой осуществлялся анализ развития института политического участия индивидов в деятельности органов власти, оказали влияние работы английских философов XIX в. Д. Фиггиса, Д. Коула, А. Бенгли, выдвинувших идею о том, что группа является основной единицей общества [4, 15, 18]. Дальнейшее развитие идеи участия групп в политике получили в трудах Е. Херринга [17], разработавшего теорию «группового базиса политики».

В настоящее время вопросы, связанные с лоббизмом, и проблемы, затрагивающие законные формы и методы работы заинтересованных групп в ходе достижения поставленных ими целей, продолжают анализироваться как зарубежными, так и российскими специалистами.

В России первой публикацией, посвященной лоббизму, стала изданная в 1978 г. монография Н. Г. Зяблюка «США: лоббизм и политика» [3], в которой содержалась попытка объективной оценки и научного истолкования феномена лоббизма. С начала с 90-х гг. XX в. научный интерес к данной проблематике постоянно возрастает в связи с демократизацией общества и постепенным формированием институтов правового государства. Вопрос о лоббизме как правовом явлении особенно активно обсуждается в последние десятилетия.

В первую очередь необходимо отметить, конечно же, неоднозначную оценку понятия «лоббизм» в российской науке. При этом встречаются диаметрально противоположные точки зрения, но не заметить эволюции в понимании данного явления все-таки нельзя. Ее отправной точкой были крайне негативные оценки лоббистской деятельности в советский период. Большая советская энциклопедия в 1973 г. так определяла эту деятельность: «Лобби, лоббизм (от англ. lobby — кулуары) — система контор и агентств крупных монополий при законодательных органах США, оказывающих прямое давле-

ние (вплоть до подкупа) на законодателей и государственных чиновников в интересах этих компаний» [2, с. 589]. Такой взгляд на лоббизм, при котором он отождествлялся с подкупом и коррупцией в сфере осуществления государственной власти, встречается и по сей день. На уровне обыденного сознания лоббизм часто оценивается так и на Западе, в том числе в политических кругах. Так, исследователь из Мичиганского университета США Ричард Холл пишет в своей работе «Лоббизм как субсидия законодательной власти», что «самый распространенный и циничный взгляд на лоббизм заключается в том, что он оценивается как более-менее законная взятка» [16]. Но на самом деле речь идет о негативной оценке не лоббизма как такового, а средств и методов лоббистской деятельности, в том числе ввиду низкого профессионального уровня многих подвизающихся на ее ниве. Итак, где же и когда возник данный термин и как изменялось его содержание, каковы основные подходы к его современному трактованию?

В 1553 г. (это дата первого упоминания данного термина) словом «лобби» называлась прогулочная площадка в монастыре. Столетие спустя это слово обозначает помещение для прогулок в палате общин Англии (XVII в.), но до этого оно распространялось на аналогичные коридоры и холлы в театрах. С 1640 г. слово «лобби» означает помещения вокруг залов заседаний, где происходили встречи законодателей с гражданами [12, с. 159].

Политический оттенок данное слово приобрело еще через два столетия, но уже в Америке. По некоторым легендам защитники интересов тех или иных политических сил или финансовых групп вышли на авансцену жизни Нового света вместе с американской нацией, то есть в последней трети XVIII столетия. Так это или нет — не доказано, однако слова «лобби», «лоббирование» употреблялись в речах одного из авторов проекта Конституции США и президента страны Дж. Медисона, а в 1808 г. оно было зафиксировано в дебатах конгресса. «К 1859 г. слово “лобби” достаточно четко соотносилось с указаниями на тех, кто часто составлял группы интересов в конгрессе или высказывал определенное предпочтение им при подготовке и в ходе голосования. Чуть позже это слово применялось для обозначения подобных групп и в законодательных собраниях штатов. В 1862 г. в Америке возникло и слово “лоббист”, употребление которого сразу же было связано с указанием на взяточничество» [6].

Другая версия гласит, что традиция лоббизма уходит корнями в эпоху президентства У. С. Гранта (1869—1877 гг.). Вечерами восемнадцатый президент Америки и его команда после дневных «трудов праведных» имели привычку снимать стресс в одной из гостиниц, точнее в ее вестибюле, который назывался «лобби». Там министры, а также сенаторы встречались с разными людьми, выслушивали их просьбы и обещали (зачастую небескорыстно) выполнить их.

По третьей версии развитие этого неформального механизма фактически началось на заре существования самого конгресса. Одним из первых его воплощений были в начале прошлого века так называемые пансионные группы, объединявшие, чаще по региональному признаку, законодателей, живших под одной крышей и питавшихся за общим столом. Пансионный характер групп наложил отпечаток на их политическое поведение: они отличались высокой степенью сплоченности при голосовании в конгрессе и уже по этой причине являлись для заинтересованных организаций хорошими точками доступа к законодательному процессу.

В дальнейшем история конгресса знала много подобных объединений, но особенно бурное развитие такие группы получили в 70—80-х гг. XX в. Каждая возникшая группировка обычно имеет название, но, как правило, их в США называют кокусами, тем более что это слово присутствует и в названии многих группировок (кокус черных конгрессменов, стальной кокус и т. д.) Возможности для лоббистской деятельности значительно расширились с появлением в структуре конгресса так называемых комитетов.

Первые комитеты появились в начале XIX в. Уже тогда они были достаточно привлекательными для групповых интересов подразделениями конгресса, но далеко не сразу заняли ту роль, которую играют сегодня в законодательном процессе, и, соответственно, не сразу стали мощной системой точек доступа к власти.

В процессе своего развития комитеты уже к концу того же века приобрели значительную самостоятельность и решающее слово в производстве законов, превратились в «маленькие легислатуры», как назвал их тогда будущий президент США В. Вильсон. В результате такого превращения резко усилились полномочия председателей комитетов, ставших ведущими фигурами в законодательном процессе. Поскольку отныне от действия комитета в решающей степени стала зависеть судьба рассматриваемого им законопроекта, то и роль каждого из рядовых его членов в этой судьбе объективно повысилась и во многом определялась тем, насколько демократично или авторитарно руководил комитетом его глава. Влияние «маленьких легислатур» на законотворческую деятельность конгресса было столь результативным, что период в истории конгресса с начала 20-х гг. и примерно до конца 70-х гг. XX в. американские специалисты называют «правлением комитетов». Превращение комитетов в «маленькие легислатуры» имело принципиальное значение для развития лоббизма, ибо именно с этого момента он по-настоящему начинает выходить на уровень неформального политического института. В 1885 г. Вильсон писал: «Не может быть сомнения в том, что влияние лоббиста большей частью, если не целиком, заключается в возможностях, предоставленных ему системой комитетов», поскольку исключается необходимость воздействовать на всю палату, а члены комитета являются для него «управляемым количеством» (цит. по: [3]). Справедливость этого утверждения в целом не вызывает сомнений и сегодня, даже если уточнить его в том плане, что в некоторых случаях необходимость воздействовать на всю палату все же существует.

Здесь стоит отметить, что политико-правовая практика ряда ведущих стран мира несколько отличалась от американской. Так, например, в Англии данное явление долгое время считалось предосудительным (лоббирование означало покупку голосов за деньги) и слово «лоббизм» прижилось лишь в XX веке. В свою очередь, в Германии и по сей день появление в СМИ термина «лоббизм» и его производных является предвестником политического скандала. Лоббистская деятельность во Франции является незаконной, в Индии приравнена к одной из форм коррупции, в Италии считают нецелесообразным принимать законы о лоббизме.

Однако дело не в том, чтобы определить точную дату возникновения лоббизма, да это и невозможно, ибо группы интересов существуют на протяжении всей истории человечества, с тех пор как стали складываться системы власти. Суть в том, чтобы проследить процесс развития этого явления, т. к. оно является одним из основных моментов, организующих политико-право-

вую жизнь общества, носит объективный характер, и чем раньше мы себе в этом признаемся, тем легче ввести его в цивилизованные рамки.

В последнее время лоббизму стали уделять все возрастающее внимание в Российской Федерации. Как серьезное и объективно существующее явление он признается всеми. Так, даже Президент РФ в бюджетном послании Федеральному собранию РФ от 30 мая 2003 г. «О бюджетной политике в 2004 году» отмечал, что «федеральный бюджет на 2004 год не должен стать заложником предвыборных амбиций, отраслевого лоббизма и заведомо невыполнимых обещаний» [9, с. 1]. Об этом же свидетельствуют и публикации в средствах массовой информации, в общественно-политической и научной периодике. Однако единообразия в практике применения терминов «лоббизм», «лоббист» не существует, поэтому в современной России сложилась совершенно уникальная ситуация, при которой де-юре ни лоббизма, ни лоббистов не существует, а де-факто данными категориями оперируют все видные государственные деятели, включая Президента РФ, существует Национальная ассоциация лоббистов, публикуются списки наиболее влиятельных и успешных российских лоббистов, при этом каждый из участников активной политической жизни вкладывает нечто особенное в данное понятие. Насколько сложно приживается понятие «лоббизм» в нашей политико-правовой среде, подчеркивает следующий факт. Один из бывших представителей Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе П. Латышев считал, что он не лоббист и им не будет. И в то же время он отмечал: «Если уж возник такой термин — лоббирование, то я лоббирую только интересы президента, все, что связано с укреплением единства страны и государственной власти, созданием единого правового и экономического пространства. И напротив, я не лоббирую интересов региональных структур власти, хотя в результате моих усилий должны выиграть и Федерация, и ее субъекты в отдельности» [14].

Каковы же основные подходы к определению понятия «лоббизм» и производных от него, которые можно выделить на основе изучения опыта лоббистской деятельности в зарубежных странах и современных российских политико-правовых исследований? По мнению британского эксперта К. Кумса, «в западной литературе употребляются чаще всего два определения лоббизма. Первое: лоббизм — это реализация права каждого гражданина обращаться с ходатайством к своему правительству. Второе: лоббизм — это профессиональная деятельность либо сотрудников, либо специальных консультантов, нанятых компаниями, деловыми и профессиональными ассоциациями, профсоюзами и прочими группами для представления интересов этих организаций в процессе формирования государственной политики» [5, с. 34]. Это суждение, по нашему мнению, дает наиболее емкое представление о существовании двух подходов к определению лоббизма. Первый — рассмотрение лоббизма в широком значении данного термина, как особого рода деятельности, главной составляющей которого является **давление, влияние на власть в интересах определенной силы либо проведение властных решений в ее интересах**. Такой подход, безусловно, наиболее приемлем и распространен в политологических исследованиях. Данная точка зрения выражена В. Павловым: «Что же такое лоббизм? Это специфический институт политической системы, с помощью которого различные общественные и коммерческие организации воздействуют на процесс принятия государственных решений в пределах конституционных полномочий граждан участвовать в управ-

лении делами государства, предусмотренных Конституцией» [10]. Сходную позицию в данном вопросе занимает и В. Г. Доманов, давая определение политическому лоббизму как упорядоченному законодательством способу воздействия сил и интересов гражданского общества на государственный аппарат. Он считает, что лоббизм есть профессиональный вид деятельности, призванный обеспечить принятие и реализацию нужного решения [13, с. 214]. А. Артемов в контексте экономического подхода более четко фиксирует смысл понятия «лоббизм». Он пишет: «Лоббизм как фактор воздействия на все сферы общественного бытия по каналам законодательных и исполнительных органов в рамках правового поля представляет собой механизм реализации отношений между государственной экономической политикой и общественной формой управления хозяйством» [1].

В рамках настоящей статьи нас в первую очередь интересует определение лоббизма как правового явления. А в том, что оно по своей природе является таковым, сомневаться не приходится.

В первую очередь необходимо выяснить, к какой отрасли права следует отнести общественные отношения, которые мы выделяем в качестве лоббистских. Для ответа на этот вопрос нужно определить круг основных субъектов лоббистских отношений. Ими по уже сложившейся практике характеристики лоббизма, существующей в тех зарубежных странах, где лоббизм законодательно закреплен, являются субъекты и объекты конституционного права, в частности граждане, политические партии, общественные объединения, федеральные и региональные органы власти (законодательный процесс, принятие решения органов власти в сфере государственного управления и т. д.).

Отсюда объективно вытекает потребность в урегулировании лоббистских отношений и в России как на федеральном, так на и региональном уровне посредством принятия специальных законов о регулировании лоббистской деятельности, а также законов, которые могут иметь отношение к этой проблематике.

Теория регулирования лоббистских правоотношений с позиций конституционного права — важный ориентир для правового и государственного строительства. Эта теория, естественно, имеет много общего с теорией правоотношений в целом и теорией регулирования лоббистской деятельности в частности. Общими для них являются теоретико-конституционные основания, системный подход, общие методы, информационная база, процедура выработки решений, прогнозирование и т. п., что позволяет раскрыть сущность, систему, оформление лоббистских отношений в правовых актах и нормах, конституционно-правовой статус субъектов лоббистских правоотношений, пути установления законности и правопорядка в их развитии.

С точки зрения теории государства и права взаимосвязь между нормами конституционного права и лоббистскими правоотношениями прослеживается в следующем:

- нормы конституционного права и лоббистские правоотношения выступают элементами механизма конституционно-правового регулирования;
- норма конституционного права — основа возникновения лоббистского правоотношения;
- нормы права устанавливают круг субъектов лоббистских правоотношений;
- норма права в своей гипотезе предусматривает условия возникновения того или иного лоббистского правоотношения; норма права в диспозиции

определяет субъективные права и юридические обязанности участников лоббистского правоотношения;

— норма права в санкции содержит указания на возможность последствий выполнения диспозиции (наказания либо поощрения). В результате лоббистское правоотношение выступает формой реализации нормы права. Правовая форма и лоббистское правоотношение рассматриваются как причина и следствие. Автор придерживается позиции тех исследователей, которые рассматривают правоотношение как средство регулирования общественных отношений [11, с. 133, 134].

Вместе с тем формальное провозглашение в конституционном законодательстве положений по решению назревших проблем при неудовлетворительно работающих лоббистских институтах, процедурах, отношениях ведет к ослаблению действия конституционного права как основы взаимосвязей общества, государства и субъектов лоббистских правоотношений. Одной из причин такого явления может явиться наличие противоречий между объективной необходимостью конституционно-правового регулирования существующего лоббизма и неэффективностью действующего конституционного законодательства.

Далее необходимо отметить тот факт, что лоббизм имеет устойчивые и взаимообусловленные связи с правовой политикой. Нужно исходить из того, что правовая политика — это «научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры в жизни общества и личности» [8, с. 15]. Невозможно достичь эффективного механизма правового регулирования, использовать юридические средства в достижении общественно-полезных целей без учета интересов различных заинтересованных групп, без анализа разумных и целесообразных пожеланий, которые направляют в органы власти субъекты правоотношений, без готовности конструктивно сотрудничать с теми, кто предлагает цивилизованные формы взаимодействия. Лоббизм, выполняя многие функции, отражая все вышеперечисленное, и может, при должном к нему подходе со стороны законодателей, обеспечить надлежащее, полноценное функционирование всех юридических механизмов в правовом пространстве государства, высокий уровень правовой культуры при воплощении осознанных интересов в действительность посредством воздействия на органы государственной власти.

Таким образом, лоббизм — это неотъемлемый комплексный институт современной политической и правовой жизни государства, подразумевающий активную деятельность граждан, любых заинтересованных лиц, различных участников правоотношений по отстаиванию и представлению своих интересов на различных уровнях власти с использованием не запрещенных законом форм и методов, а лоббист, лоббистская группа — это лицо или организация, которая защищает определенные материальные, духовные или другие интересы либо самостоятельно, либо с помощью оплачиваемых сотрудников (агентов), нанятых для воздействия на правотворческий процесс. Однако и к определению лоббизма в узком, правовом смысле в российской конституционно-правовой науке в настоящий момент отсутствует единообразный под-

ход. Как нам представляется, это обусловлено, в первую очередь, отсутствием законодательных актов, регламентирующих лоббистскую деятельность. В частности, традиционным, берущим начало еще в советской государственно-правовой науке является взгляд на лоббизм как деятельность, связанную с оказанием давления *на парламентариев* путем личного устного или письменного обращения или другим способом со стороны специализированных «групп давления» с целью добиться принятия или отклонения какого-либо законопроекта.

По мнению же одного из ведущих специалистов в области правового регулирования лоббистской деятельности в России А. П. Любимова, лоббизм в правовом смысле — это совокупность норм, регулирующих воздействие (участие) граждан, общественных объединений, организаций, предприятий, специализирующихся на лоббистской деятельности, других субъектов правоотношений на органы государственной власти для оказания влияния на принятие необходимых лоббистам решений и для активного отстаивания своих интересов [7, с. 17].

Принципиальные отличия между двумя этими определениями достаточно очевидны. Главное же из них — это объект лоббистской деятельности, ее цели и задачи. По мнению одних ученых, точку зрения которых полностью разделяет автор настоящей статьи, действительно легитимной может быть лишь лоббистская деятельность в органах законодательной и представительной власти. Это обусловлено тем, что лоббирование законодательного процесса ощутимо влияет на выработку и принятие самой нормы права, а значит, опосредованно — и на все другие стадии процесса правового регулирования. Ведь от того, как законодатель решит воздействовать на правоотношения, какие процессы включит в сферу правового воздействия и как это будет сделано, зависит и вся дальнейшая правоприменительная и в конечном счете правоинтерпретационная практика данного государства. Безусловно, вопрос о возможности применения лоббистской практики в сфере судебной власти не может быть предметом рассмотрения, в силу ее особых, природных свойств и качеств. Спорным же является вопрос о допустимости лоббистской деятельности в сфере исполнительной власти. По мнению автора, не представляется целесообразной институционализация подобного рода деятельности, либо она должна допускаться в весьма узких рамках, специально указанных в законе. Основанием для данной точки зрения является изучение опыта лоббистской деятельности ряда зарубежных государств, новейшей политической истории России, которые убедительно свидетельствуют о том, что именно в сфере исполнительной власти наиболее реальна угроза возникновения скрытого, «теневоего» лоббизма, именно здесь он имеет все основания зачастую квалифицироваться как коррупция. Здесь очень важно отметить, что в тех политических системах, где исполнительная власть играет решающую роль в принятии и исполнении законодательных актов, развивается «коридорный лоббизм». Этот феномен был очень распространен в нашей стране, особенно в застойные годы. На сегодняшний день он, естественно, претерпел некоторые изменения. Его суть заключается в первую очередь в проталкивании удобного и торможении или полном отказе от принятия неудобного решения. В этих целях наиболее важно иметь и поддерживать «своих» людей на ключевых постах. Причем в аппаратной иерархии официальные посты и реальная степень влияния на принимаемые решения часто не совпадают. Именно поэтому за расстановкой сил на ключевых постах и степенью их

Серия

• «Естественные, общественные науки»

влияния на руководство, включая лиц, даже не входящих в официальную номенклатуру, так пристально наблюдают участники процесса лоббирования в исполнительной власти. Последняя же в условиях формирования правового государства должна быть максимально «прозрачной» при принятии управленческих решений, сама же процедура их принятия должна быть максимально демократичной и осуществляться в жестких, законодательно предусмотренных рамках. Правовая природа исполнительно-распорядительной деятельности в демократическом государстве, по мнению автора, должна исключать возможность лоббирования, т. е. представления тех или иных преимуществ или предпочтений какой-либо группе заинтересованных лиц, ввиду того что механизмы и цели принятия управленческих решений должны быть строго регламентированы, там же, где существует возможность альтернативных решений, они не должны приниматься вне таких процедур, как тендер, аукцион, конкурс, общественная экспертиза и т. д.

Исходя из вышесказанного, автором предлагается следующее универсальное определение лоббизма в правовом смысле, которое можно было бы принять за основу при подготовке как федерального закона об открытости и регулировании лоббистской деятельности в РФ, так и законов, регламентирующих лоббистскую деятельность в ее субъектах, а также в органах местного самоуправления:

«Лоббизм (лоббистская деятельность) — урегулированный законодательно, особый вид деятельности заинтересованных лиц и организаций, подлежащих обязательной регистрации, представляющий собой совокупность легальных приемов и способов воздействия на процесс принятия нормативно-правовых актов законодательными (представительными) органами (учреждениями) с целью реализации соответствующих интересов».

Из вышеописанного следует, что лоббизм — объективное явление, неизбежная принадлежность современного общества. Благодаря цивилизованному лоббизму, все заинтересованные группы (кроме криминальных) могут доводить до сведения государственных органов свои мнения по рассматриваемым вопросам, отстаивать свои позиции, добиваться решений законными методами. Для некоторых групп, далеких от «коридоров власти», маловлиятельных либо неспособных финансировать мощные компании воздействия на государственные органы, это практически единственный шанс. Множественность участвующих в лоббизме организаций, отражающих социально-экономическую и политическую структуру общества, демократизирует это явление и делает его массовым. Борьба конкурирующих вариантов решения той или иной проблемы дает возможность выбрать лучший из них или достичь приемлемого компромисса, хотя не всегда это удается. То есть лоббизм как бы дополняет конституционную систему демократического представительства, позволяя участвовать в принятии и реализации политических решений тем группам, которые не имеют другой возможности воздействия. Поскольку парламент формируется по территориальным округам и партийным спискам, огромное количество самых разнообразных общественных групп, каждая со своим особым интересом, не может его реализовать, выставляя собственных депутатов. Вместе с тем ее интерес может быть как узко групповым, так и иметь большое общественное значение. Таким образом, через систему и практику лоббизма получают свое выражение и пред-

ставительство в общенациональном масштабе интересы, которые в ином случае остались бы невыраженными. В этом смысле лоббизм, по нашему глубокому убеждению, соответствует духу демократического государства.

Библиографический список

1. *Артемов А.* Канадская основа открытого общества. Лоббизм, протекционизм и либерализм — составляющие новой экономической политики России // Независ. газ. 2000. 4 авг.
2. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1973. Т. 14.
3. *Зяблюк Н. Г.* США. Лоббизм и политика. М., 1976.
4. *Коул Дж. Н.* Капитализм в современном мире. М. : Политиздат, 1958.
5. *Кумс К.* Лоббизм и его регулирование: советы британского эксперта // Бизнес и политика. 1994. № 1.
6. *Ларин С.* Кто правит Америкой? ... Лоббисты // Рос. газ. 1993. 6 марта.
7. *Любимов А. П.* Лоббизм как конституционно-правовой институт. М., 1998.
8. *Малько А. В.* Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь : академ. и вуз. юрид. науч. журн. Саратов ; М., 2000. Ноябрь.
9. О бюджетной политике в 2004 году : бюджетное послание Президента РФ Федеральному собранию РФ от 30 мая 2003 г. // Рос. газ. 2003. 4 июня.
10. *Павлов В.* Есть ли в России лоббизм? // Рос. юстиция. 1998. № 8.
11. *Поленина С. В.* Научные основы определения предмета правового регулирования // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1.
12. Политология : энциклопедический словарь. М., 1993.
13. Политология в вопросах и ответах. М., 1999.
14. «Я лоббирую только интересы президента» // Независ. газ. 2000. 18 авг.
15. *Bentle A. F.* The process of Government. Cambridge : Harvard University Press, 1967.
16. *Hall R. L.* Lobbying as Legislative Subsidy. University of Michigan, 2000.
17. *Herring E. P.* Group representation before Congress. Washington : Brookings Institution, 1927.
18. *Nicholis D.* The pluralist state: the political ideas of J. N. Figgis and his contemporaries. N. Y., 1994.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ АТТРАКЦИИ

В современной отечественной и зарубежной психологии термин аттракция используется в качестве родового понятия для обозначения широкого класса эмоциональных отношений, формирующихся между людьми в процессе реального общения и взаимодействия. В последнее время наметилась тенденция отождествлять аттракцию с позитивным эмоциональным отношением, варьирующим от простой симпатии, способной возникнуть на самом первом этапе знакомства, до глубокой любви. И в этом качестве данный феномен является объектом изучения как общей, так и социальной психологии.

С позиции общей психологии аттракция — это чувство, возникающее у одного человека по отношению к другому, в этом смысле она представляет собой частный вариант в общем ряду эмоциональных явлений и рассматривается как разновидность эмоций. Специфика аттракции по сравнению с другими эмоциями состоит не в содержании переживаемой эмоции, а в ее предмете. Аттракция есть эмоция, предметом которой является другой человек.

В социальной психологии феномен аттракции определяется как разновидность социальной установки — аттитюда. Аттракция — это отношение к другому человеку и в этом качестве она принадлежит к классу социальных установок. Специфика аттракции по сравнению с другими аттитюдами заключается в том, что она представляет собой установку на единичный объект, то есть на конкретного индивида, и может существовать только на уровне индивидуально-избирательных межличностных отношений. Кроме того, в структуре данной установки превалирует эмоциональный компонент: «другой» оценивается преимущественно в категориях, отражающих эмоциональные отношения.

В то же время в русле социально-психологических исследований процесса общения, при выделении в последнем трех основных сторон — перцептивной, коммуникативной и интерактивной — аттракция трактуется как неизменный атрибут перцептивной стороны общения или, иначе, межличностного восприятия [1, 2, 3]. Именно с этой позиции данное явление получило в современной отечественной психологии наиболее глубокую теоретическую и эмпирическую разработку.

В контексте проблематики межличностного восприятия аттракция изучается как процесс формирования привлекательности какого-то человека для воспринимающего и как продукт восприятия, то есть некоторое качество отношения.

Но аттракция является не только результатом межличностного восприятия. Важнейшая роль аттракции в процессе общения заключается в том, что по мере своего формирования она становится регулятором межличностных отношений, побуждая человека к активизации общения и взаимодействия с приятными и симпатичными ему людьми, и наоборот — к минимизации контактов, вплоть до полного отказа от общения с антипатичным партнером. Являясь эмоциональным регулятором взаимодействия, аттракция усиливает готовность к альтруистическим поступкам, способствует укреплению отношений, повышению сплоченности и, в целом, гуманизации общения. Таким образом, она выступает своеобразным барьером дегуманизации и деструктивности общения.

Однако и этим роль аттракции в общении не ограничивается, ибо, будучи продуктом межличностного восприятия и регулятором межличностных отношений, она в то же время является фактором, оказывающим весьма значительное влияние на восприятие и понимание людьми друг друга, то есть на процесс взаимопознания. Согласно мнению Л. М. Эткинда, уровень аттракции в межличностном восприятии, подобно уровню самоуважения в самовосприятии, работает как мощный фильтр, отбирающий перцептивные признаки или приписывающий им веса [5]. В работе П. Я. Гозмана [3] указывается, что люди, вовлеченные в эмоциональные отношения, испытывающие взаимную симпатию, имеют тенденцию оценивать друг друга более высоко, чем посторонние или даже близко знакомые, но не испытывающие взаимной симпатии индивиды. Тем самым аттракция существенно влияет на атрибутивные процессы: симпатия к партнеру порождает автоматическое и не всегда оправданное приписывание ему целого комплекса позитивных качеств при игнорировании или явно снисходительном отношении к его негативным проявлениям. К тому же высокий уровень аттракции способствует и большей точности межличностного восприятия [3, 4]. Участие аттракции в процессе взаимопознания позволяет некоторым авторам трактовать ее как один из механизмов межличностного восприятия [4].

Полиморфность и полифункциональность аттракции в процессе реального общения обуславливает повышенный интерес к изучению данного феномена со стороны социальных психологов. Особое внимание уделяется анализу факторов, способствующих возникновению аттракции.

Бесспорно, наиболее значительный вклад в разработку данной проблемы внесли работы П. Я. Гозмана. Благодаря его исследованиям, были выделены основные, наиболее общие детерминанты аттракции. К ним Гозман относил: свойства объекта (физическая привлекательность, социальные характеристики — статус, образование, профессия, особенности вербального и невербального поведения); свойства субъекта (самооценка, интеллект, эмоциональное состояние); соотношение свойств субъекта и объекта, степень сходства между ними; и, наконец, характер взаимодействия между субъектом и объектом.

Однако при выделении факторов, которые приводят к появлению положительных эмоциональных отношений между людьми, обычно игнорируется как индивидуальная, так и гендерная специфика аттракции — вопреки очевидности того факта, что формирование аттракции и иерархия факторов, определяющих ее возникновение, носят сугубо индивидуальный характер. Отсюда особый интерес представляет изучение дифференциальных аспектов

природы межличностной аттракции. Этим обусловлен выбор темы предпринятого нами эмпирического исследования, цель которого — определение специфики межличностной аттракции в зависимости от личностных и гендерных особенностей субъекта и объекта.

В ходе исследования применялись следующие диагностические методики: тест-опросник самооотношения В. В. Столина, С. Р. Пантелеева, опросник Лири, методика «Ценностные ориентации» К. Рокича, опросник «Маскулинность — феминность» Сандры Бем и авторская анкета, при заполнении которой испытуемые должны были не только указать, но и проранжировать личностные качества объекта аттракции. Исследование проводилось в двух возрастных группах: студенты 20—25 лет и группа зрелого возраста 25—45 лет; каждая группа состояла из 30 мужчин и 30 женщин. При обработке исходного эмпирического материала использованы корреляционный анализ и t-критерий Стьюдента.

Для определения гендерной специфики межличностной аттракции в каждой возрастной группе проводилось сопоставление результатов, полученных в мужской и женской подгруппах по двум базовым обобщенным критериальным признакам: «женщина, способная вызвать симпатию» и «мужчина, вызывающий симпатию». Рамки статьи не позволяют подробно раскрыть содержание каждого исследуемого личностного фактора, лежащего в основе формирования аттракции, и представить детализированные психологические портреты «симпатичного мужчины» и «симпатичной женщины». Ограничимся обзором наиболее общих личностных факторов, определяющих возникновение симпатии по отношению к мужчине и по отношению к женщине у представителей своего и противоположного пола.

Иерархия личностных факторов, обуславливающих возникновение аттракции, у мужчин и женщин старшей возрастной группы имеет как сходство, так и различие. Как мужчины, так и женщины одинаково высоко ценят в женщинах трудолюбие, честность, щедрость, а в мужчинах — трудолюбие, самостоятельность, щедрость; и те и другие испытывают антипатию к эгоистичным мужчинам и женщинам. При этом женщины, в отличие от мужчин, симпатизируют менее феминным женщинам — самостоятельным, уверенным в себе, волевым, эмоционально сдержанным, имеющим престижную профессию, а мужчины симпатизируют более феминным женщинам — красивым, отзывчивым, доброжелательным. Женщинам больше, чем мужчинам, импонирует доброжелательный, общительный, честный, имеющий престижную профессию мужчина, а самим мужчинам импонирует компетентный, волевой и в то же время открытый мужчина.

В юношеском возрасте личностные приоритеты в формировании аттракции несколько иные. Как у юношей, так и у девушек вызывают симпатию честные, отзывчивые, чуткие, доброжелательные женщины и активные, эмоционально сдержанные, честные мужчины, и наоборот, вызывают антипатию — высокостатусные, материально обеспеченные и при этом властные, эгоистичные, недоверчивые, агрессивные женщины наряду с эгоистичными, недоверчивыми и несамостоятельными мужчинами.

Однако девушки, в отличие от юношей, наделяют симпатичную женщину более маскулинными чертами, включая высокий интеллект, а юноши, в отличие от девушек, присваивают симпатичному мужчине больше традиционно феминных, коммуникативных качеств, таких как отзывчивость, некон-

фликтность и даже доверчивость, в то время как девушки наделяют его преимущественно мужскими качествами.

Гендерная специфика в дифференциации личностных факторов, обуславливающих возникновение аттракции, связана с тем, что процесс формирования аттракции во многом определяется содержанием традиционных поло-ролевых стереотипов, в связи с этим ценность и роль отдельных личностных факторов в формировании аттракции опосредованы степенью их соответствия содержанию исходных стереотипов.

Гендерные стереотипы обнаружили высокую устойчивость в старшей возрастной группе, но только у мужчин. У женщин отмечается резкая трансформация женского стереотипа за счет включения в образ идеальной женщины наряду с традиционными феминными и «чисто маскулинными» качеств, а также ломка мужского стереотипа, за счет включения в образ идеального мужчины феминно-коммуникативных качеств. Своеобразные изменения гендерных стереотипов наблюдаются и в юношеском возрасте: у студентов отмечаются изменения аутостереотипов при сохранении и косности гетеростереотипов, поэтому у юношей образ симпатичной женщины более феминный, чем у девушек, и, наоборот, у девушек образ симпатичного мужчины более маскулинный, чем у юношей. В связи с наметившейся тенденцией в динамике гендерных стереотипов представительницам слабого пола гораздо легче понравиться мужчинам, чем женщинам.

Иерархия личностных факторов (личностных свойств объекта), способствующих возникновению аттракции, зависит от ценностных ориентаций и особенностей самоотношения личности как субъекта аттракции. Зависимость между личностными характеристиками объекта и содержанием терминальных ценностей субъекта носит вариативный характер. Так, мужчины с ориентацией на статус и общественное признание испытывают симпатию к умным, эмоционально сдержанным мужчинам и образованным женщинам, а женщинам, ориентированным на эффективность в делах, нравятся компетентные мужчины.

Специфика межличностной аттракции обусловлена также самооценкой субъекта аттракции. Женщинам с низкой самооценкой импонируют честные женщины и недоминантные, эмоционально сдержанные мужчины, а женщинам с высокой самооценкой — доминантные, властные и эмоционально несдержанные мужчины. Мужчинам, отличающимся низкой самооценкой, нравятся доминантные, умные женщины и недоминантные мужчины, в то время как мужчинам с высокой самооценкой нравятся недоминантные, с низким интеллектом женщины и властные, доминантные мужчины, которые к ним хорошо относятся.

Возникновение аттракции зависит от сходства объекта и субъекта по коммуникативным качествам. У мужчин наблюдается сходство объекта и субъекта по многим коммуникативным факторам: авторитарность, эгоистичность, подчиняемость, альтруизм, дружелюбие. У женщин аналогичное сходство отмечается только по одному качеству — авторитарность. Следовательно, мужчины чаще, чем женщины, симпатизируют похожим на себя людям, женщины более толерантны к различиям.

Таким образом, психологическая природа межличностной аттракции носит дифференцированный характер: иерархия факторов, детерминирующих

возникновение аттракции, обусловлена индивидуально-психологическими особенностями субъекта и объекта аттракции и имеет гендерную специфику.

Межличностная аттракция, безусловно, имеет глубоко индивидуализированный характер, в связи с этим перспективы исследований в данной области состоят в более тщательном и глубоком изучении дифференциальных аспектов этого социально-психологического феномена. Полученные нами результаты представляют собой лишь первый шаг в разработке исходной проблемы, позволяющий определить общее направление и перспективы дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М. : МГУ, 1980. 415 с.
2. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М. : МГУ, 1982. 200 с.
3. Гозман П. Я. Психология эмоциональных отношений. М. : МГУ, 1986. 176 с.
4. Крысько В. Г. Социальная психология. СПб. : Питер, 2006. 432 с.
5. Эткин Л. М. Эмоциональные компоненты самоотчетов и межличностных суждений // *Вопр. психологии*. 1983. № 2.

ББК 88.372

Е. В. Лукьянова, И. Ю. Лукьянов

ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ У СТУДЕНТОВ С НИЗКИМ УРОВНЕМ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Одним из актуальных направлений прикладных исследований в современной науке выступает изучение стресса и последствий его негативного влияния на жизнедеятельность и здоровье человека [1, 9]. В исследованиях психологического стресса нашла свое отражение проблематика развития личностного адаптационного потенциала, тесно связанная с совладающим поведением, под которым понимаются стратегии действий, предпринимаемые индивидом с целью преодоления стрессовых состояний и негативных переживаний. Успешность адаптации личности к стрессам зависит от использования психологических защит и выбора совладающего поведения, которое регулируется посредством применения собственных поведенческих стратегий (копинг-стратегий). Их развитию способствуют копинг-ресурсы, являющиеся относительно стабильными личностными и социальными характеристиками, обеспечивающими психологический фон для преодоления эмоционального стресса [2, 6].

Совладание позволяет справиться с психологическим стрессом и психотравмирующими ситуациями через осознанные стратегии действий. Следует констатировать, что проблема психологической защиты и совладания со стрессом, несмотря на свою важность и актуальность, в отечественной пси-

---

© Лукьянова Е. В., Лукьянов И. Ю., 2011

2011. Вып. 1. *Право. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения* •

хологии продолжает оставаться малоизученной. Вместе с тем в последнее десятилетие повышенный исследовательский интерес вызывает проблема стрессоустойчивости и совладания в профессиональной и учебно-профессиональной деятельности. В частности, все больше появляется исследований, которые строятся на понимании стрессогенности образовательной среды. Длительное воздействие стресса приводит к таким неблагоприятным тенденциям и последствиям, как снижение общей психической устойчивости организма, появление чувства неудовлетворенности результатами своей деятельности, отказ от выполнения заданий в ситуациях повышенных требований и неудач [5]. В таких случаях стрессоустойчивость личности студентов будет во многом определяться уровнем развития их адаптационного потенциала. Успешная учебная деятельность студента зависит не только от степени владения приемами интеллектуальной деятельности; она обусловлена также личностными параметрами учебной деятельности — устойчивой системой отношений студента к окружающему миру и к самому себе, т. е. его адаптационными возможностями. Таким образом, *целью* работы явилось исследование особенностей индивидуального стиля защитно-совладающего поведения у студентов со сниженной устойчивостью к стрессу, т. е. с низким уровнем адаптационного потенциала.

В исследовании приняли участие 60 человек — студенты Ивановского госуниверситета в возрасте от 17 до 19 лет. Определение уровня личностного адаптационного потенциала (ЛАП) проводилось с помощью многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» [7]. Для оценки особенностей поведения в трудных ситуациях применялся тест-опросник «Диагностика механизмов психологической защиты» [8]. Для выявления индивидуального стиля совладания со стрессом использовалась методика SACS [3]. В работе применялись следующие методы статистического анализа: проверка различий в уровне исследуемого признака с помощью критерия Манна-Уитни; оценка взаимосвязи признаков с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Статистический анализ проводился с помощью программы «Биостатистика» [4].

На основе полученных данных по методике «Адаптивность» у 75 % студентов выявлен низкий уровень личностного адаптационного потенциала. Для них характерны:

- слабая поведенческая регуляция, т. е. сниженная адаптация, определенная склонность к нервно-психическим срывам, отсутствие адекватности самооценки и проявление агрессивности;
- низкий уровень сформированности коммуникативного потенциала, т. е. затруднение в общении, повышенная конфликтность;
- незрелая моральная нормативность, т. е. затрудненная социализация, отсутствие стремления соблюдать общепринятые нормы поведения, склонность к делинквентным поступкам.

В результате проведенного исследования был также выявлен характер взаимосвязей между показателями личностного адаптационного потенциала студентов вуза и видами их защитно-совладающего поведения (рис.). Наиболее тесные связи с ЛАП имеют такие формы защит, как «проекция» ($r_s = -0,474$; $p < 0,05$), «регрессия» ($r_s = -0,441$; $p < 0,05$) и «смещение» ($r_s = -0,415$; $p < 0,05$). Студенты, использующие «проекцию» при снижении ЛАП для оправдания своих недостатков, приписывают их другим людям. У них сни-

жены моральная нормативность и поведенческая регуляция, что освобождает таких студентов от тревоги обнаружения данного недостатка у себя. Чем ниже ЛАП, тем чаще студенты используют «регрессию». При неблагоприятных обстоятельствах они «возвращаются» к примитивным формам поведения. Многие «уходят в болезнь», тогда окружающие начинают их жалеть, опекать, относиться снисходительно; тревога снижается — им становится более комфортно. При «смещении» действия переносятся с реально травмирующего объекта на другой, менее опасный; происходит разрядка подавленных эмоций.

Установлена обратная связь адаптационного потенциала с уровнем копинг-стратегии «агрессивные действия» ($r_s = -0,261$; $p < 0,05$), которая реализуется через коммуникативный потенциал ЛАП ($r_s = -0,302$; $p < 0,05$). Для лиц с пониженным уровнем ЛАП преодоление возникающих при общении проблем характеризуется проявлением агрессивности.

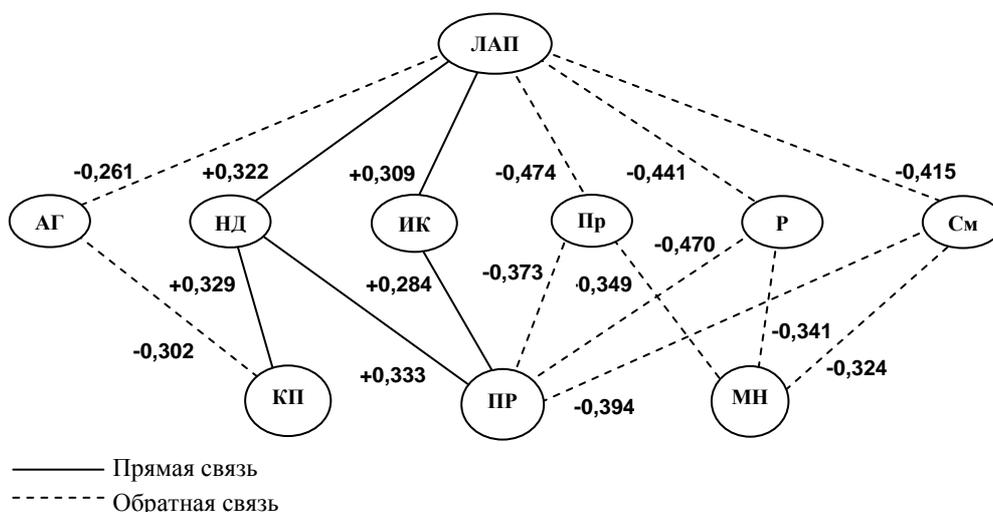

Рис. Корреляционный граф связи совладающих и защитных реакций с показателями личностного адаптационного потенциала:

ЛАП — личностный адаптационный потенциал; КП — коммуникативный потенциал; ПР — поведенческая регуляция; МН — моральная нормативность; НД — непрямые действия; АГ — агрессивные действия; ИК — индекс конструктивности стратегии преодолевающего поведения; Пр — проекция; Р — регрессия; См — смещение

Для лиц с низким уровнем ЛАП более характерной оказалась асоциальная стратегия — «агрессивные действия» ($19,6$; $p = 0,040$). Данная модель поведения реализуется через давление на окружающих, отказ от поиска альтернативных решений, конфронтацию, соперничество и может быть оценена как неконструктивная, выступающая в качестве фактора риска развития дезадаптации и синдрома выгорания. Оценка общего индекса конструктивности стратегий преодолевающего поведения у студентов данной группы является пониженной ($1,25$; $p = 0,045$).

Выявлена положительная связь адаптационного потенциала с копинг-стратегией — «непрямые действия» ($r_s = +0,322$; $p < 0,05$), которая реализуется через коммуникативный потенциал ($r_s = +0,329$; $p < 0,05$) и поведенческую регуляцию ($r_s = +0,333$; $p < 0,05$).

Проведенное исследование позволило определить, что личностный адаптационный потенциал и связанные с ним психические свойства личности детерминируют структуру совладающего поведения студентов. Студенты с низким уровнем ЛАП более активно используют незрелые механизмы психологической защиты и отдают предпочтение неконструктивным стратегиям совладающего поведения, что, вероятно, можно рассматривать как реакцию компенсации их повышенной нервно-психической неустойчивости и пониженного уровня коммуникативного потенциала. Для таких студентов важно составить программу психолого-педагогической помощи с учетом полученных результатов для улучшения их собственной модели копинга и продумать систему тренинговых занятий, направленных на формирование навыков позитивного общения, саморегуляции и конструктивного копинга.

Библиографический список

1. Абабков В. А., Пере М. Адаптация к стрессу : основы теории, диагностики, терапии. СПб. : Речь, 2004.
2. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М. : ПЕР СЭ, 2006.
3. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб. : Питер, 2009.
4. Гланц С. Медико-биологическая статистика. М. : Практика, 1998.
5. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. СПб. : Питер, 2005.
6. Крюкова Т. Л. Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // Психол. журн. 2005. № 2.
7. Маклаков А. Г. Адаптационный потенциал личности // Там же. 2000. № 1.
8. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Психотерапия, 2009.
9. Щербатых Ю. В. Психология стресса. М. : Эксмо, 2005.

ББК 88.834.021

Н. В. Попель, Е. А. Засухина

РОЛЬ СЕМЬИ В ВОЗНИКНОВЕНИИ СТРАХОВ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Проблема эмоционального неблагополучия детей, в частности проблема детских страхов, несмотря на давнюю историю, не теряет своей актуальности, а приобретает все большее значение в современном мире, пронизанном многочисленными глобальными и локальными потрясениями: как политическими и экономическими, так и экологическими. Страхи, принимая устойчивый и длительный характер, не только лишают ребенка психологического комфорта, радости жизни, но и способствуют возникновению многих психосоматических заболеваний, развитию детских неврозов.

© Попель Н. В., Засухина Е. А., 2011

Серия
• «Естественные, общественные науки»

Страх как отражение отношений человека к каким-либо фактам, сторонам действительности, как эмоциональное переживание среды, изучен и осмыслен в гораздо меньшей степени, поэтому выявление особенностей страха у детей в контексте анализа социальной ситуации их возникновения является важной задачей социальной и возрастной психологии.

А. И. Захаров определяет страх как «аффективное (эмоционально заостренное) отражение в сознании конкретной угрозы для жизни и благополучия человека. Страх основан на инстинкте самосохранения, имеет защитный характер и сопровождается определенными физиологическими изменениями высшей нервной деятельности, что отражается на частоте пульса и дыхания, показателях артериального давления, выделении желудочного сока» [3].

По мнению А. И. Захарова, понимание опасности, ее осознание формируется в процессе жизненного опыта и межличностных отношений, когда некоторые безразличные раздражители постепенно приобретают характер угрожающих воздействий. В таких случаях говорят о появлении травмирующего опыта — испуга, боли, болезни, конфликтов, неудач, поражений и т. д.

Согласно А. Спиваковской: «Страх — это специфическое острое эмоциональное состояние, особая чувственная реакция, проявляющаяся в опасной ситуации. Страх вызывается всегда конкретной и близкой, уже наступившей опасностью» (см.: [1, с. 118]).

Известный физиолог И. П. Павлов считал страх проявлением естественного рефлекса, пассивно-оборонительной реакцией с легким торможением коры больших полушарий. В самом общем виде эмоция страха возникает в ответ на действие угрожающего стимула. Существуют две угрозы, имеющие универсальный характер, — это смерть и крах жизненных ценностей, противостоящие таким понятиям, как жизнь, здоровье, самоутверждение, личное и социальное благополучие (см.: [4]).

В зарубежной психологии страх рассматривается с позиций разных теорий. Прежде всего, это теории эмоций (Ч. Дарвин, У. Джемс), теории научения, или бихевиористский подход (Дж. Уотсон, М. Раттер), психоаналитическое направление (З. Фрейд, А. Адлер, Хорни), когнитивные и гуманистические теории (Д. Келли, К. Роджерс).

Согласно идеям У. Джемса, можно привести такое понимание страха: «Страх — это телесное переживание воспринимаемой угрозы. Это — дрожь в коленках, это — напряжение лицевых мышц, “ватные” ноги, полное обездвиживание или, наоборот, бегство от опасности, это учащенный пульс, повышенное давление, неровное дыхание» [2, с. 65]. С момента рождения, по мнению Джемса, ребенка пугает шум, незнакомые люди, боль и ситуации «потери опоры», «ощущение высоты», а в 2—2,5 года ребенок испытывает страх, когда замечает его проявление у других людей, в 4—6 лет наибольшей интенсивности достигают страхи темноты, одиночества, воображаемых существ и смерти.

С точки зрения теории бихевиоризма страх является следствием однократного или многократного травматического опыта взаимодействия субъекта с определенными объектами. Страх — это реакции избегания опасности, широкий репертуар которых, с одной стороны, является основой социализации индивида и, с другой стороны, накоплением нежелательных, не одобряемых социумом форм поведения.

Дж. Уотсон, основатель бихевиоризма, описывает страх как врожденную, фундаментальную, первичную эмоцию, которая возникает с самого мо-

мента рождения. Он полагает, что новорожденный ребенок уже обнаруживает страх при громких, резких звуках и когда внезапно теряет опору или равновесие. Более того, он пишет, что никакое воспитание и никакая тренировка не уничтожат совершенно способности этих раздражителей вызывать у человека страх (см.: [6]).

Психоаналитики рассматривают страх как эмоциональную реакцию на опасность. В отличие от страха тревожность характеризуется, прежде всего, расплывчатостью и неопределенностью. К. Хорни считает, что чувство страха появляется в ответ на неудовлетворение потребности в безопасности. Фрустрация этой потребности приводит к развитию у ребенка установки базальной враждебности, запускаются защитные механизмы, такие как вытеснение, и в результате появляются чувства страха, беспомощности (см.: [7]). В самом общем виде эмоция страха возникает в ответ на действие угрожающего стимула. Это реакция на восприятие внешней опасности. Перед какими объектами и в каких ситуациях появляется страх, в большей мере зависит от состояния сознания и от «ощущения собственной силы перед внешним миром» [8].

В когнитивной и гуманистической психологии при рассмотрении вопроса о природе тревожности и страха используют различный концептуальный аппарат. С позиций этих концепций тревожность возникает при столкновении с новым опытом, который не согласуется с представлениями человека, угрожает им, вызывает страх. Карл Роджерс видел источник тревожности во встрече субъекта с опытом, который может угрожать представлению человека о себе. Тогда возникает чувство тревожности без осознания причины. Бессознательные реакции на этот опыт вызывают психофизиологические изменения (см.: [5]).

В связи с вышесказанным особый интерес для психологов и педагогов представляют социальные факторы возникновения детских страхов.

В данной работе отражены результаты эмпирического исследования страхов младших школьников и особенности детско-родительских отношений, влияющих на их возникновение. Для выявления страхов использовался опросник А. И. Захарова, состоящий из 29 видов страхов.

Согласно А. И. Захарову, для младших школьников наиболее типичными являются: страх не соответствовать общепринятым нормам («быть не тем»), боязнь сделать ошибку при подготовке уроков или ответе у доски, страх получить плохую отметку, заслужить порицание.

Полученные нами результаты позволяют уточнить и дополнить приведенный выше перечень: дети боятся нападения, проявления агрессии (63 %); опоздать в школу (50 %); сказочных персонажей, животных (50 %); смерти родителей (40 %); темноты (33 %).

Все эти страхи, за исключением опоздания в школу, обусловлены угрозой для жизни в прямом или косвенном виде, тесно связаны со страхом смерти. Страх смерти — своего рода нравственно-этическая категория, указывающая на известную зрелость чувств, их глубину. Нападение со стороны кого-либо, в том числе и животных, может обернуться непоправимым несчастьем, увечьем, смертью. В страхах угрозы со стороны сказочных персонажей скрывается беззащитность перед воображаемой смертельной опасностью. Социальные формы страха являются интеллектуальной переработкой, рационализацией воспринимаемой угрозы для жизни.

У половины испытуемых (50 %) был выявлен страх опоздать в школу, что является отражением гипертрофированного чувства вины из-за возможного совершения осуждаемых взрослыми, прежде всего родителями, неправильных действий. Более широко страх опоздать, а также страх наказания (30 %) рассматриваются как страхи социального несоответствия и неприятия.

Рассмотрим подробнее, какие страхи больше свойственны мальчикам младшего школьного возраста, а какие — девочкам. Результаты исследования показали, что девочки больше, чем мальчики, боятся нападения и проявления агрессии (как со стороны чужих людей, так и со стороны мамы или папы), своей смерти и смерти родителей, опоздать в школу, пожара, боли, войны, а также резких неожиданных звуков. Страх опоздания в школу является разновидностью страха «быть не тем», то есть получить порицание. Большая выраженность этого страха у девочек не случайна, они раньше, чем мальчики, усваивают социальные нормы, в большей степени подвержены чувству вины и более критично воспринимают отклонения своего поведения от общепринятых норм.

Мальчики, в свою очередь, испытывают более сильный страх высоты, стихийных бедствий и сказочных персонажей. Эти страхи отражают особенность данного возраста, так называемое «магическое мышление» — склонность верить в «таинственные явления». Особой пугающей популярностью пользуются герои современных фантастических фильмов (космические пришельцы, роботы, трансформеры, гоблины и т. д.).

Страх темноты (мальчики — 16,7 %, девочки — 20 %) и страх животных (мальчики — 23 %, девочки — 26 %) являются составляющими страха смерти, так как означают конкретную угрозу для жизни, необратимую потерю и исчезновение себя или близкого человека (например: волк может загрызть, в темноте можно потеряться, пропасть).

Итак, для детей младшего школьного возраста характерно сочетание социально и инстинктивно опосредованных страхов, прежде всего страха несоответствия общепринятым нормам и страха смерти родителей на фоне формирующегося чувства ответственности, «магического настроения» и выраженной в этом возрасте внушаемости.

Основной задачей исследования являлось также изучение влияния детско-родительских отношений на возникновение страхов у младших школьников. Характер детско-родительских отношений — это один из базовых параметров социальной ситуации развития, который оказывает существенное влияние на эмоциональную сферу ребенка. Для диагностики детско-родительских отношений использовался опросник «Взаимодействие родитель — ребенок». С помощью данного опросника изучают установки, поведение и методы воспитания родителей.

Результаты изучения взаимодействия родителей с ребенком, полученные в ходе исследования, показали превышение нормы по следующим факторам (шкалам): требовательность — нетребовательность, мягкость — строгость, контроль — автономность, отвержение — принятие, тревожность за ребенка, непоследовательность — последовательность, воспитательная конфронтация в семье. Рассмотрим эти данные.

Шкала «требовательность — нетребовательность». Показатели позволяют предположить, что уровень требовательности родителей по отношению к ребенку высокий, то есть присутствует давление на ребенка, ожидание

высокого уровня ответственности. С одной стороны, это свидетельствует о том, что воспитание не носит попустительский характер, с другой — родитель не всегда способен принимать ребенка таким, какой он есть.

Шкала «мягкость — строгость родителя». По результатам также можно предположить, что воспитание носит строгий характер. Ориентировка родителей направлена на установление четких границ того, что можно и чего нельзя.

Шкала «автономность — контроль». Данные позволяют сделать вывод, что контролирующее поведение по отношению к ребенку носит выраженный характер.

Шкала «отвержение — принятие». Эта шкала отражает базовое отношение родителя к ребенку, его личностным качествам и поведенческим проявлениям. Показатель выше нормы свидетельствует о том, что родитель стремится правильно воспитывать, но не всегда учитывает интересы и возможности ребенка.

Шкала «тревожность за ребенка». Многие авторы обращают внимание на родительскую тревожность за ребенка как важный фактор для понимания возникновения невротических реакций у детей. Тревожность за ребенка может свидетельствовать о стремлении родителей оградить его от возможных опасностей. Это приводит к тому, что ребенок учится безосновательно беспокоиться по поводу будущих событий, вместо того чтобы активно и уверенно преодолевать различные жизненные трудности.

Шкала «непоследовательность — последовательность». Последовательность в воспитании является важным фактором детско-родительских отношений. Высокий показатель говорит о непостоянстве в требованиях и отношениях к ребенку, то есть на протяжении всей жизни родители меняют стиль воспитания, поэтому их наказания и поощрения не всегда предсказуемы для ребенка.

Шкала «воспитательная конфронтация в семье». А. И. Захаров выделяет в качестве черты патогенного типа воспитания низкую сплоченность и разногласия членов семьи, что может приводить к воспитательной конфронтации. Данные по этой шкале свидетельствуют о наличии противоречий в подходе к воспитанию ребенка в семье.

Корреляционный анализ позволил выявить наиболее существенные связи между характером детско-родительских отношений и детскими страхами. Была установлена зависимость детских страхов от таких факторов воспитания, как непоследовательность в воспитании, воспитательная конфронтация

в семье и тревожность родителей за ребенка.

Таким образом, можно предположить, что чем больше родители стремятся оградить детей от возможных опасностей, беспокоятся за них, не постоянны в своих требованиях в процессе воспитания, тем больше страхов у детей. Низкая сплоченность и разногласия членов семьи по вопросам воспитания, неуравновешенность отношений в семье напрямую связаны со склонностью ребенка к каким-либо страхам.

Библиографический список

1. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск : Харвест, 1997.
2. Джемс У. Психология. СПб. : Изд-во К. Л. Риккера, 1991. Ч. 2.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

3. *Захаров А. И.* Как помочь нашим детям избавиться от страха. СПб. : Гиппократ, 1995.
  4. *Захаров А. И.* Как предупредить отклонения в поведении ребенка. М. : Просвещение, 1986.
  5. *Изард И.* Психология эмоций. СПб. : Питер, 1999.
  6. *Изард И.* Эмоции человека. М. : МГУ, 1980.
  7. *Фрейд А.* Теория и практика детского психоанализа. М. : Апрель Пресс — ЭКСМО, 1999. Т. 2.
  8. *Хьел Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб. : Питер, 2005.
- ББК 88.372**

М. Е. Раскумандрина, Т. Г. Матисен

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЮНОШЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ ЛИЧНОСТИ

В настоящее время стала острой проблема саморегуляции поведения индивида. Это можно объяснить возросшей ориентацией общества на индивидуальные ценности, терпимостью к различным способам индивидуального самовыражения, недостатком четких социальных правил и норм. Трудности саморегуляции могут быть обусловлены также нарушениями нервно-психического здоровья, распространенность которых в последнее время увеличилась. Чрезвычайно остро проблемы регуляции поведения выступают в отношении лиц юношеского возраста.

Нами было проведено исследование особенностей саморегуляции юношей, проходивших стационарное обследование в ГУЗ ОКПБ «Богородское». Причиной их госпитализации было решение вопроса о воинской повинности в связи с наличием у них определенных проблем регуляции своего поведения. В исследовании приняли участие 33 человека в возрасте от 18 до 25 лет. Испытуемые были разделены на группы по характеру диагноза:

- 1-я группа — психически здоров (З) — 11 человек;
- 2-я группа — расстройство личности (РЛ) — 16 человек;
- 3-я группа — органическое расстройство личности (ОРЛ) — 6 человек.

Расстройство личности представляет собой комплекс глубоко укоренившихся ригидных и дезадаптивных личностных черт, обуславливающих специфическое восприятие и отношение к себе и к окружающим, снижение социального приспособления и, как правило, эмоциональный дискомфорт и субъективный дистресс. Основными его диагностическими критериями служат тотальность патологических черт характера; их стабильность во времени; социальная дезадаптация. Данная патология предполагает нарушения в когнитивной и аффективной сферах, в межличностном взаимодействии, в контроле импульсивности.

Группа «органические расстройства личности» объединяет испытуемых с психологическими и поведенческими отклонениями, связанными с транзиторными или постоянными дисфункциями мозга. Наиболее характерными их признаками являются когнитивные нарушения, невозможность справляться с

© Раскумандрина М. Е., Матисен Т. Г., 2011

длительной целенаправленной деятельностью; эмоциональная лабильность, нарушения выражения потребностей и влечений.

Нами анализировались такие показатели анамнеза, как злоупотребление матери алкоголем, воспитание в полной или неполной семье, в многодетной семье; успеваемость, отношение к учебному процессу, наличие деструктивного поведения; особенности взаимодействия в коллективе; способность продолжить образование, получить специальность и трудоустроиться. Исходя из этих критериев, делался вывод о степени социальной адаптации испытуемого.

Осознанная саморегуляция произвольной активности человека, по мнению В. Моросановой, — это целостная система психических средств, при помощи которых человек способен управлять своей целенаправленной активностью. Система осознанной саморегуляции служит средством организации психических ресурсов для выдвижения и достижения целей [1]. Процесс саморегуляции способствует выработке гармоничного поведения, на основе которого развивается умение управлять собой сообразно реализации поставленной цели. Феномен саморегуляции находится в тесной связи с социально-психологической адаптацией личности. Об успешности процессов саморегуляции судят по способности личности преодолевать проблемные ситуации, использовать приобретенные на предыдущих этапах своего развития навыки социализации, взаимодействовать с группой без конфликтов, продуктивно выполнять ведущую деятельность.

В основе саморегуляции лежит состояние волевой сферы. По мнению М. В. Чумакова, от уровня ее развития зависит успешность деятельности, особенно в тех случаях, когда она не предъявляет высоких требований к способностям человека. К показателям волевой регуляции поведения относятся ответственность, инициативность, решительность, самостоятельность, выдержка, настойчивость, энергичность, внимательность, целеустремленность [2].

Важную характеристику саморегуляции представляет уровень субъективного контроля, определяющий характер локализации личностью ответственности за важные события жизни. Существует два типа локализации: экстернальный (происходящие события объясняются результатом действия внешних сил — обстоятельств, других людей) и интернальный (значимые события — это результат собственной активности и зона собственной ответственности).

Об особенностях саморегуляции говорят также такие личностные качества, как подчиняемость и исполнительность. Подчиняемость предполагает принятие положения подчиненного и готовность выполнять распоряжения другого человека. Исполнительность — принятие задачи и стремление выполнить ее так, как необходимо для успеха дела.

В нашем исследовании было установлено следующее. Уровень саморегуляции здоровых испытуемых является средним. Несколько ниже он у испытуемых с ОРЛ. У испытуемых с РЛ уровень саморегуляции низкий. Достаточный уровень саморегуляции в группе психически здоровых позволяет им адаптироваться в различных условиях жизни. Направления их в стационар связаны с наличием неврозоподобных расстройств, с наблюдением у невролога либо психиатра, низкой успеваемостью, наличием судимости, приводов в милицию, подозрением на аутоагрессию и пр.

У испытуемых с ОРЛ выявлено затруднение процессов саморегуляции. У них нередко отмечается недостаточно высокий уровень интеллектуального развития, излишняя подвижность, наличие нарушений здоровья, влияющих на процессы саморегуляции: головные боли, головокружения, метеозависимость, повышенная утомляемость, эмоциональная нестабильность и пр.

Между 1-й (З) и 2-й (РЛ) группами обнаружилось значимые различия по следующим факторам:

- У здоровых испытуемых выше успеваемость в школе.
- В группе испытуемых с РЛ значимо чаще отмечаются межличностные конфликты, неадаптивные способы реагирования.
- У испытуемых с РЛ в характеристиках чаще отмечается «лень». Необходимо отметить, что это сложный феномен. Часто за ним скрывается повышенная утомляемость, снижение волевых процессов в связи с состоянием нервно-психического здоровья.
- Злоупотребление матери алкоголем чаще встречается у лиц с РЛ.
- Аутоагрессия значимо чаще отмечается у испытуемых с РЛ. Аутоагрессивное поведение носило как истинно суицидальный характер, так и аутодеструктивный характер, направленный на причинение себе физического вреда без конечной цели лишения себя жизни (порезы ножом).
- Уровень социальной адаптации выше у испытуемых 1-й группы.
- Исполнительность значимо выше в группе психически здоровых испытуемых. Исполнительность имеет прямую взаимосвязь с саморегуляцией, а также с такими волевыми качествами личности, как ответственность, решительность, выдержка, энергичность.
- Более высокий показатель выдержки у испытуемых 1-й группы. Это говорит об умении контролировать свои эмоции, терпеливо переносить нагрузки, справляться с монотонной деятельностью, управлять своими состояниями.

При сравнении результатов испытуемых 2-й (РЛ) и 3-й (ОРЛ) групп обнаружены следующие значимые различия:

- Адаптация значимо выше у испытуемых 3-й группы. Им в меньшей степени свойственны брутальные формы поведения (демонстративное противостояние, прогулы, аутодеструктивное поведение, употребление алкоголя, уходы из дома и пр). В силу цефалгий, метеочувствительности, повышенной утомляемости они более покладисты и адаптированы в коллективе, что не исключает «тиранства» в семье. Возможно, это связано с гиперопекой со стороны родителей в связи со слабым состоянием здоровья в раннем возрасте.
- Успеваемость значимо выше у испытуемых 3-й (ОРЛ) группы, она практически соответствует успеваемости психически здоровых. Обладая более низким интеллектуальным потенциалом, они лучше успевают в школе в силу лучших адаптивных способностей.
- Выдержка значимо выше у испытуемых 3-й группы, так как они менее импульсивны. Средний балл этой группы соответствует значениям данного показателя здоровых испытуемых.

При сравнении результатов испытуемых 1-й (З) и 3-й (ОРЛ) групп обнаружилось только одно значимое различие — в наличии конфликтности. В группе испытуемых с ОРЛ она отмечается значимо чаще. Вероятно, это связано с такими особенностями характера, как упрямство, ригидность, злопа-

мятность, застревание на психотравмирующей ситуации, невозможность проанализировать последствия конфликта в силу снижения интеллектуальных и критических способностей.

Таким образом, можно отметить, что имеются достаточно существенные различия по ряду характеристик саморегуляции между субъектами юношеского возраста — психически здоровыми и имеющими расстройства личности. При этом показатели испытуемых с ОРЛ практически совпадают с показателями группы здоровых. Трудности саморегуляции первых зависят от степени выраженности тех или иных маркеров органического расстройства личности, заинтересованности семьи в лечении, адекватности применяемых способов воспитания.

Обнаружено также, что у испытуемых, воспитывающихся в многодетных семьях, более низкие показатели подчиняемости, интернальности, ответственности, решительности, самостоятельности, выдержки, внимательности, целеустремленности, саморегуляции. При этом можно говорить не о влиянии многодетности как таковой, а о том, что в семьях наших испытуемых многодетность является не сознательным решением ответственных родителей, а результатом недостаточной регуляции репродуктивности, что свидетельствует о низком уровне саморегуляции своего поведения родителями в целом.

Обнаружена связь наличия аутоагрессии с воспитанием в неполной семье одной матерью, злоупотреблением матери алкоголем и обратная связь с фактором «интернальность». Недостаточное внимание со стороны матери к ребенку наносит неисправимый вред развитию его личности. Невозможность привлечь внимание и сочувствие к себе обычными способами, тяжелые переживания по поводу своей недостаточной ценности для матери, стыда за нее перед другими вызывают такие деструктивные способы привлечения внимания, как аутоагрессия. Обратная связь с интернальностью вполне объяснима. Привлекая внимание других людей путем нанесения себе повреждений, человек фактически перекладывает на них ответственность за решение проблемы.

Практически не обнаружилось значимых различий между группами в уровне выраженности различных волевых качеств личности. Показатели волевых качеств достаточно равномерны у испытуемых всей выборки и имеют среднее значение. Это помогает направлять свою активность и поведение на достижение поставленных целей в обычных условиях, но может оказаться недостаточным, когда требуется применить выраженное волевое усилие.

Также необходимо отметить, что у испытуемых 3-й группы выше показатель целеустремленности по сравнению с другими группами. Это говорит о наличии хорошо осознанных целей в жизни, стремлении планировать свое время и порядок выполнения дел. Таким людям бывает сложно в тех ситуациях, когда нет объективной возможности реализации собственных целей и требуется переключение с одной цели на другую. Возможно, достаточно высокий уровень целеустремленности имеет в таких случаях компенсаторный характер и говорит о стремлении человека достичь успеха несмотря на трудности, связанные с состоянием здоровья.

В нашем исследовании не обнаружено значимых различий между группами по уровню субъективного контроля. Необходимо отметить, что во всех группах он достаточно низок. Это значит, что все испытуемые преимущественно локализируют контроль над значимыми для себя событиями вовне.

Обнаружен средний уровень подчиняемости во всех группах выборки. Это может, с одной стороны, говорить о готовности юношей принять свое подчиняемое положение в силу возраста и невысокого социального статуса и свидетельствовать о потенциальном благополучии их социальной адаптации. С другой стороны, это может быть показателем отсутствия самостоятельности и амбиций, способствующих достижению важных целей. Уровень исполнительности у испытуемых 1-й и 3-й групп достаточно высок, а у представителей 2-й группы — средний. Высокий уровень исполнительности позволяет достичь успеха в различных видах деятельности. Этим может объясняться более высокий уровень социальной адаптации представителей 1-й и 3-й групп по сравнению с испытуемыми 2-й группы.

Данное исследование возможно продолжить в направлении увеличения выборки испытуемых, расширения рассматриваемых личностных качеств юношей, связанных с особенностями их социальной адаптации. Обозначенная тема представляется достаточно актуальной, поскольку в последнее время отмечается значительное увеличение и усложнение проблем, связанных с вступлением в самостоятельную жизнь личности в юношеском возрасте. Особенно сложно переживают данный период юноши. Общество предъявляет им такие требования, к которым молодые люди не были подготовлены в предшествующие этапы своего развития. Решение данных проблем без помощи специалистов и более взрослого социального окружения может приводить к состоянию как временной, так и достаточно стабильной социальной дезадаптации.

Библиографический список

1. Моросанова В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) : руководство. М. : Когито-Центр, 2004. 44 с.
2. Чумаков М. В. Опросник диагностики волевых качеств личности (ВКЛ) : руководство / НПЦ «Психодиагностика». Ярославль, 2004. 16 с.

ББК 74.04я73

С. В. Нилова

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНЕДРЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СВОБОДНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Развитие сферы образования и науки сегодня не может рассматриваться вне контекста информационного общества, проблем информационной безопасности, выбора программного обеспечения и инновационного потенциала информационно-компьютерных технологий (ИКТ). Именно вопрос раскрытия инновационного потенциала свободного программного обеспечения является темой этой статьи.

Уточним степень популярности понятия «инновация». Так, поиск в Интернете показал, что Яндекс находит по запросу «инновация» 13 млн страниц с разными видами информации. При этом первым ресурсом, представленным в результате поиска, появляется определение Википедии (англ. Wikipedia) — свободной общедоступной многоязычной универсальной энциклопедии, поддерживаемой некоммерческой организацией «Фонд Викимедиа». Этот популярный информационный ресурс является инновацией информационного общества и существует благодаря сотворчеству википедистов. Его название образовано от слов «вики» (технологии для создания сайтов) и «энциклопедия». Более 15 млн статей Википедии написаны совместно добровольцами со всего мира. Этим источником коллективной мысли мы и воспользуемся, рассматривая основные признаки инноваций и их потенциал в современной системе образования.

«Инновация — это внедренное новшество, обладающее высокой эффективностью... Инновация — это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы... Необходим процесс: инвестиции — разработка — процесс внедрения — получение качественного улучшения» [2].

Педагогические инновации и развитие инновационной образовательной среды следует рассматривать в контексте развития «педагогической инноватики» и «дидактической эвристики». А. В. Хуторской под педагогической инноватикой понимает «учение о создании педагогических новшеств, их оценке и освоении педагогическим сообществом, использовании и применении на практике» [7]. Это направление педагогики оперирует такими системными понятиями, как «инновационный процесс» и «инновационная деятельность».

«Инновационные процессы в образовании рассматриваются в трех основных аспектах: социально-экономическом, психолого-педагогическом и организационно-управленческом» [7]. А. В. Хуторской подчеркивает единство трех составляющих инновационного процесса: создание, освоение и

применение новшеств. Экспертиза (или оценка) новшеств пронизывает все составляющие, но при более детальном рассмотрении проблем инноватики может быть вынесена как самостоятельная сторона инновационного процесса. «Инновационные процессы следует отличать от локального эксперимента или внедрения отдельных новшеств. Например, введение дополнительного элективного курса в школу еще не делает ее инновационной. Инновационная деятельность характеризуется системностью, интегральностью, целостностью. Таким образом, деятельность, которая обеспечивает превращение идей в нововведение, а также формирует систему управления этим процессом и есть инновационная деятельность» [7]. А. В. Хуторской считает, что нецелесообразно «механически переносить в область педагогики аппарат инноватики, который действует в экономике, предпринимательстве или производстве». Однако любая из этих областей имеет разные модели, например, американский или японский менеджмент будут иметь существенные отличия и инновационные процессы, происходящие в разных системах, будут иметь разную «человекоориентированную сущность». Вопрос «Внедрение или выращивание?» (А. В. Хуторской) применительно к педагогическим инновациям уместен, а вот к инновациям в системе образования, которые в настоящее время имеют преимущественно экономические составляющие, будет излишним. Широкомасштабные инновации, такие как: стратегические программы развития, публичные доклады, дополнительные образовательные услуги, ЕГЭ, автономные учреждения, дистанционные технологии, компетентностный подход, внедряются в систему образования на основе экономических закономерностей развития и предполагают «выращивание» отношений к ним со стороны педагогического сообщества. Такой подход распространяется и на вопросы внедрения новых информационных технологий в систему образования. Можно выращивать отношение к техническим инновациям, свой опыт, способы и технологии работы с ИКТ, которые сами по себе могут быть новаторскими, опираясь на личностно-ориентированную парадигму, а вот само по себе техническое средство или программное обеспечение будет внедряться, его нельзя «вырастить» в обычной системе образования, если она не располагает серьезным научно-исследовательским и производственным потенциалом. Как правило, рядовой пользователь ПК осваивает уже предложенную инновацию, а учитель пытается с разной эффективностью включить ее в образовательный процесс.

Инновационные процессы и создание инновационной среды способствуют изменению общества и образования. В условиях информатизации общества, необходимости оптимизации образовательного процесса и опережающего характера образования можно получить максимально эффективный результат, используя инновационные технологии, которые, как и любые педагогические технологии, обладают концептуальностью, системностью, воспроизводимостью, управляемостью и эффективностью.

Ориентированность системы образования на инновационное развитие экономики вызвана проблемами инновационного потенциала России. Шокирующим примером современности могут служить факты нашего положения по сравнению с другими странами: «...Россия продолжает оставаться в числе наиболее отсталых в технологическом развитии стран. Так, по данным Всемирного Экономического Форума (отчет Global Competitiveness Report), Россия с точки зрения технологической готовности к инновациям (Technological readiness) находится на 72-м месте — после Ботсваны и Тринидад и Тобаго.

А в рейтинге, определяющем уровень заинтересованности в инновациях и внедрении новых решений (Innovation), Россия находится на 57-м месте — после Барбадоса и Кении» [1].

Учитывая внешние показатели инновационного развития страны, появились внутренние ориентиры современной модели образования, ориентированной на инновационное развитие экономики, которое определило формирование базовых компетентностей современного человека: «информационной (умение искать, анализировать, преобразовывать, применять информацию для решения проблем); коммуникативной (умение эффективно сотрудничать с другими людьми); самоорганизации (умение ставить цели, планировать, ответственно относиться к здоровью, полноценно использовать личностные ресурсы); самообразования (готовность конструировать и осуществлять собственную образовательную траекторию на протяжении всей жизни, обеспечивая успешность и конкурентоспособность» [6].

Компетентностный подход в образовании меняет приоритеты, иначе расставляет акценты. Для человека важным становится освоение способа получения и переработки информации, где использование ИКТ является нормой, а выбор программного обеспечения — одним из условий эффективности. Рассмотрим внедрение и использование свободного программного обеспечения (СПО) в систему образования как нововведение и как процесс освоения этого новшества.

СПО — это результат коллективной мысли программистов разных стран, его созданные дистрибутивы являются продуктом сотворчества. Свободное программное обеспечение дает право пользователю свободно использовать, копировать, распространять, изучать, изменять и улучшать его. Как правило, в системе образования, когда речь заходит о СПО [3, 4], предполагается выбор между ОС Windows и ОС Linux, а для большинства пользователей ПК вариативность программного обеспечения до сих пор является абсолютно новой информацией.

Феномен СПО междисциплинарен. Внедрение и использование СПО зависит от всех субъектов деятельности, участвующих в информатизации образования, и показывает их способность обеспечить связь педагогических традиций с проектированием будущего образования. В России эта инновация приобретает реальную нормативную основу. Совет при Президенте РФ по развитию информационного общества РФ утвердил план реализации стратегии развития информационного общества в РФ до 2011 года. Для нас наибольший интерес представляет направление «ИКТ в образовании и науке» (п. 2.3), в рамках которого запланировано обеспечение перехода общеобразовательных учреждений на использование разработанного пакета свободного программного обеспечения (ПСПО) [5]. В качестве результата работы по этому направлению к концу 2010 года 25 % общеобразовательных учреждений каждого региона РФ должны были использовать ПСПО не менее, чем на 50 % имеющихся персональных компьютеров. К концу 2011 года доля таких школ должна превысить 35 %. Ответственными за достижение данных показателей назначены Минобрнауки России и органы исполнительной власти субъектов РФ.

Вопрос внедрения и использования СПО предполагает системные изменения в области образования, где альтернативность ПО воспринимается крайне неоднозначно. Потенциал этого направления информатизации образования дает возможность для инновационной деятельности на разных уровнях,

от локальной деятельности конкретного студента или учителя школы до деятельности органов управления конкретного субъекта РФ.

«Создать педагогическое новшество мало. Педагогические новшества, какими бы привлекательными и проработанными они ни были, не могут быть освоены без надлежащего управления и организации инновационных процессов. Инициаторы нововведений неизбежно столкнутся с проблемами, порождаемыми нововведениями, и вынуждены будут искать пути их решения. Для внедрения новых форм, методик, педагогических технологий требуется понимание того, как эти новшества внедрять, осваивать и сопровождать» [7].

Рассмотрим инновационный потенциал идеи СПО и ее возможности на основе реализации инновационного проекта внедрения и использования СПО в МОУ СОШ № 20 г. Иваново благодаря социальному партнерству с кафедрой педагогики Ивановского государственного университета. Внедрение и использование СПО стало идеей сотворчества преподавателей, студентов и родителей, предоставив возможность студентам осуществить проектную деятельность в конкретной школе.

В 2006 году МОУ СОШ № 20 получила новый компьютерный класс без ПО, который практически около года не действовал из-за отсутствия средств на программное обеспечение. В 2007 году началась работа по установке и настройке СПО, проходившая с участием студентов Ивановского государственного университета (в рамках учебного курса «ИКТ в учебном процессе») под руководством системного администратора и вузовского преподавателя, являющихся родителями учеников этой школы. Поставленные задачи были новыми для большинства участников проекта и решались на основе сотворчества [4].

В дальнейшем идея СПО была представлена через другие вузовские курсы: «Технология дистанционного обучения», «Применение ИКТ в образовательном процессе», «Новые педагогические технологии», «Педагогика», как индивидуальные, так и коллективные проекты разными группами студентов, обучающимися на факультетах ИвГУ (юридический, физический, исторический), включая возможности дистанционных технологий. Реализация компетентностного подхода и подготовка образовательных программ на основе ФГОС подчеркивает перспективность проектного метода и тех задач, которые решаются и могут быть решены на основе СПО.

В вузе в процессе изучения различных дисциплин студенты наряду с овладением наукой наблюдают и усваивают технологию образовательного процесса. Соответственно приоритетными должны быть такие инструменты, которые дадут возможность студентам не только знать, но и почувствовать, «прожить» способ организации взаимодействия на себе; позволят обеспечить «социальную мобильность» студентов на практике; создадут возможность творческой самореализации в проектной деятельности и сформируют образец их эффективного использования.

Объем возможных теоретических и практических задач внедрения и использования СПО позволяет включить в проектную деятельность разные группы студентов и выйти с локального уровня отдельной школы на региональный проект внедрения и использования СПО в Ивановской области. Федеральная инициатива, предполагающая использование отечественных программных продуктов и продуктов на базе Linux до 2015 г., отражает перспективность этого направления на ближайшие годы и подчеркивает инновационный потенциал освоения СПО.

На примере сотрудничества вуза и школы это новшество позволило обеспечить работу компьютерных классов школы на основе ОС Linux, выйти на экспериментальный уровень, представить студенческие исследования на конференциях «Молодая наука» (в 2008, 2009, 2010 гг.), осуществить инициативный проект в Интернете по поддержке и использованию ОС Linux в системе образования Ивановской области (лидеры проекта — студенты физического факультета ИвГУ А. Степанов и А. Крайнов, 2009 г.). Благодаря идее СПО в Интернете был изменен электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по педагогическим дисциплинам (<http://distant.ivanovo.ac.ru/>), в нем предлагается студентам скачать лекции по курсу педагогики в формате документа OpenOffice.org. Это является развивающим и стратегическим элементом курса, практической встрече с которым предшествует знакомство с проблемой вариативности ПО. Наряду с этим, в рамках курсов «Новые педагогические технологии», «Инновационная педагогика», «НИТ в учебном процессе», студентам предоставлялась возможность реализовать проект по изучению или использованию СПО. В курсах предусматривался модуль «Программное обеспечение и культура личности».

Инновационный потенциал СПО может быть реализован в вузовских и школьных курсах «Пользователь ПК» на основе СПО или курсах, ориентированных на сравнение возможностей двух операционных систем (Windows или Linux) на основе вариативной части стандартов. В вузах или ссузах может быть организована дополнительная образовательная программа по направлению «Администратор Linux». Подобное новшество возможно на основе стратегического управления и расчетов вероятной потребности в таких специалистах. Перспектива использования СПО в Ивановской области, как и в любом субъекте РФ, зависит от согласованных усилий.

Комплексное внедрение этой инновации возможно через привлечение студентов и соответствующие учебные практики вузов и ссузов, способствующие развитию опыта на основе возможных стандартных решений. Так, на примере сотрудничества кафедры педагогики ИвГУ и МОУ СОШ № 20 г. Иваново осуществляются и планируются проекты по разным направлениям: 1) преподавание информатики на основе СПО в средней школе; 2) использование СПО для начальной школы (в том числе — как дополнительной образовательной услуги); 3) разработка тестов по различным предметам; 4) работа школьного терминального сервера; 5) использование мультимедийной доски на основе СПО; 6) документооборот на основе Хронографа, работающий под СПО; и др.

Рассмотрим лишь некоторые примеры результатов проектной деятельности студентов юридического, физического и исторического факультетов, которые в совокупности с прошлым опытом могут проиллюстрировать инновационный потенциал внедрения и использования СПО.

1. Практический коллективный проект «Погружение в иностранный язык для начальной школы» (исторический факультет, 2009—2010 гг.) Эта игровая технология предусматривает активную коммуникативную практику студентов в преподавании иностранного языка учащимся начальных классов и может существовать как дополнительная образовательная услуга в школе. Содержание погружения включало несколько уроков, которые проходили на основе интеграции знаний английского языка и информатики и предполагали работу учащихся на персональных компьютерах с ОС Linux. Предварительно студенты сами изучили эти возможности. Проект был реализован дважды,

его идея полностью соответствовала компетентностному подходу, так как позволила студентам сформировать опыт и получить новые знания. Однако в будущем реализация подобных проектов практически будет невозможной из-за сокращения объема курса педагогики на историческом факультете в целом и отсутствия курса «Педагогика» на специальности «Международные отношения», который мог быть представлен и в логике вариативной части новых стандартов.

2. Исследовательский проект «Правовые аспекты и международный опыт внедрения Linux в систему образования» (А. П. Ершов и А. Ю. Смирнов, юридический факультет ИвГУ, 2010 г.) кратко обозначил правовое и международное пространство СПО. Это направление может быть представлено дальнейшими студенческими исследованиями.

Свободные лицензии. Основным механизмом, обеспечивающим существование свободных программ в мире, являются свободные лицензии. Все они предоставляют пользователю 4 ключевые свободы: права на запуск и использование программы в любых целях; на изучение и адаптацию программы; на копирование и распространение программы безвозмездно или за плату; на развитие и усовершенствование программы. Наибольшее распространение в мире получили следующие типы свободных лицензий: 1) универсальная общественная лицензия GNU; 2) программная лицензия университета Беркли (BSD); 3) свободные лицензии Artistic, Affero, Apache, LGPL, MIT/X11, ZPL и др. в той или иной степени дополняют изложенные выше требования свободных лицензий; 4) Mozilla Public License — MPL. Изучение специфики лицензирования ПО может быть весьма перспективным для юридического факультета ИвГУ.

Международный опыт внедрения СПО. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии планирует перевести школы на СПО, впервые в 2004 году был поставлен эксперимент по замене Windows на Linux в учебном процессе, в целом опыт был признан удачным. В США в штате Индиана с 2006 года реализуется проект по использованию Linux на школьных компьютерах. В Бразилии в 2007 году правительство разместило заказ на 90 000 компьютеров, полностью совместимых с ОС Linux. В Великобритании разрабатывается стратегия внедрения СПО в школах, за это отвечает Минобразования. В Индии в 2008 году правительство штата Керала сделало официальное распоряжение, что только СПО будет использоваться для ИТ-образования в средних школах. В рамках инициативы «Да здравствует свободное программное обеспечение!» 9000 ПК в швейцарских школах в 2008 году были полностью переведены на Linux. ОС Linux активно внедряется в систему образования разных стран мира, для этого уже подготовлена правовая база во многих государствах, особенно в странах ЕС. Совершенно очевидно, что изучение международного опыта, в нашем случае внедрения и использования СПО в информационном обществе, также может входить в содержание образования высшей школы.

3. Проект «Компьютерный практикум на основе СПО (ОС Linux)» показал потенциал студентов в модернизации региональной системы образования и создании авторских разработок (П. В. Агапов и В. В. Болтухов, физический факультет ИвГУ, 2010 г.). Результату этого проекта предшествовали локальные эксперименты других студентов физического факультета.

В рамках экспериментальной работы в МОУ СОШ № 20 был организован компьютерный практикум на основе ОС Linux (на предшкольной ступени «Школы будущего первоклассника», в 1—4 классах и во время школьного лагеря). Занятия проводились с учетом здоровьесберегающих технологий, которые препятствуют нежелательной усталости глаз и снижению зрения у школьников. Длительность одного занятия составляла не более 30 минут. В процессе занятий преподаватель обеспечивал индивидуальный подход к каждому обучающемуся, текущий мониторинг развития умений и навыков работы с компьютерными программами, обращал внимание на культуру взаимодействия учащихся с компьютерной техникой и организовывал рефлексию в конце занятий. Школьники, которые опережали программу, могли перейти на более сложный уровень работы с содержанием компьютерного практикума.

В результате практикума у учащихся сформировались основные умения и навыки работы с устройствами ввода и вывода информации и опыт работы с ПО на ОС Linux. В результате проведенной экспериментальной работы были сделаны выводы: 1) операционная система Linux является перспективной для изучения в начальной школе, она обеспечивает развитие качества образования; 2) в школе компьютерный практикум может существовать как дополнительная образовательная услуга и при согласовании педагогической деятельности может способствовать изучению информатики. Авторская программа компьютерного практикума прошла экспертизу в департаменте образования Ивановской области. Программа имеет модульное построение, ее можно использовать на базе 1—4-х классов в условиях полного учебного года с регулярностью проведения занятий один раз в неделю. При освоении программы практикума учащиеся изучают программное обеспечение OpenOffice.org_ (Writer, Impress, Calc) и развивающую программу Gcompris. Модули программы формируют навыки работы учащихся с устройствами ввода и вывода информации, развивают их логику и интеллект, а также знакомят с созданием и редактированием документов различных форматов (odt., odr., ods.). При разработке отдельных элементов новой образовательной программы в начальной школе на основе внедрения новых стандартов программа компьютерного практикума может быть взята за основу.

4. Проект «Технология тестирования на основе программы Keduka (ОС Linux)» подчеркнул результативность сотрудничества ИвГУ и школ в развитии качества образования (лидеры проекта Д. Е. Калинин и М. И. Сушкин, физический факультет ИвГУ, 2010 г.).

Программа Keduka является бесплатным дополнением базового установочного пакета ОС Alt Linux 4.0 Школьный. В 2009 году каждая школа РФ получила эту программу с пакетом «Первая помощь 2.0». Тестовая программа Keduka включает в себя редактор тестов Keduca-Editor. Для работы с программой необходимо иметь пользовательский уровень владения компьютером (т. е. навык работы с приложениями типа MS Office, OpenOffice).

Студентами 5-го курса физического факультета ИвГУ в декабре 2010 года был проведен эксперимент на базе МОУ СОШ № 20, который заключался в создании технологии тестирования на основе ОС Linux в тестовой программе Keduca (7—11 кл., учебные предметы — математика, русский язык, физика, биология, география, информатика, ОБЖ, немецкий язык). Ранее в других учебных курсах другими студентами эта программа осваивалась и

предполагала лишь первоначальное знакомство. Студенты подготовили электронные тесты и компьютерные классы и совместно с учителями-предметниками провели тестирование. Вопросы тестов могут иметь несколько вариантов ответов и сопровождаться пояснительными иллюстрациями. Время ответа на тест можно ограничивать. Например, в зависимости от заданий, время на создание одного теста из 15 вопросов занимает чуть менее часа. В ходе проведения тестирования с учащимися было определено среднее время на одно задание (1—2 минуты на предметы гуманитарного цикла и 2—3 минуты на предметы естественного цикла). С учетом санитарных норм электронный тест для школьника не должен занимать более 30 минут. Тестирование учащихся проходит в самой же Keduca. С помощью программы достаточно легко организовать текущий мониторинг развития знаний по всем изучаемым дисциплинам. В процессе занятий преподаватель обращает внимание на культуру взаимодействия учащегося с компьютерной техникой. После тестирования программа выдает итог выполнения работы: количество правильных ответов, а также развернутый ответ на каждый вопрос. Это дает учащимся возможность для самоконтроля и является достаточно объективной оценкой знаний по предмету.

В результате данной технологии у преподавателей могут быть сформированы основные умения создания электронных тестов и опыт работы с программой Keduca в ОС Linux. Эта программа может служить хорошей основой для организации предметного тестирования в университете и эффективного использования инновационного потенциала СПО.

Наш опыт показал, что на основе социального партнерства и организации проектной деятельности новшества информатизации образования могут быть успешно внедрены и использованы. Изучение вопросов СПО целесообразно в различных аспектах на разных факультетах ИвГУ.

Библиографический список

1. *Азгальдов Г. Г., Костин А. В.* Интеллектуальная собственность, инновации и квалиметрия, 2008. URL: http://www.labrate.ru/articles/azgaldov-kostin_article_2008-1_innovation-qualimetry-IP.htm (дата обращения: 10.11.2010).
2. *Инновация* // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Инновация>.
3. *Нилова С. В.* Свободное программное обеспечение в системе образования: компетентностный подход // Свободное программное обеспечение в образовании: сб. тр. Всерос. конф., Челябинск, 25—26 марта 2009 г. / ЮурГУ. Челябинск, 2009. С. 76—82.
4. *Нилова С. В.* Стратегия развития ИКТ в системе образования // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Естественные, общественные науки. 2008. Вып. 1. С. 9—18.
5. План реализации стратегии развития информационного общества в РФ до 2011 года : утв. 13.02.2010 / Совет при Президенте РФ по развитию информационного общества РФ. URL: <http://www.infosovet.ru/files/20100213%20Pr-357.pdf> (дата обращения: 24.11.2010).
6. Современная модель образования, ориентированная на решение задач инновационного развития экономики // Актуальные задачи современной модели образования : материалы Министерства образования и науки РФ для обсуждения на августовских педагогических совещаниях работников образования. 2008. URL: <http://distant.ivanovo.ac.ru/students/sem5.htm> (дата обращения: 11.02.2011).

7. Хуторской А. В. Педагогическая инноватика — рычаг образования // Инновации в образовании : вступ. докл. на VII Всерос. дистанционной августовской науч.-практ. конф. URL: <http://eidos.ru/journal/2005/0910-19.htm> (дата обращения: 26.11.2010).

ББК 74.100, 74.204

Е. В. Мельникова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МОНИТОРИНГ — ИНФОРМАЦИОННАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ ШКОЛЫ

На современном этапе развития образования важную роль играет как внешняя, так и внутренняя система оценки качества, ориентированная не столько на регулирование процесса, сколько на новые результаты. В этой оценке найдут место не только стандартизированные внешние экзамены, неизбежно упрощающие и нивелирующие образовательные результаты, но и новые методы оценивания, которые будут отражать достижения и индивидуальный прогресс ребенка. В «Современной модели образования, ориентированной на решение задач инновационного развития экономики» речь идет о том, что в практику деятельности образовательных учреждений планируется введение оценки качества работы системы, построенной на выборочном статистическом анализе, создание единой добровольной цифровой системы учета образовательных достижений школьников. Помимо Единого государственного экзамена, получают развитие и другие институты оценки результатов общего образования школьников. Все это позволяет говорить об актуальности исследований, посвященных изучению проблем развития образовательной информационной среды, информационную основу которой составляет образовательный мониторинг.

Система управления качеством образования может эффективно реализовываться тогда, когда в школе происходит целенаправленное формирование образовательной информационной среды, а в дальнейшем и ее развитие.

Среди всего многообразия сред, которые функционируют в образовательном учреждении, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает образовательная информационная среда. Под *образовательной информационной средой школы* (ОИСШ) мы понимаем систему психолого-педагогических условий и программно-аппаратных средств, способствующих информационному взаимодействию между субъектами образовательного процесса, в результате которого происходит развитие их личности и повышение качества учебных достижений учащихся [5]. Заметим, что в процессе информационного взаимодействия происходит развитие личности не только учащихся, но и преподавателей, родителей, специалистов школы (психолога, врача, социального педагога).

Под *формированием образовательной информационной среды школы* мы понимаем оптимизацию взаимодействия всех компонентов среды, направленную на усиление непосредственного и опосредованного образова-

тельного влияния на объект образования. В качестве объекта образования могут выступать разные категории. Среди них, во-первых, учащиеся, на которых направлена образовательная деятельность школы; во-вторых, сама школа, а также всё то, что является местом образовательной деятельности [5].

Образовательная информационная среда школы занимает ведущее место в управлении качеством образования. Важным элементом процесса формирования образовательной информационной среды школы является информационное взаимодействие, в основе которого лежит информация. Современным средством, обеспечивающим систему управления качеством образования информацией, является мониторинг. Появление понятия мониторинг — это отражение потребности сферы управления образовательными системами в повышении качества ее информационного обслуживания [3].

Обратимся к анализу феномена «мониторинг» и покажем его место, роль, значение для формирования ОИСШ. Феномен понятия «мониторинг» возник в конце двадцатого столетия с появлением информационных технологий. Прообразом «мониторинга образования» являлась «педагогическая диагностика». Сегодня в литературе можно встретить множество различных определений понятия мониторинга в образовании. В дефиниции «мониторинг» у разных авторов наиболее часто встречаемыми признаками являются: система, состояние объекта или процесса, наблюдение, измерение, систематичность, стандартизация, прогнозирование, сбор и хранение, обработка и интерпретация результатов.

В основе всякого наблюдения лежит целеполагание, мониторинг не может обойтись без него. Наиболее полное, на наш взгляд, определение мониторинга дается А. Н. Майоровым [3, с. 153], хотя он в нем и не упоминает о стандартизации и измерении, но в своих работах постоянно акцентирует внимание на их несомненной необходимости.

В результате анализа большого количества характеристик дадим следующее определение мониторинга: **мониторинг образовательной среды** — это целенаправленная система стандартизированного регулярного наблюдения, сбора, обработки, хранения и распространения информации об образовательной среде или отдельных ее элементах на основе теоретически обоснованных измерений, ориентированная на информационное обеспечение управления качеством учебных достижений учащихся, позволяющая судить о состоянии объекта в любой момент времени, корректировать и прогнозировать его развитие.

В своем исследовании мы рассматриваем медико-социально-психолого-педагогический мониторинг, который называем образовательным мониторингом. Кроме педагогического мониторинга в сфере образования могут использоваться статистический, нормативный, социологический, медицинский и другие виды мониторинга.

Применение мониторинга в системе образования позволит решить целый ряд проблем ее информационного обеспечения, а именно: обеспечить объективность, надежность получаемых данных, что, в свою очередь, позволит своевременно и адекватно реагировать на те или иные изменения обследуемого объекта.

Мониторинговое исследование используется в организациях с различными стилями руководства: от административно-директивного до коллегиально-корпоративного. Во всех случаях материалы диагностики помогают

делать управление «зрячим» и используются для принятия управленческого решения. Однако в первом случае информация о состоянии системы носит чаще всего конфиденциальный характер и доводится до сведения субъектов деятельности дозированно. Ориентация на демократические ценности предполагает использование мониторинга для рефлексии субъектов деятельности, органов социального самоуправления, для поиска внутренних ресурсов в разрешении выявленных проблем и отклонений от нормы.

Поскольку главным субъектом образовательной деятельности является обучаемый, то он должен быть и главным пользователем информации образовательного мониторинга. Еще в работах Б. Г. Ананьева в начале прошлого века говорилось о том, что педагогическая оценка является фактором непосредственного руководства учеником и что «знания школьниками их собственных возможностей и результатов учения есть обязательное условие их дальнейшего психического развития» [1, с. 130].

Теоретический анализ различных управленческих моделей позволяет сделать вывод об эффективности рефлексивного управления образовательным процессом, переводящим его персонал из режима реагирования в условия самоуправляемого развития.

Постоянный мониторинг за качеством учебного процесса, результатов обучения школьников становится особенно актуальным в условиях модернизации школы, обновления содержания образования, нормализации учебной нагрузки учащихся.

В последнее время в большинстве развитых стран мира уделяется особое внимание проблемам оценки качества образования, создаются национальные службы для контроля за результатами образования, мониторинга его качества. Признанными научными школами по теории и практике контроля в области образования считаются:

- Служба педагогического тестирования США (Education Testing Service, ETS)
- Нидерландский Институт педагогических измерений (Netherlands National Institute for Educational Measurement)
- Австралийский Совет педагогических исследований (The Australian Council for Educational Research, ACER)
- Национальный институт исследований в области образования (National Institute for Educational Research, NIER) в Японии.

В нашей стране вопросам массовых обследований результатов обучения в 80-е годы посвящены работы ученых Академии педагогических наук под руководством А. А. Кузнецова, Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина под руководством В. Н. Огарелкова и др.

Современными исследованиями в области оценки качества образования на государственном уровне в России занимаются:

- Государственный центр тестирования при Министерстве образования и науки РФ,
- Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов,
- Академия проблем качества,
- Федеральный институт педагогических измерений и др.

В этом направлении работают многие педагоги-исследователи: в области тестологии, педагогических измерений — М. Б. Чельшкова, Ю. М. Нейман, А. Г. Шмелев, Н. А. Кулемин; управления качеством образования, ква-

лиметрии — А. И. Субетто, Н. А. Селезнева и др. Идея образовательного мониторинга в настоящее время активно разрабатывается А. Н. Майоровым, С. Е. Шишовым, В. А. Кальней и др.

Контроль в системе образования существовал всегда: контрольные работы, экзамены, инспекторские проверки. Но эти традиционные формы контроля недостаточно эффективны, они имеют ряд недостатков. Приведем некоторые из них:

- контроль состояния обучения носит нерегулярный, эпизодический характер, не вскрывается динамика изменений;
- основная направленность на итоги обучения, при этом сам процесс обучения остается в стороне;
- результаты мало информативны, т. к. используются при анализе достаточно субъективные балльные отметки;
- трудно определить, какие именно элементы содержания не усвоены учащимися;
- значительная часть традиционных методик пренебрегает статистическими закономерностями выборочного обследования на репрезентативной выборке, оперирует данными без учета доверительных интервалов.

Все изложенное выше подчеркивает, что традиционный контроль не выполняет диагностическую функцию: вскрыть причины тех или иных ошибок учащихся, выявить недочеты в работе учителей, выявить факторы влияния на учебные достижения школьников. Мониторинг качества образования отличается от контроля систематичностью и протяженностью во времени. Главное отличие состоит в том, что задача мониторинга заключается в установлении причин и величины несоответствия результата целям.

Мониторинг как исследовательский комплекс сам является определенной системой элементов. Под системой мониторинга понимают совокупность элементов, взаимодействие которых обеспечивает осуществление мониторинговых процедур. Элементами мониторинговой системы являются:

- 1) субъекты мониторинговых исследований: учащиеся, образовательные учреждения, органы управления образованием, родители, учителя и т. п.;
- 2) критерии и показатели, способные обеспечить целостное представление о состоянии образовательной среды;
- 3) средства мониторинговой деятельности:
  - контрольно-измерительные материалы, анкеты;
  - различные технические средства;
  - совокупность мониторинговых процедур (сбор, обработка, хранение, интерпретация, распространение информации);
  - организация и обеспечение мониторинговых процедур.

Основная цель мониторинга заключается в создании информационных условий для целостного представления о состоянии образовательной среды, о качественных и количественных изменениях в ней. Основные задачи, решаемые в ходе мониторинга развития образовательной среды, следующие:

- 1) определение критериев и показателей, обеспечивающих целостное представление о состоянии образовательной среды, о качественных и количественных ее изменениях;
- 2) обеспечение регулярного и наглядного представления информации о процессах, происходящих в образовательной среде;

3) систематизация информации о состоянии и развитии образовательной среды;

4) информационное обеспечение анализа и прогнозирования состояния и развития образовательной среды.

Основные функции мониторинга:

- интегративная — мониторинг развития образовательной среды обеспечивает комплексную характеристику процессов, происходящих в этой системе;
- диагностическая — сканирование состояния образовательной среды и происходящих в ней изменений, что позволяет дать оценку данным явлениям;
- компаративистская (сравнительная) — создание условий для сравнения состояния образовательной среды в целом или различных ее элементов во времени и в пространстве;
- экспертная — осуществление экспертизы состояния, концепции, форм, методов развития образовательной среды, ее компонентов и подсистем;
- информационная — является способом регулярного получения сопоставимой информации, необходимой для анализа и прогноза состояния и развития образовательной среды;
- коррекционно-прагматическая — использование мониторинговой информации при принятии обоснованных и адекватных требованиям ситуации управленческих решений: в вопросах совершенствования учебного процесса, финансирования, кадровой политики, повышения квалификации педагогов и т. п.

Системы мониторинга учебных достижений учащихся могут быть определены как выбор инструментов оценки, позволяющий осуществлять долговременную оценку учебных достижений, как отдельных учащихся, так и групп учащихся. Обоснование, разработка и использование системы мониторинга учебных достижений учащихся является дорогостоящим мероприятием и требует значительных временных затрат, но результаты ее использования дают очень полезную информацию об эффективности образования.

Сопротивление мониторингу и неприятие его результатов обеспечивается не только субъективными факторами, но и объективными — невозможностью реализации на современном этапе развития образования управленческих решений, принятых на основе объективных данных. Изменение источников получения информации, произошедшее за последние годы, тем не менее, не решило проблемы информационного обслуживания управления. Решения принимаются на основе неполной, несвоевременной, некачественной информации и почти всегда в условиях ее дефицита, на фоне увеличения ее количества. Можно выделить несколько основных направлений совершенствования информационного обслуживания — систематизация информации, повышение ее оперативности, объективности и доступности, которые могут быть решены с использованием мониторинга.

Сегодня построены и реализованы полноценные системы мониторинга в образовании в разных странах. В 1993 году в Великобритании был создан Национальный консультативный совет по целям образования и подготовки (National Advisory Council for Education and Training Targets, NACETT), который осуществляет мониторинг целей образования, разрабатывает рекомендации правительству о мерах по их реализации. Управление квалификации и программ этой страны каждый год публикует национальные результаты достижений учащихся («benchmark analysis»). В 1999 году в Италии создан Национальный институт оценки деятельности образовательной системы, в

Серия

• «Естественные, общественные науки»

настоящее время разрабатывается и одновременно вводится программа мониторинга образовательных достижений учащихся (SERIS). Инструментарий мониторинга разрабатывается на основе инструментария международных исследований TIMSS (Trends in International Mathematics and Science Study), PISA (Programmed for International Student Assessment). В 2002 году правительством Италии принят Закон о мониторинге образовательных достижений учащихся 2—12-х классов через каждые два года. Министр образования Германии в ноябре 2002 года высказался за необходимость проведения интенсивной реформы в образовании в течение десяти лет, одним из направлений которой является расширение педагогических исследований, особенно качественного характера для интерпретации результатов в дополнение к количественным исследованиям.

В России на федеральном уровне создана система мониторинга учебных достижений выпускников основной средней школы (ЕГЭ). В рамках реализации региональных комплексных проектов модернизации образования функционировал всероссийский электронный мониторинг. В настоящее время в России запускается мониторинг внедрения Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования. Как следствие на муниципальном и школьном уровнях также проводятся мониторинговые исследования. Развитие образования в России провоцирует появление групп пользователей объективной информацией, что способствует увеличению востребованности результатов мониторинга.

Единство подходов в различных странах дает основание утверждать, что мониторинг в образовании является объективной потребностью развития любой системы образования. На основе такой интерпретации наработан определенный опыт мониторингового сопровождения социального заказа на повышение качества образования. Свой психолого-педагогический мониторинг Д. Ш. Матрос, Д. М. Полев и Н. Н. Мельникова построили на оценке одной стороны качества образования — результатов процесса обучения, конкретизированных показателями степени усвоения учащимися содержания образования и уровня их психического развития: интеллектуального, мотивационного, рефлексивного и коммуникативного [4].

Однако системные (по терминологии Д. Ш. Матроса) мониторинги качества образования, к тому же выполненные на институциональном уровне, пока остаются достаточно редким явлением в педагогической науке и практике. Чаще предметом мониторингового сопровождения оказывается отдельный компонент: качество обучения, учебная деятельность или какой-то иной элемент качества образования.

Анализ содержания ряда опубликованных программ мониторинга качества образования позволяет сделать следующие выводы:

1. Почти все разработанные мониторинговые программы не охватывают полностью важнейших сторон образования, имеющих решающее влияние на его качество. Поэтому собираемая информация оказывается усеченной, фрагментарной, однонаправленной и не может гарантировать адекватность оценки качества образования.

2. В подавляющем большинстве программ сделан неоправданный акцент на формальные критерии оценки в соответствии с традиционной схемой статистической отчетности общеобразовательной школы, что до сих пор официально признается главным показателем эффективности работы образовательных учреждений.

3. Масштабность и многоаспектность содержания образования требуют комплексного подхода к его оценке и, следовательно, комплекса критериев с широким спектром показателей каждого из них, чтобы обеспечить и целостность, и разносторонность оцениваемого социально-педагогического явления. Вопреки этому требованию, мы видим в программах довольно произвольный набор критериев, часто нерядоположенных, с непропорциональным удельным весом конкретизирующих их показателей.

4. Явно недостаточное внимание в мониторинговых программах уделяется изучению степени удовлетворения запросов самих школьников в основном и дополнительном образовании, их удовлетворенности условиями учебно-воспитательного процесса и взаимоотношениями с учителями и сверстниками. Забытым оказался и заказ родителей на качественное школьное образование их детей.

Вместе с этим следует отметить и появление мониторинговых программ, свидетельствующих о тенденции к всесторонней и разноуровневой оценке качества образования. Именно в изменении существующего принципа состоит основное отличие антропоцентрической модели мониторинга, поскольку в ней оценка эффективности работы школы рассматривается как интегральное понятие, слагаемое из оценки учебных достижений каждого ученика и, по структурной иерархии, соответственно — класса, классов возрастной ступени, образовательного учреждения в целом. Таким образом, принцип выявления эффективности обучения как производной качества и основного следствия оптимизации обучения выражается схемой:

цель — субъект (ученик) — объект (образовательная система).

Комплексная многофакторная система мониторинга направлена на выявление эффективности деятельности всех субъектов образовательного процесса (ученики, учителя, родители), что, в свою очередь, находит отражение в функциях и технологиях мониторинга.

Существующие системы мониторинга можно классифицировать по ряду оснований. К ним можно отнести: сферу применения; средства, используемые для сбора исходной информации; потенциальных пользователей; средства измерений; способы распространения информации; время реализации; широту охвата и др.

Объектами образовательного мониторинга могут быть образовательное учреждение, образовательный процесс, образовательная среда и др. В литературе [2, 3] выделяют следующие особенности объектов мониторинга: динамичность, наличие или возможность опасности, возникающей в процессе функционирования объекта мониторинга.

Задачей мониторинга является предупреждение о том или ином неблагополучии, опасности, в широком понимании этого слова, для эффективного функционирования объекта; причем не только констатация факта появления изменений, представляющих опасность, а именно предупреждение о ней до того, как ситуация может стать необратимой. Тем самым создается возможность предотвратить или минимизировать возможное деструктивное развитие событий.

В качестве основных методов мониторинга в образовании можно считать социологические, медицинские, психологические и педагогические методы.

Сравнение реальных результатов с эталоном и нормами является одним из компонентов и этапов мониторинга. Мониторинг выступает важнейшим инструментом проверки и оценки внедряемого содержания образования, эффективности используемых методик, основой для принятия управленческих решений. Без осуществления постоянной обратной связи процесс управления малоэффективен, уровень принимаемых решений недостаточно высок. Мониторинг должен служить охране качества обучения. Он способствует совершенствованию всех частей учебного процесса, его главная задача — установление причин и величины несоответствия результата целям.

Норма (нормирование) — одно из самых необходимых условий и оснований мониторинга, поскольку именно с ней сравниваются фактические результаты. Сравнение реальных результатов с эталонами и нормами в образовательной деятельности является лишь одним из компонентов и этапов мониторинга, за которым следует содержательная оценка и коррекция.

В обучении операцию соотнесения фактических результатов и заданных целей, стандартов, норм, эталонов называют проверкой.

Интерпретацию и отношение к фактическому результату составляет процесс оценивания, или оценка. Зафиксированный в баллах результат оценки называют отметкой [6, с. 39].

Организация мониторинга связана с определением и выбором его оптимального вида, с учетом особенностей конкретной учебно-педагогической ситуации. Мониторинг, являясь основанием для принятия решений о сохранении или пересмотре какого-либо способа действий или поведения, сам становится областью принятия решений.

В настоящее время мониторинг в образовании нуждается не только в теоретическом обосновании, но и в разработке конкретных педагогических технологий его реализации.

В реальном образовательном процессе мониторинг тесным образом связан со всеми функциями и стадиями управления, поэтому его существенные характеристики могут быть рассмотрены только в соотнесении с другими звеньями процесса управления образованием в школе. Органическая связь мониторинга с другими функциями управления проявляется в том, что каждая функция выступает как основная точка мониторинга, т. е. мониторинг затрагивает цели, информацию, прогнозы, решения, организацию и исполнение педагогической деятельности, коммуникацию и коррекцию.

Для обеспечения эффективности мониторинга в школе С. Е. Шишов, В. А. Кальней [6, с. 42—43] выделяют ряд требований, которым должна удовлетворять обратная информация: полнота, релевантность, адекватность, объективность, точность, своевременность, доступность, непрерывность, структурированность и специфичность для каждого уровня мониторинга. Все перечисленные требования рассматриваются в литературе как основные свойства мониторинга.

Подходы к информационному обеспечению управления вообще и управления качеством в частности ранее опирались на сложившуюся систему субъект-объектных педагогических отношений в обучении и воспитании. В связи с этим применяемые критерии и показатели носили усредненный, уравнительный характер. Используемый измерительный инструментарий не давал информации о достижениях личности в процессе ее обучения и развития.

В настоящее время отмечается важнейшая тенденция: современная школа должна стать «антропоцентричной» (т. е. центром всех учебно-воспи-

тательных воздействий должен быть конкретный ученик, а все способы и формы организации школьной жизни подчиняются цели его всестороннего личностного развития), что требует разработки новых подходов к информационному обеспечению управления и развития новых информационных технологий (НИТ) [4, с.10]. Внедрение НИТ обуславливает получение необходимой управленческой информации, которая имеет не усредненный, а индивидуально-личностный характер, позволяет увидеть продвижение каждого ребенка в процессе обучения. С внедрением НИТ связано более широкое понимание управления обучением, осознаваемое не только как управление школой, но и управление процессом обучения каждого учащегося. При этом субъектами управления выступают уже не только руководители школ, но и учитель, и сам ученик.

Речь идет о кибернетическом подходе к управлению обучением, когда под управлением понимается такое воздействие на объект (процесс), которое выбрано из множества возможных воздействий с учетом поставленной цели, состояния объекта (процесса), при этом характеристики воздействия ведут к улучшению функционирования или развития данного объекта, т. е. к достижению цели. Такое управление позволяет выделить следующие структурные компоненты [4, с. 12]:

- 1) указание цели управления;
- 2) установление исходного состояния управляемого процесса;
- 3) определение программы воздействий, предусматривающей основные переходные состояния процесса;
- 4) обеспечение получения информации по определенной системе параметров о состоянии управляемого процесса (обеспечение систематической обратной связи);
- 5) обеспечение переработки информации, полученной по каналу обратной связи, выработки корректирующих (регулирующих) воздействий и их реализации.

Применение данной структурной схемы предполагает разработку двух видов программ управления качеством образования: основной и корректирующей (регулирующей). Основная программа составляется на уровне проектирования процесса обучения, с учетом всех его особенностей. Программа регулирования вырабатывается только в ходе процесса обучения на основе анализа данных, получаемых по каналу обратной связи.

Само понятие «информация» неразрывно связано с динамическими процессами взаимодействия ее источника и приемника; это может быть реализовано лишь при наличии между ними связи, которую чаще называют каналом связи. Согласно вышесказанному источником информации в таком случае будет ученик, а приемников будет несколько.

Для нашего исследования важно, что состав образовательного мониторинга является педагогической интерпретацией информации о состоянии образовательной среды школы. Исходя из этого, в работе [4, с. 19] общие положения переведены в педагогические категории:

1. Источники информации. Поскольку объектом наблюдения в нашем исследовании является ребенок, то он и есть основной источник информации. На каждом уровне полученная от ребенка информация соответствующим образом обобщается, и тогда в роли источника выступает класс, школа, муниципальное образование, регион.

2. Обработка информации. Проводится на каждом уровне с учетом его специфики для получения соответствующего обобщения и анализа.

3. Хранение информации. На каждом уровне сохраняется необходимая информация для сравнительного анализа и прогнозирования.

4. Распространение информации. Приемниками информации являются практически все уровни управления процессом обучения: от учителя до Президента РФ, при этом для каждого из них выделен свой уровень обобщения и анализа исходных данных об ученике.

Таким образом, образовательный мониторинг является не только необходимым условием, но и средством формирования ОИСШ, а организация образовательного мониторинга в школе — управленческим решением для повышения качества учебных достижений учащихся. Анализ литературы показал, что вопрос практического содержания и осуществления мониторинга в школе рассматривается недостаточно. В практике деятельности образовательных учреждений существует потребность в мониторинговых исследованиях, которые могут решить многие проблемы учебно-воспитательного характера. Кто должен осуществлять мониторинговые исследования? Одним из решений этой проблемы, на наш взгляд, может стать создание в школе специального структурного подразделения — службы мониторинга качества образования, в состав которой могут войти такие специалисты школы, как администратор, психолог, педагоги, социальный педагог, медицинские работники и др.

Библиографический список

1. *Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды : в 2 т. М. : Педагогика, 1980. Т. 1. 230 с.
2. *Денякина Л. М.* Технологии управления образовательным учреждением. Мн. : Бизнесофсет, 2004. 204 с.
3. *Майоров А. Н.* Мониторинг в образовании. М. : Интеллект-Центр, 2005. 424 с.
4. *Матрос Д. Ш., Полев Д. М., Мельникова Н. Н.* Управление качеством образования на основе новых информационных технологий и образовательного мониторинга. М. : Пед. о-во России, 2001. 128 с.
5. *Мельникова Е. В.* Формирование образовательной информационной среды школы как средства повышения качества учебных достижений учащихся : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2006. 25 с.
6. *Шишов С. Е., Кальней В. А.* Мониторинг качества образования в школе. М. : Пед. о-во России, 1999. 320 с.

ББК 76.01:74.00

С. Л. Страшнов

**ИЗ СЛОВАРЯ «АКТУАЛЬНЫЕ МЕДИАПОНЯТИЯ»:
ПРОФИЛЬНОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ, МАССОВОЕ
МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ, ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ, МЕДИАКРИТИКА**

Со времени последней публикации из словаря «Актуальные медиапонятия» в «Вестнике ИвГУ» (2010. Серия «Естественные, общественные науки». Вып. 1) перечень обнародованных статей пополнился характеристиками понятий «гласность», «редакционные акции», «форматы», «свободный жанр» [8, с. 38—46]. Кроме того, некоторые работы были перепечатаны популярным и доступным журналом «Журналист» (2010. № 9—11). Материалы, предлагаемые ниже, на сей раз не разрознены — тематически взаимосвязаны: они посвящены проблемам медиаобразования и разделам науки о журналистике. Для удобства циклического восприятия статьи чередуются не в алфавитном, а в логическом порядке. Понятия, в них раскрываемые, для кого-то окажутся новыми, а для кого-то и далеко не бесспорными.

ПРОФИЛЬНОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ

Преобладающее отношение к этому феномену — настороженное: множество профессионалов специального образования не имеют и кичятся этим, нигилистически называя профильные вузовские подразделения — по Ю. Домбровскому — «факультетами ненужных вещей». Журналистика, мол, — деятельность абсолютно открытая — для тех, кто наделен особыми наклонностями и способностями, а если чему-то в ней и возможно научиться, то исключительно на практике. Дополнительный аргумент кое-кто находит в истории вопроса: разрыв между первыми газетами и первыми систематическими курсами оказался почти трехсотлетним — значит, мол, вполне спокойно и сносно получалось обходиться без оных.

Однако последний факт доказывает, на наш взгляд, ровно обратное: академическая подготовка зарождается на рубеже XIX—XX веков именно потому, что тогда же происходит бурное развитие СМИ. И не в том дело, что попросту резко увеличилась потребность в кадрах. Важнее, что сама журналистика начала стремительно обновляться, превращаться в профессию, и обучать ей по старинке — как наследному ремеслу (скорняка, к примеру), не менявшемуся десятилетиями, — стало бессмысленным: пришлось искать иные образовательные концепции и реализовывать совсем другие принципы.

Причем со временем популярный у близоруких работодателей лозунг «Равняться на практику!» звучит только сомнительней и архаичней. Как

придерживаться его в современной обстановке, если технические условия медиатеатральности и набор необходимых навыков меняются, как минимум, ежегодно? Скажем, наши недавние выпускники в ходе учебы ниоткуда бы не могли узнать про социальные сети и Twitter — их тогда просто не придумали, — но сейчас именно ими многим приходится заниматься чуть ли не в первую очередь.

Конечно, для преподавателей это не повод, чтобы лелеять в своих делах и душах консерватизм, — напротив, обязательно надо стремиться не выпадать из руслу новейших медиатенденций, но общую цель журналистского образования разумнее формулировать фундаментально и на вырост, отталкиваясь от сущности и назначения журналистики в мире, поскольку это социально ответственная, гуманистически ориентированная информационно-коммуникативная деятельность. Вот почему при подготовке к ней на авансцену выходят науки человеко- и обществоведческие: филология, история, социология, психология. Основы журналистской профессии залегают в глубинах русской и зарубежной культуры. Если же выразиться более конкретно, то специальные факультеты и кафедры решают задачи по формированию вариативно богатой письменной и устной речи, навыков работы с разнообразными источниками информации. Этому способствуют и лекции, но многое развивается и закрепляется затем на семинарских занятиях, где выполняется большое количество оригинальных творческих заданий, а также в студийном режиме и в процессе прохождения регулярных практик. Секретам ремесла все равно гораздо лучше обучат в цеху, а университетская модель рассчитана на перспективу: у молодых людей вырабатывается прежде всего готовность и способность к самообучению, адаптация к меняющимся обстоятельствам.

Да, по самой природе своей журналистика — работа прагматичная и конъюнктурная. Вопреки дилетантским разговорам об ожидании вдохновения и прозрений, профессионал заранее проектирует свои действия. Но какими бы заготовками ни снабжали начинающих наставники, штамповку непременно придется потом доводить до ума, приспособлять для данного СМИ и осваивать под себя. Миссия университета — создавать фундамент. Именно потому, что времена меняются, а для чуткого журналиста — меняются в особенности. В сиюминутном мельтешении впечатлений бесценными оказываются устойчивость, основательность.

Таковы — по преимуществу — отечественные приоритеты профильного журналистского образования. И это достаточно явно просматривалось в последнем из действовавших (2000—2010 годы) государственных образовательных стандартов, рассчитанном на пятилетнюю подготовку специалистов. Общая модель сохранилась, в основном, и в новом директивном документе, нацеливающим на подготовку бакалавров по направлению «Журналистика» в течение четырех лет. Да, здесь раза в полтора сократилось количество часов, которые отводятся на собственно филологические дисциплины («История литературы», «Современный русский язык» и т. д.), а также и количество недель, выделяемых — вопреки декларациям о практикоориентированности бакалавриатов — на проведение производственных практик (почти вдвое — 10 против 19!). И все же прежняя концепция сохранилась, а кое-какие разумные установки даже усилены.

Имеется в виду, в первую очередь, модульный принцип подготовки. Журналистская профессия по необходимости открытая, одна из наименее автономных — вот почему весьма значимо для будущих журналистов нефор-

мальное освоение общепрофессиональных дисциплин: и о политике, и об экономике, и о праве им почти непременно придется вскоре писать и говорить, а это нужно делать компетентно. Соответственно в дополнение к «гуманитарному, социальному и экономическому» и «профессиональному» циклам дисциплин в Стандарте направления «Журналистика» (что беспрецедентно на фоне аналогичных университетских ФГОС) предусмотрен и промежуточный, «социально-профессиональный» цикл. Он включает в себя пять модулей, то есть профильных объединений учебных предметов: социологический («Социология» и «Социология журналистики»), политологический («Политология», которую кое-где подкрепляют курсом «Политология журналистики»), правовой («Правоведение», «Правовые основы журналистики», «Профессиональная этика журналиста»), экономический («Экономика», «Экономика и менеджмент в СМИ»), психологический («Психология», «Психология журналистики»).

Эффективность подобных сочетаний бесспорна. Важно только, чтобы модульность (то есть взаимная связь) не ограничивалась прямыми стыковками: допустим, политология не имеет в Стандарте непосредственного аналога, но не зря же В. Третьяков называет журналистику оперативной, прикладной, популярной политологией [9, с. 66] — соответствующая проблематика пронизывает все историко-журналистские и теоретико-журналистские курсы, и она же является ведущей при обсуждении современного состояния СМИ, наших и зарубежных.

Получается, что общие предметы намеренно акцентируются и заземляются, чем подчеркивается их несравненная насыщенность для обучающихся журналистике. К тому же во многих университетах это подкрепляется работой студентов в так называемых тематических специализациях: к государственной аттестации накапливается папка публикаций, посвященных ЖКХ или спорту, правам потребителя или театру. Конечно, поверхностность не без оснований относят к неисправимым грехам сотрудников редакций. Однако журналист, по определению, не может и не должен состязаться с узкими специалистами: он — посредник между ними и массовой аудиторией. Поэтому ему даже противопоказана чрезмерная углубленность. Зато «только он, — по мнению опытного Н. Вайнонена, — в конечном счете, наделен возможностью сделать на основании открывшейся полной картины интегральный вывод <...> у него очень большой и широкий предмет исследования — жизнь общества» (Журналист. 2000. № 5. С. 37). Так, если не снимаются, то все-таки ослабляются отовсюду звучащие упреки в дилетантизме: удел и долг журналиста в том, чтобы демократизировать знания. Его профессия, действительно, открытая, только не для всех — всему, а значит, и подготовка обязана быть междисциплинарной, хотя в одной-двух темах выпускнику неплохо бы чувствовать себя знатоком. Это исходная данность.

Тем не менее, в образовательном Стандарте существует, разумеется, и нечто такое, на чем он сосредоточен, — а именно «Профессиональный цикл». Гуманистическая направленность деятельности, посреднический статус журналиста и его социальное представительство объясняют высокий удельный вес в учебных планах курсов литературоведческих, исторических, лингвистических, а также предметов собственно журналистского профиля, в том числе теоретических. Опыт организации общения, искусство владения словом значимы для переводчика разнообразных сведений на общепонятный язык не в меньшей степени, чем широкий кругозор и компьютерная грамотность. В

Серия

• «Естественные, общественные науки»

совокупности все это и определяет круг компетенций, необходимых для осуществления профессиональных действий по сбору, обработке и культурно-просветительскому распространению информации.

В. Ф. Олешко справедливо считает, что «всем, кто озабочен судьбой отечественной журналистики, кто системно занимается или планирует заниматься подготовкой и переподготовкой кадров, никак нельзя разрывать ментальные и технологические ее составляющие. Проще говоря, бесполезно учить человека делать что-то руками, если у него в голове сумбур, сумятица» [7, с. 13—14]. Но справедливо и обратное, поэтому составителями Стандарта заранее задумано (так же, как и в отношении гуманитарных, социальных и экономических дисциплин), чтобы непосредственно профильное обучение не стало отвлеченным и формальным. Законное место в учебных планах получают и прикладные дисциплины, и работа в профессиональных творческих студиях, а у кого-то — за счет вариативной части — перечень подкрепляется выпуском учебных газет, медиакритикой и некоторыми другими курсами. При этом если уж действительно существуют в журналистике какие-то нестареющие правила (касающиеся, например, построения информационного текста или ораторского выступления), то они непременно заучиваются наизусть. Так что элементы ремесла в подготовке к профессии тоже присутствуют.

С другой стороны, Стандарт предоставляет и определенную свободу для творчества — в частности, в таких весьма объемных своих разделах, как уже упомянутая «Вариативная часть» и «Дисциплины по выбору студента». К примеру, экономический модуль может быть усилен курсом «Редакционный маркетинг», языковой — «Риторикой», профессионально-творческий — «Дисциплинами профессионализации». Кроме того, преподаватели самостоятельно интенсифицируют учебный процесс за счет инновационной активности в области образовательных технологий, внедрения современных методик.

Это только самым упертым противникам журналистского образования как такового кажется, что оно совершенно не нацеливает студентов на будущую работу. В реальности же, на фоне всех других университетских специальностей, по-прежнему выделяющимися являются здесь и массив практик (более 10 % от всего учебного времени), и проведение вступительных испытаний в виде творческого конкурса (что уже «на входе» стимулирует раннюю профессионализацию или, по крайней мере, наиболее осознанный выбор), и возможность проходить выпускную аттестацию в форме защиты не только исследовательских, но и творческих проектов. Вовремя обнаруженные способности, таким образом, всемерно и системно развиваются.

И все же — в сравнении с прежними стандартами (специалитета) — заметны досадные потери. Исчез фигурировавший прежде в качестве обязательного цикл «специальных дисциплин», сориентированный именно на выработку навыков, сократились объемы производственных практик как таковых, да и сами авторы-составители прямо заявляют, что в рамках четырехлетнего цикла обучения «задачи подготовки высококвалифицированного журналиста и соответствующую программу обучения выполнить в полном объеме невозможно» [3, с. 133].

Утрачиваемую фундаментальность подготовки призвана вроде бы восполнить двухгодичная магистратура. Однако такой проект, видимо, будет разрешено реализовывать единицам и к тому же он порождает свои сомнения, поскольку журналистика не является сама по себе профессией научно-исследовательской, а все практические преимущества магистратуры даже ее

адептами обозначаются не сущностно, а сравнительно: «Магистратура дает основания ожидать существенно более высоких результатов, как в знаниях и практике журналистики, так и в сфере второй специализации. На базе владения исследовательскими методами, выпускники должны писать глубже и лучшим стилем» [3, с. 40]. Согласятся с нами или нет, но кажется, что в каждой строчке этой декларации сквозит неуверенность, и она же ощутима во всех аналогичных документах.

Положение складывается весьма драматичное, побуждающее, как минимум, к поиску. Появляется, в частности, дополнительная причина обращаться к зарубежному опыту. Оставим в стороне до сих пор сохранившуюся (в Швейцарии, Скандинавских странах) привычку готовить журналистов по преимуществу на рабочем месте. И все равно, по сравнению с нашим, классическим, иностранное профильное образование выглядит как более реальное. Его отличают жестко реализуемая практикоориентированность, повышенная вариативность (в Германии, например, институты публицистики являются структурными подразделениями факультетов либо культурологии, либо философии, либо социальных наук) и, главное, мобильность. Меняющиеся запросы населения находят мгновенный отклик, и тогда вводятся новые специализации (по медицинской или, допустим, сельскохозяйственной журналистике). Разумным и привлекательным представляется получение журналистского образования как второго высшего. С другой стороны, не может не удивлять полное отсутствие в некоторых английских колледжах занятий по родному языку. Так что можно сделать вывод о необходимости совершенствовать собственную, отечественную концепцию, но с учетом достойных предложений наших партнеров.

При всей традиционной открытости журналистской профессии в общемировых mass-media укрепляется тенденция доверять прежде всего владельцам специальных дипломов. И она не иссякнет, пока базовое обучение само останется восприимчивым для новых реалий и вызовов. Преподаватели университетов должны быть готовыми развивать природные задатки своих воспитанников, чтобы они — за счет полученной общей культуры и обретаемого мастерства — смогли выдержать любую конкуренцию на избранном поприще. Однако и этого мало. Сформированную у них способность к быстрому самообучению и к самомотивации следует поддерживать и развивать регулярным повышением квалификации и переподготовкой в сети соответствующих постоянно действующих курсов и институтов. Иначе полученные в университетах знания и навыки развеются в прах.

МАССОВОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ

В том, что это понятие повсеместно пока не распространилось, виноваты мы сами. В условиях глобального информационного общества для введения всеобщего медиаобразования созрела Европа, а в Канаде и Австралии оно уже осуществляется с конца 1980-х — начала 1990-х годов, и только в учебных планах нашего министерства образования и науки даже основы медиаобучения пока не предусмотрены. Исключение составляют уроки информатики, на которых закладываются азы компьютерной грамотности.

Однако этого, конечно, мало для современных людей, которые, получая из СМК огромную часть информации, буквально завоеваны телевидением,

Серия

• «Естественные, общественные науки»

Интернетом, массовой прессой; незаметно для себя подчиняются их языку и ценностям; совершают поступки, исподволь мотивированные опять-таки ими. А значит, развивая собственные коммуникативные возможности, следует научиться не только умело обращаться с mass-media, но и разумно противостоять их хаотичности и деструктивности. Без этого немислимы сегодня ни социализация человека, ни становление его в качестве личности.

При этом подготовка технологическая составляет чрезвычайно важное и особое звено в массовом медиаобразовании. Она предполагает овладение не только компьютером и Интернетом, но также приемами работы с мобильными телефонами, фото-аудио-видеотехникой, прежде всего цифровой. Осуществлявшееся раньше использование на уроках, в том числе естественного цикла (химии, биологии, физики), в качестве или в виде наглядных пособий — технических средств обучения: диафильмов, фотографий, учебного радио, телевидения и кино — имеет к новым реалиям отношение весьма косвенное, хотя бы потому, что оно являлось прерогативой учителя. Теперь же активным пользователем должен становиться каждый, и прививать соответствующие навыки надлежит не только для дальнейшей учебы или просто для жизни (чтобы сохранить на память, например, семейное торжество или свои туристические впечатления), но и для участия в информационном процессе: чтобы быть готовым, если так случится, зафиксировать общественно значимые факты и сигнализировать о них редакциям, как это уже все чаще и происходит.

Первый же из содержательных аспектов массового медиаобразования — теоретический, обеспечивающий аудиторию основными понятиями, — предполагает обобщенную характеристику механизмов действия mass-media и обозначение их места в современном мире, что заставляет обращаться к подходам философским, политическим, экономическим, социологическим, психологическим. Важно, помимо того, разобраться и в особенностях различных СМИ.

Вторая и третья задачи, одновременно и культурологические и прагматические, безусловно, являются центральными в массовом медиаобразовании. Основа информационной компетентности — это культура чтения газет и журналов, грамотное восприятие их видеоряда, а также радио- и телепередач, интернет-сайтов. Поэтому столь необходима подготовка к анализу новейших медиатекстов — в их соотношении с текстами традиционных культур. В частности, это будет стимулировать развитие способностей идентифицировать себя и не допускать манипулятивного воздействия орудейных СМИ.

Цель, стало быть, раздваивается. Сначала будут преобладать установки познавательные и усваиваться критерии классической информационной и отчасти аналитической журналистики, а затем акцент сместится в сторону явлений, заметно отклоняющихся от природных журналистских принципов объективности, независимости, беспристрастности и т. п. И тогда тексты в гораздо большей, чем раньше, степени будут оцениваться и осваиваться аксиологически. Возникает необходимость в знакомстве с азами медиакритики — деятельности, которая пока только складывается, но в условиях медиакратии, уже в самом близком будущем способна отодвинуть на периферию более привычную, литературно-художественную, разновидность.

Четвертая часть занятий может представлять собой стадию самостоятельного воплощения медианавыков. Существует давнее латинское выражение «Non shole, sed vita discimus», которое означает, что учить следует не для школы, а для жизни. В связи с этим уже с юных лет людей стоит настойчивей

побуждать к размышлениям об окружающем, к общественной активности, выработке собственной социальной позиции. Делать это можно, например, в виде подготовки сочинений по актуальным проблемам действительности с использованием приемов журналистики. Наверняка, популярными могут стать и разнообразные конкурсы, если они приобретут действительно развивающий характер. Наконец, суммирующим и комплексным потенциалом обладает работа по созданию собственных СМИ. Все это способно, на наш взгляд, содействовать духовному обогащению человека. К тому же современные mass-media предоставляют множество возможностей для интерактива, к грамотному ведению которого тоже неплохо бы готовить людей заблаговременно.

Каким аудиториям и образовательным площадкам при решении задач всеобщей медиаподготовки следует отдавать предпочтение? Разумеется, кое-что может закладываться и в семье, но «большинство исследователей склоняется к тому, чтобы именно школа взяла на себя основную ответственность за обучение правильному использованию СМК» [11, с. 128], потому что лишь она позволяет достичь всеохватности. Но поскольку возможности начальной медиаподготовки большей частью нашего населения непоправимо упущены, наверстывать придется в иных вариантах: вузовском (на непрофильных факультетах) и послевузовском (или вневузовском). Причем именно последний нуждается в повышенном акцентировании: учащиеся дети и студенческая молодежь все-таки имеют шанс получать знания о мире и зачатки общечеловеческой культуры относительно систематически — зато, выйдя из спасительных пенатов и ликеев, люди во всем, за вычетом сфер собственных профессий и хобби, вынуждены питаться из рук и уст СМК.

Все обозначенные группы учтены и в «российском модуле медиаобразования», очерченном в сентябре 2003 года. Но поскольку достойное методическое обеспечение в последующее время получило у нас только школьное медиаобразование, программы массовой подготовки поневоле могут выглядеть пока таким же образом — как обобщенные или универсальные. Более же наглядно проиллюстрируем реалии, потребности и перспективы массового медиаобразования на примере высших учебных заведений — хотя бы потому, что в декларации, принятой на проходившем в июне 2007 года I Всемирном конгрессе по журналистскому образованию, специально подчеркнута: последнее «выполняет важную миссию, развивая медийную грамотность среди широкой публики и **особенно в среде академических учреждений**» (Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2007. № 5. С. 4).

Теоретические сведения о современных СМИ, их функциях необходимо включать (хотя бы в двухчасовом объеме) в программы общеобязательных дисциплин «Культурология» и «Политология», что явочным порядком уже делается некоторыми преподавателями-обществоведами. Касаясь ключевого в массовом медиаобразовании звена — лекционно-семинарского курса «Основы восприятия и анализа информационных текстов», подчеркнем: он, наверняка, должен изучаться всеми студентами без исключения, хотя для начала его допустимо предлагать в качестве факультатива, а лучше — одной из «дисциплин по выбору» гуманитарного и социально-экономического блока, причем логичнее всего будет завершать им общий цикл, включающий уже освоенные «Культурологию», «Социологию», «Культуру речи», «Психологию», «Политологию». Однако, уяснив сущностную, информативную, функцию журналистики, хорошо было бы разобраться также с ценностно-ориен-

Серия

• «Естественные, общественные науки»

тирующими и зомбирующими медиатекстами. Причем вырабатывать навыки распознавания и нейтрализации последних реально не только в рамках обозначенного выше курса, но и на занятиях по психологии.

Важно раскрывать студентам и творческий потенциал реализации первичных контактов с журналистикой. Само собой разумеется, что у слушателей, постигающих основы восприятия и анализа информационных текстов, может появиться желание создавать подобные материалы самостоятельно. И такие порывы, если мы их, конечно, вдохновим, нам же, преподавателям, надо всячески затем поощрять и развивать. А в дополнение замечу, что помимо занятий специальных, и, скорее всего, до их начала, активнее следует обращаться к медиатекстам в рамках изучения профильных предметов, что давно совершают, например, историки, которые интенсивно используют газеты как важнейший историографический источник, и отчасти филологи — прежде всего при изучении современного русского языка. Однако насыщение заданий, скажем, по обязательной дисциплине «Культура речи» материалом не только литературным, но и журналистским (или рекламным) возможно и необходимо на любом факультете любого вуза, что будет лишь способствовать расширению диапазона общения. Впрочем, чьи-то потребности явно не ограничиваются и этим: допустим, студенты-юристы остро нуждаются в представлениях о правовой лингвистической экспертизе, с необходимостью проведения которой они обязательно и достаточно часто будут сталкиваться в своей грядущей практике.

Известно, что журналистика вообще — специальность междисциплинарная, а профессия журналиста по традиции — открытая. В ней всё больше ценятся эксперты, имеющие экономическое, техническое, социологическое и тому подобное базовое образование, и, стало быть, медиаподготовка обучающихся на соответствующих факультетах откроет перед ними варианты дополнительного трудоустройства или даже выбора работы в СМИ как основной сферы деятельности.

Однако останавливаться нельзя и на такой — номинально, видимо, самой высокой образовательной ступени. В современном мире зреют и начинают сбываться идеи непрерывного образования, и их логично будет распространить на сферу медиаподготовки. Зрелые люди — тем более — не должны ощущать собственную незащищенность в условиях тоталитарного правления СМК. Периодическое повышение медиаквалификации профессионалами совершенно иных профилей позволит им занять не просто личные активистские позиции (например, осознаннее разбираться и действовать в период избирательных кампаний), но и участвовать в деятельности наблюдательных советов, других общественных объединений, налаживающих с журналистами взаимоприемлемую систему отношений.

Существенна и еще одна проблема, которую никак нельзя обойти стороной, — а именно обеспеченность образовательного процесса преподавательскими кадрами. Чаще всего особая роль возлагается на факультеты журналистики, то есть массовое медиаобразование предлагается строить с опорой на образование профильное. Однако подобная практика оправдана и возможна лишь частично, потому что важно исключать дублирование, прямое воспроизведение — необходимы адаптация и прицельная трансформация — и потому, что будущие запросы могут многократно превысить потенциал всех имеющихся специальных кафедр. Хорошо, если в данном вузе препо-

дают журналистику, а если нет? Что уж тогда и говорить о средних школах и системе непрерывного образования!

Итак, кто и каким образом лучше всего способен в сегодняшних условиях вести медийные занятия? Если взять начальную ступень, то, очевидно, что теоретическую подготовку лучше других смогут осуществлять учителя-историки и обществоведы, а практическую — словесники и преподаватели МХК. В вузах же в работу должны включиться культурологи и филологи, философы и экономисты, правоведы и политологи, социологи и психологи, специалисты в области прикладных дисциплин. Показателен состав слушателей курсов повышения квалификации по проблеме «Медиаобразование в системе вузовской подготовки специалистов», проведенных в Ивановском государственном университете в 2008 и 2009 годах: особенно они заинтересовали экономистов, юристов, историков и филологов, но входили в группы и философ, и психолог, и даже биологи. Причем многие из них в итоговой анкете признавались, что намерены впредь использовать элементы освоенного материала в собственной педагогической практике.

Другой преподавательский резерв — это профессиональные журналисты. Сами организацией медиаобучения они занимаются в нашей стране редко и крайне неохотно, поэтому их надо к нему привлечь — в крайнем случае, апеллируя к инстинктам самосохранения. Интересен в этом отношении опыт работников западных СМИ. Обеспокоенные снижением популярности в молодежной среде наиболее интеллектуального вида журналистики — периодической печати, в Германии, например, они попросту сами пошли в школы или приглашают школьников в свои редакции. Дополнительные затраты времени и энергии при этом, конечно, требуются, но ведь они и окупаются: простым ростом читателей той газеты, которую представляет журналист-педагог, и в целом — повышением авторитета СМИ в обществе. Действуя в союзе со штатными преподавателями, практики могли бы сосредоточиться на обучении развивающей журналистике, помощи в выпуске любительских изданий, проведении мастер-классов и т. п. Цель ведь едина: делать человека более информированным, в том числе и через знакомство с современными СМК, формировать адекватное (объективное, критическое, творческое) отношение к их разнообразным видам.

Я. Н. Засурский справедливо полагает: «Средства массовой информации обладают огромной силой воздействия, и чтобы помочь гражданам свободно развиваться, необходимо научить их правильно понимать принципы массовой коммуникации и организации ее работы. Это позволит более осознанно воспринимать информацию о мире и способствовать свободному выбору во время различных политических кампаний и при общении их со средствами массовой информации» [2, с. 301]. Журналистское образование, по его мнению, выходит за рамки университетов «и постепенно становится частью общего образования, необходимого набора и уровня знаний, который требуется для того, чтобы человек мог считать себя грамотным и образованным» [там же].

ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Теория журналистики — очередной — для кого-то жупел, а для кого-то — фантом. Журналистов, которые искренне полагают, что их занятие —

Серия

• «Естественные, общественные науки»

чистая практика, ни в какие теории не вмещающаяся и ни в каких типологиях не нуждающаяся, в мире наверняка гораздо больше, чем тех, кто думает иначе. Для сравнения: история журналистики как социокультурного явления не вызывает такого опасливого протеста. Однако, как замечал еще Чернышевский, «без истории предмета нет теории предмета; но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах» [10, с. 265—266].

Этот культовый тезис цитировали обычно, подчеркивая связь теории и истории, но раскрыто в нем все-таки лишь назначение первой. Как раз во времена Николая Гавриловича и даже под руководством его двоюродного брата, А. Н. Пыпина, существовала в русской филологии культурно-историческая школа, представители которой отдавали явное предпочтение фактам, а не дефинициям. В итоге они потеряли само представление о художественной литературе, ценя выше Шекспира если и не сапоги, то какой-нибудь вновь открытый судебный документ отдаленной эпохи. И перед нами не курьез: такое происходит со всяким, кто не желает определяться в понятиях, которыми все равно приходится оперировать.

Итак, теория необходима уже для того, чтобы осмысленно сформировать (а потом использовать) специфическую терминологию, обслуживающую даже самую что ни на есть эмпирику. А если взять шире и выше, то теория — инструмент самоидентификации, самопознания, постижения неких закономерностей существования и развития объекта внимания (в нашем случае — деятельности), и в том числе — прогнозирования собственной судьбы, что также, несомненно, важно и для большинства практических работников.

Изначально устанавливается суть, природа явления — причем в отношении журналистики это оказывается делом куда как непростым. Ее очертания еще более расплывчаты, чем у истории литературы, напоминавшей А. Н. Веселовскому «географическую полосу, которую международное право освятило как *res nullius* <лат. — ничья вещь>, куда заходят охотиться историк культуры и эстетик, эрудит и исследователь общественных идей. Каждый выносит из нее то, что может, по способностям и воззрениям, с той же этикеткой на товаре или добыче, далеко не одинаковой по содержанию» [1, с. 42]. Вот и на территорию журналистики в равной мере претендуют философ и филолог, культуролог и социолог, психолог и правовед, экономист и политолог, причем и здесь договоренности отсутствуют. Видимо, установить их и призван многоаспектно мыслящий, многопрофильно подготовленный теоретик СМИ.

Скромно отдавая себе отчет в собственной зависимости от стольких знатоков, он все же должен найти в изучаемой области нечто специфическое. И прежде всего — в сравнении с произведениями традиционных культур, связь с которыми несомненная — по крайней мере, генетическая. Но существенны и расхождения: если художественные шедевры многозначны и апеллируют к вечному, то материалы СМИ, напротив, тяготеют к определенности и укоренены в современности. Поэтому сложившиеся в классической эстетике установки и аналитические подходы здесь не срабатывают. Отталкиваясь от искусства, а кроме того — науки, политики и других форм общественного сознания, теоретики *mass-media* установили, что основной и особый продукт журналистики — «массовая информация». Ее поток разнообразен и хаотичен, поэтому смысл профессии состоит в том, чтобы информацию организовать, причем гибко и масштабно.

Аудиторию, как правило, интересует, действительно ли сообщения верны, своевременны, свежи и вместе с тем доступны (то есть как раз — массовы) для понимания. Естественно, что анализ лучше корреспондента выполнит ученый, пропагандистский монолог произнесет политик, познавательный материал сообщит учитель (правда, почти всякий раз обращаясь к меньшему числу людей), зато оперативный поиск и компактное сообщение новостей остается прерогативой журналиста. По преимуществу журналистику определяют как оригинальную деятельность по сбору, обработке, компоновке и передаче массовой информации, а ее, в свою очередь, — как социально значимые сообщения и материалы, распространяемые с помощью технических средств на неограниченный круг людей и вызывающие их общий интерес. Журналистика — периодически возобновляющийся, адекватный времени рассказ всему населению о повседневных событиях. А это и требует, чтобы информация была актуальной, внятной и привлекательной.

Соответственно, и институциональной функцией СМИ является масса-информационная. В. Третьяков совершенно справедливо утверждает, что «без передачи новостей (сообщений о происходящих событиях) журналистики как общественного и профессионального института нет» [9, с. 95—96]. Все остальное: аналитика и пропаганда, задачи производственные и организационно-контролирующие, эффекты просветительские и развлекательные — по-своему присутствует и осуществляется и в науке, и в искусстве, и на предприятиях и в госструктурах.

Но, философски и филологически определившись в главном, теоретик СМИ не может ограничивать себя рамками текста — он обязан далее рассмотреть влияние на журналистику различных факторов. Собственно, именно их значение и делает теорию журналистики открытой, в известном смысле — междисциплинарной наукой. Ее подкрепляют медиаэкономика, медиапсихология, медиасоциология, медиаполитология, медиатехнологии, медиаправо-ведение. Так, допустим, проблема «Журналист как ответчик в суде» разрешается на основе рассмотрения судебных разбирательств, а главным аналитическим приемом становится лингвистическая экспертиза. Размышлять о сравнительной популярности отдельных телеканалов невозможно без социологического изучения аудитории, а выявлять намерения личности в ходе восприятия информации — без использования принятого в современной психологии специального метода, который называется интент-анализом.

Выходит, что недостаточно предложить только наиболее подходящие к случаю понятия, — от теоретика ждут, чтобы он еще обеспечивал обсуждение и исследование протекающих в реальности процессов методологически — наиболее адекватными и глубокими подходами. Не вдаваясь в подробности, учтем три ведущие группы методов: локальные (монографические), аспектные и сводные — но будем и помнить, что в идеале они друг друга дополняют.

В целом же понятия при всем своем богатстве и многообразии сами выстраиваются и должны восприниматься как система: все категории внутренне связаны — каждая вытекает из остальных, но и определяется ими. Основные проблемы теории журналистики — это ее 1) сущность и назначение, 2) факторы, 3) внутреннее строение. Соответственно следует выглядеть и опорным понятиям, которые надо рассматривать не отвлеченно, а функционально — выявляя, например, **реализацию** особенностей периодической печати или **последствия** глобализации в СМИ. У нас же, к сожалению, во

многих пособиях, а затем и в студенческих дипломных работах авторы заняты самоцельным выделением признаков, которые тщательно описываются, констатируются, а затем схоластически разграничиваются, обособляются, классифицируются. Но и только — тогда как любой типологии надлежит действовать.

Открытой теория журналистики является и в смысле своего динамического потенциала. Конечно, ее фундаментальный лексикон — это совокупность исторически устойчивых понятий. Однако столь стремительно обновляющаяся система не вправе считаться завершенной. В последнее время аналитикам все чаще приходится жертвовать даже самым ходовым некогда синонимом журналистики: классическое «СМИ» вытесняется аббревиатурой «СМК». Да и наука о журналистике, так и не получившая компактного общепринятого обозначения («журналистсковедение» явно не прижилось), нередко толкуется теперь как коммуникативистика. Последняя, разумеется, соотносима с первой, но по принципу рода и вида: границы явления расширяются, однако представление о массово-информационной деятельности все-таки сохраняет свое значение в качестве ядра, порождающей модели.

Помимо теории, наука о журналистике включает в себя историю журналистики, а также медиакритику. Соотношение между ними — по аналогии с литературоведением — помогает установить остроумное наблюдение Д. С. Лихачёва. Сравнив целостность специальных дисциплин с органическим телом, в котором мягкая сердцевина (допустим, критика) ограничена и защищена жесткой периферией в виде ребер (таковы в его случае, например, текстология или стиховедение), он делает вывод: «Если убрать все “нежесткие” дисциплины, то “жесткие” потеряют смысл своего существования; если же, напротив, убрать “жесткие”, точные специальные дисциплины <...> то центральное рассмотрение литературы не только потеряет точность — оно вообще исчезнет в хаосе произвола различных неподкрепленных специальным рассмотрением вопроса предположений и догадок» [5, с. 250].

Приблизительно то же самое открывается тем, кто постигает журналистику: без живого материала типологизация не нужна, а может быть, и вообще вредна, зато при обилии фактов каркас не просто необходим, — направляя мысль интерпретатора, он позволяет сориентироваться. Разумеется, термин «историческая типология» звучит как оксюморон, поскольку в нем объединяются текучее и постоянное. Сочетание противоположностей побуждает искать гармонию, причем и в практическом осмысливании, и в изучении, и в преподавании. Того же филолога, предпочитающего работать с шедеврами, и даже литературного критика, рефлекторно выбирающего в середину течения — в мейнстрим, журналистика поражает циклопическими объемами материала — особенно современного (вид физиологических очерков, достаточно укорененных в традиции, конечно, более привычен, чем облик блогов). Вот отчего значение теории в журналистской науке, несмотря на ее прикладной — во многих отношениях — характер, возрастает, даже в сравнении с литературоведением.

Американский исследователь СМИ Филипп Мейер считает: «Одним из признаков, отличающим профессионала от ремесленника, является знание теории, объясняющей принципы, лежащие в основе ремесла. Ремесло изучается на практике путем наблюдения за мастером и повторения его действий. Освоение профессии начинается с базовых принципов с тем, чтобы в случае перемен профессионал смог их понять и адаптировать к ним свою деятель-

ность» (Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2009. № 6. С. 99). Теоретическая компетентность повышает общий профессиональный уровень и опытных, и начинающих журналистов. Но богатый категориальный аппарат, понимание механизмов функционирования СМИ необходимы и всем, кто испытывает на себе их влияние, а подобное в условиях информационного общества можно сказать фактически о каждом из нас. Нетрудно поэтому догадаться, насколько значима теоретическая подготовка и в сфере массового медиаобразования.

МЕДИАКРИТИКА

В отличие от теории журналистики, которую иногда весьма активно не принимают, медиакритикой — на уровне оценки продуктов СМК — занимаются практически все, но зато поистине по-журденовски: не ведая, что творят. И хотя сегодняшний медиаассортимент куда разнообразнее и объемнее артпредложений, обсуждаемое понятие продолжает оставаться для населения достаточно экзотическим — во всяком случае, гораздо менее знакомым, чем привычная со школьных лет критика литературно-художественная.

Критика как реакция и самоконтроль обязательно сопутствует любому явлению и действию. Но тем удивительнее положение медиакритики в современном мире, который испытывает посягательство СМК на людские умы и души. Развита она пока у нас крайне слабо — и прежде всего в части разбора газетно-журнальных публикаций: если еженедельные отзывы о телепередачах присутствуют во многих популярных изданиях, то ответные обозрения печати постепенно, но неуклонно из теле- и радиозфира вымываются, а сохраняясь где-то, выступают лишь как дополнительный источник информации. По-прежнему присутствуют (даже в некоторых провинциальных изданиях) характеристики «толстых» журналов, однако касаются они исключительно литературных тетрадок. Кроме того, надо отметить, что большинство иных откликов локальны, затрагивают один-два материала и, как правило, полемичны, а не аналитичны. Известный оптимизм внушают, конечно же, ресурсы Интернета, однако несистематичность — то есть та же локальность — в глобальной сети еще заметней, в силу парадоксальности сочетания.

Можно, разумеется, представить дело так, что сдерживает гигантское обилие материалов. Однако возразим ссылкой на исторический прецедент: в советское время централизованная критика охватывала все информационное поле — в форме предварительной (цензура) и в форме обзоров прессы, готовить которые вменялось в обязанность отделам пропаганды и агитации структур КПСС всех уровней. Правда, и цели тогда ставились почти исключительно директивно-идеологические. Получается: не только государство (что, видимо, как раз неплохо), но и выдвигающееся на передний план общество не осознает особой потребности в постоянном ведении широкого, кропотливого, качественного мониторинга и действует при этом, прямо скажем, весьма недальновидно.

Медиакритика предполагает оперативное истолкование и оценку общего характера современных средств массовых коммуникаций, а также отдельных вновь возникающих в СМК явлений и текстов — с точки зрения их новизны, уместности и подлинности. Ее значение повышает уже самый объект, поскольку журналистика нередко именуется «историей современности». Вместе с тем положение медиакритики в науке о журналистике как будто бы

Серия

• «Естественные, общественные науки»

аналогично месту критики литературно-художественной в литературоведении и искусствознании, где она, изживая произвольность, опирается на проверенные исторические данные и теоретически обоснованные выкладки соответствующих дисциплин. Однако показательно, что у маститого исследователя СМИ Е. П. Прохорова триада несколько иная, состоящая из «теории (изучающей законы (факторы и условия) функционирования журналистики в разных социальных системах), истории (занимающейся закономерными процессами развития журналистики), социологии (сосредотачивающейся на современном состоянии журналистики в самых разных ее сторонах)» [7, с. 18—19]. Стоит ли подробно говорить, насколько замена знаменательна и уязвима, ведь социология, в отличие от критики, главным образом, констатирует, а не оценивает. Впрочем, так отражается реальная сегодняшняя ситуация, в которой измерение рейтингов и контент-анализ прессы проводятся куда чаще и охотней, нежели пристальное постижение процессов и взыскательная сертификация продукции СМК.

А. П. Короченский выделяет следующие разновидности медиакритики: академическую, профессиональную и массовую [4, с. 43—46, 159]. Собственно, первая составляет скорее основу медиакритики в качестве специальной дисциплины, называемой теорией журналистики. Среди прочего, последняя устанавливает, что, отражая текущие события, СМИ — хотя бы в силу свойств речевого контекста как такового — обязательно выражают отношение к происходящему. Плодотворное восприятие отдельного жизненного случая предполагает восхождение от него к проблемам, процессам, явлениям и, что особенно важно подчеркнуть в дополнение, — к ценностям. Журналисты могут интегрировать разные социальные группы, мобилизовать их в ситуациях кризисных и катастрофических, просвещать людей и прививать им активистскую политическую культуру, контролировать власть и регулировать контакты с нею общества.

Это существенно усложняет предмет исследования, но и повышает значение собственно критических, аксиологических подходов, поскольку ценностно-ориентированные СМК (прежде всего — публицистические), заметно отклоняющиеся от природных журналистских принципов (достоверности, беспристрастности и т. п.), бывают и контрпродуктивными, и продуктивными. Да, отправными для определения критериев остаются все-таки важнейшее теоретическое понятие «массовая информация» и ведущие профессиональные принципы: правдивость, основательность, непредвзятость, независимость, социальная ответственность, верность общечеловеческим ценностям. Но в некоторых случаях (например, в связи с таким пограничным явлением, как публицистика) потребуются и корректировки. И, естественно, придется тогда принимать в качестве выигранных отдельные свойства «художественности» — в частности, субъективность, эмоциональность, созидательность.

Строгая нормативность, переходящая в догматизм, оказывается, таким образом, бесплодной. В зоне внимания критика-ученого располагается множество разнообразных медиа явлений, и он должен объективно и гибко разобраться в них, объяснить ситуацию, выявить доминирующие тенденции. Интересны в этом отношении некоторые академические, но почти синхронные обзоры, воссоздающие динамическую панораму СМИ постсоветской России (назовем работы авторские — И. Засурского и А. Грабельникова, а также коллективные, выполненные под руководством Я. Н. Засурского). Но для того,

чтобы подобное получалось у многих, академической медиакритике предстоит выработать соответствующие методики ценностного постижения.

В качестве критиков-популяризаторов чаще всего выступают журналисты-практики. Они подготовлены к этому выполнением постоянных внутрицеховых обязанностей: редактированием поступивших со стороны материалов и привычкой к самоанализу, оценочными выступлениями на редакционных планерках, реже — публикациями в специальных изданиях («Журналист», «Журналистика & медиарынок» и др.). Журналист — критик по определению, особенно если он занят в аналитических СМИ и пишет обозрения, проблемные статьи, комментирует новости, выносит суждения в соответствующих передачах. Оценки (желательно бы, конечно, обоснованные, основательные и компетентные) могут относиться к любой сфере жизни общества: экономической, политической, социальной, культурной — однако существенна и развитая саморефлексия, сравнения своей деятельности с практикой коллег, современников и предшественников, соотечественников и иностранцев.

Откликаясь на новое в СМИ, критики-профессионалы просто обязаны высказываться оперативно, регулярно и многоаспектно, выступать уверенно (хотя расхожие мнения еще не сложились) и независимо, быть концептуальными, тщательными в аргументации и в анализе, увлекательными для читателя или слушателя. С их помощью непосвященному открывается то, на что он не обращал внимания или для чего ему не хватало эрудиции, жизненного опыта, способности проникать дальше поверхности. А читающий рецензии и обзоры недоверчивый журналист получает возможность взглянуть на себя со стороны. И если прав Д. С. Лихачёв, остроумно заметивший, что литературная «критика — это зеркало литературы, формирующей свое лицо» [5, с. 218], то и медиакритику можно представить как самосознание, средство саморегуляции СМИ. Жаль только, что у нас преобладают скорее организационные (типа заседаний Большого жюри), нежели разнообразно творческие ее формы.

Щадя самолюбие обывателя, а тем более создателя публикации, не будем настаивать на том, что критик их учит, но ведь он многое и демонстрирует собственным примером — и прежде всего мотивировки, подходы, приемы (доказывает, например, необходимость воспринимать и оценивать тексты в контекстах — ближних и дальних, малых и больших). И постепенно, в процессе регулярного знакомства с медиакритикой, даже у человека, находящегося вне системы целенаправленного медиаобразования, вполне может сложиться представление о методике постижения журналистской продукции.

Далее: критика помогает, как говорил В. В. Набоков, «распознавать пошлость», образовывать вкус. А вкус, по мысли А. С. Пушкина, состоит «в чувстве соразмерности и сообразности», понимании автора по законам, «им самим над собою признанным». Конечно, кое-кому покажется, что этак можно оправдать буквально всё — в том числе умело изготовленную фальшивку, а тем более высокорейтинговый проект. Но, как справедливо подчеркивает Я. Н. Засурский, «желтую прессу будут и дальше читать. Но надо всем дать понять, что это дурной вкус» [2, с. 399].

Впрочем, разумеется, пошлые издания и передачи — лишь одна из сфер приложения усилий медиакритики в борьбе с разного рода манипуляциями. Основная ее задача в том и заключается, чтобы показывать, где кончается в

журналистском тексте факт и начинается предвзятая интерпретация (или как ею же все и исчерпывается), чтобы обучить способам обнаружения и разоблачению двусмысленностей и прямых подлогов. И при этом размышления о журналистской профессии и практике не должны оставаться делом сугубо корпоративным: необходимы действия, обращенные к широкой публике, необходимы популярные пособия по основам медиакритики, предназначенные для школьников и студентов, населения в целом. Только тогда появится потенциал для становления так называемой массовой медиакритики.

Вероятно, исходная точка здесь — знакомство с азами медиакритики академической и внутрицеховой. Основой информационной культуры вообще является культура чтения газет и журналов, грамотное восприятие их видеоряда, так же, как и радио-, телепередач, интернет-сайтов. Поэтому столь необходим навык осмысленного анализа новейших медиатекстов. В частности, это поспособствует развитию способностей идентифицировать себя и еще — отводить от себя манипулятивное воздействие оружейных СМК. Логика просматривается вроде бы простая: если скрыться от них невозможно, значит к обороне нужно сознательно готовиться. И в подобных обстоятельствах трудно обойтись без постановки и осуществления широкого медиаобразования, которое, в свою очередь, предполагает практическую реализацию принципов и распространение открытий медиакритики. Педагоги могут найти в ней установки и ориентиры, фундамент для построения методик обучения, выверенные выкладки для последующих конкретных программ. Выступая как феномен журналистской саморефлексии, медиакритика является и потенциальным способом познания СМК непрофессионалами. А в условиях развития интерактива и при известных целенаправленных усилиях, в частности — при овладении медиаграмотностью — представители аудитории превращаются из объектов массовой медиакритики в ее субъектов, авторов выношенных и острых откликов на выступления журналистов. Это вызывает необходимость уточнять термины, предложенные Короченским: в дополнение к массовой (с акцентом — на ориентацию) уместно, видимо, говорить о медиакритике любительской (с акцентом — на исполнение).

Статус зрелого человека предполагает не только его информированность и активность, но и наличие навыков критического мышления — в том числе в отношении к СМК, нередко мистифицирующих реальность или уводящих от нее. Адекватное восприятие медийного текста в современных условиях не имеет права быть лишь простодушно-доверчивым, исключительно эмоциональным. Поэтому издания и каналам пора отказываться от порочных уведомлений, по которым «редакция в переписку с читателями не вступает», — наоборот, следует поощрять отзывы аудитории: среди них встречаются и меткие, и справедливые, и глубокие. А о том, что потребность высказаться не просто есть, но нарастает, свидетельствуют непрерывно множащиеся интернет-форумы. К тому же стоит добавить: медиакритика по определению (особенно в сравнении с критикой эстетической) более социальна, она постоянно выводит заинтересованного индивида к размышлениям о жизни, способствует формированию гражданского сознания.

Утверждение любительской медиакритики, которое протекает пока, в основном, стихийно, может осуществляться и под руководством наставников — прежде всего преподавателей, но еще и журналистов (хотя бы в форме проведения разовых мастер-классов). Как деятельность по системному выяв-

лению и постижению характерных для современных СМК тенденций, при-дирчивой сертификации текстов медиакритика способствует не только нор-мальному функционированию журналистики, ее профессиональному само-совершенствованию. Следует признать, что не менее значима роль медиакри-тики и в деле становления гражданского общества, если мы действительно заинтересованы в том, чтобы личность в сегодняшнем мире не подавлялась и не зомбирровалась, а развивалась. Медиакритика может стать одним из надежнейших средств интеллектуальной, психологической и нравственной самозащиты человека в обстановке медиакратии.

Библиографический список

1. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989.
2. *Засурский Я. Н.* Искушение свободой : российская журналистика: 1990—2004. М. : МГУ, 2004.
3. Инновационные подходы к проектированию основных образовательных про-грамм по направлению подготовки высшего профессионального образования «Журналистика». М. : МГУ, 2007.
4. *Короченко А. П.* «Пятая власть»? : медиакритика в теории и практике журнали-стики. Ростов н/Д : Ростов. гос. ун-т, 2003.
5. *Лихачёв Д. С.* Литература — реальность — литература. М. : Сов. писатель, 1984.
6. *Олешко В. Ф.* Журналистское образование и профессиональная культура журна-листа: парадигмы взаимовлияния // Современное журналистское образование: синтез теории и практики. М. : МедиаМир, 2010.
7. *Прохоров Е. П.* Исследуя журналистику: теоретические основы, методология, ме-тодика, техника работы исследователя СМИ : учеб. пособие. М. : РИП-холдинг, 2005.
8. *Страшинов С.* Из цикла «Актуальные медиапонятия» // Акценты. 2010. № 3/4.
9. *Третьяков В.* Как стать знаменитым журналистом : курс лекций по теории и практике современной русской журналистики. М. : Ладомир, 2004.
10. *Чернышевский Н. Г.* О поэзии // Полн. собр. соч. : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1949. Т. 2.
11. *Шариков А. В.* Проблемы изучения средств массовой коммуникации в школах Запада // Сов. педагогика. 1988. № 5.

ББК 60.524.224.67

Е. Е. Ломакина

РЕКЛАМА ТАБАКА И ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ПРАВИЛ

© Ломакина Е. Е., 2011

Серия
• «Естественные, общественные науки»

Сегодня уже никто не сомневается в том, что табак причиняет огромный вред здоровью людей, а также наносит ущерб экономике. Как утверждает Всемирная организация здравоохранения, табак является главной причиной преждевременной смерти во всем мире: среди взрослого населения — 10 % (около 5 млн смертей ежегодно). Если сохранятся существующие тенденции, то к 2020 году табак будет вызывать 10 млн смертей в год. В конечном итоге, около половины тех людей, кто сегодня курит, а это примерно 650 млн человек во всем мире, будут убиты табаком [1, с. 10—12]. К третьему тысячелетию нашли, как многие думают, единственный и правильный выход из сложившейся ситуации — запрещать «курение на местах» и продажу табака подросткам до 18 лет, а также проводить крупномасштабные антитабачные кампании.

Реклама и маркетинг табачных изделий еще более усугубляют проблемы, вызванные табаком. Маркетинговые мероприятия табачной индустрии проводятся по той причине, что каждый год миллионы потребителей табака умирают от заболеваний, вызванных курением, или бросают курить, и чтобы выжить, табачная отрасль должна замещать их новыми потребителями. Производители табака изучают вкусы и желания молодых потенциальных потребителей и нацеливают на них свои маркетинговые кампании. Отрасль тратит каждый год миллиарды долларов на рекламу, продвижение и спонсорство, о чем свидетельствует ее служебная документация.

С целью снизить риск приобщения подростков к табаку многие страны запрещают продажу табачных изделий несовершеннолетним и вводят другие ограничения на доступ молодежи к табачным изделиям. Имеются убедительные данные о том, что решение людей начать курить усиливается с помощью рекламы и пропаганды табака, которая распространяется через индустрию досуга, спорта и музыки. Табачная промышленность хорошо это понимает и активно занимается маркетингом табака во многих странах мира через стратегическое и «коварное» соединение ценовых средств, размещение изображения табачных марок и пропаганду. Спонсирование и размещение изображения табачных изделий в фильмах и на спортивных состязаниях являются ключевыми стратегиями, используемыми табачной индустрией, чтобы обойти рекламные ограничения там, где они были введены. Работа в области контроля над проблемой, вызванной табаком, не может и не должна пытаться быть похожей на рекламу и пропаганду табачной индустрии.

Попытки урегулировать тем или иным способом курение табака предпринимались в нашей стране неоднократно. Так, в 1977 году коллегия Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР приняла постановление «О мерах по усилению борьбы с курением среди спортсменов, тренеров, преподавателей, физкультурных работников», где подчеркивалась несовместимость курения со спортом, и, соответственно, были введены некоторые запретительные меры. В 1980 году Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление «О мерах по усилению борьбы с курением», согласно которому были усилены антитабачная пропаганда и агитация. Но по большому счету дальше дело не сдвинулось.

И лишь в 1998 году был разработан проект Федерального закона «Об ограничении табакокурения и потребления табачных изделий». Государственная дума одобрила его в первом чтении еще 10 февраля 1998 года. Од-

на-ко лишь 21 июня 2001 года нижняя палата парламента приняла в окончательной редакции Федеральный закон «Об ограничении курения табака», который был одобрен Советом Федерации 29 июня, подписан Президентом РФ 10 июля того же года (№ 87-ФЗ), вступил в силу (за исключением некоторых статей) с 14 января 2002 года, полностью — с 1 января 2004 года [4, с. 8—9]. Появление названного документа с самого начала вызвало в обществе крайне неоднозначную реакцию. Споры не умолкают до сих пор, в закон трижды вносились поправки.

В России грядет полный запрет рекламы табака и табачных изделий. Проект соответствующего федерального закона под названием «О присоединении к Рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака» одобрило 10 января 2006 года на своем первом заседании правительство России [9, с. 124].

Принятая в мае 2003 года на 56-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения Рамочная конвенция по борьбе против табака предусматривает полный запрет на всю рекламу, стимулирование продажи и спонсорство табачных изделий. В ст. 1 даны определения основных понятий:

- Под табачными изделиями понимаются «продукты, полностью или частично изготовленные из табачного листа в качестве сырьевого материала, приготовленного таким образом, чтобы использовать для курения, сосания, жевания или нюханья».

- «Реклама и стимулирование продажи табака» означает любой вид передачи коммерческой информации, рекомендации или действия с целью, результатом или вероятным результатом стимулирования продажи табачного изделия или употребления табака, прямо или косвенно.

- «Спонсорство табака» означает любой вид вклада в любое событие, мероприятие или отдельное лицо с целью, результатом или вероятным результатом стимулирования продажи табачного изделия или употребления табака, прямо или косвенно.

Спонсорство приводит к «стимулированию продажи табачного изделия или употребления табака, прямо или косвенно» лишь тогда, когда факт этого спонсорства становится широко известным: например, табачная индустрия расходовала в десятки раз больше средств на рекламу спонсорской поддержки, чем на саму поддержку. К косвенной рекламе или стимулированию продажи, прежде всего, относятся зонтичные бренды (использование табачных названий или эмблем на нетабачных изделиях). Под табачной маркой выпускается иная продукция (одеколон, спички и т. д.), и далее рекламируются эти товары, а на самом деле сигареты. Проблема может быть решена в том случае, если все торговые марки будут регистрироваться государственными органами.

К другим формам стимулирования продажи, которые требуют регулирования, относятся распространение бесплатных табачных изделий или образцов, выдача подарков и премий, скидки и право участвовать в лотереях или соревнованиях. Как косвенная реклама также может рассматриваться упаковка табачных изделий и их общественные показы.

При запрете спонсорства нужно учесть, что получающие спонсорскую поддержку организации будут выступать против. Поэтому вводить его нужно постепенно и осторожно. В Австралии, например, за счет отчисления от та-

бачных налогов был создан специальный фонд для оказания поддержки организациям, которые ранее спонсировались табачной индустрией.

Согласно Рамочной конвенции, «скрытая реклама табачных изделий включает информацию, представленную для целей рекламы через аудио- или видеоматериалы, о предприятиях, которые производят, импортируют или продают табачные изделия, названиях их фирм, марках изделий или их деятельности, таким способом, который может вводить в заблуждение потребителей этой рекламы по поводу ее реальной цели» (см.: [7]). Этот тип представления информации должен рассматриваться как скрытая реклама во всех случаях, когда он оплачен или компенсирован иным образом.

Конвенция вступила в силу 27 февраля 2005 года. Этот документ стал официальным признанием того, что курение табака является глобальной угрозой для населения всего мира. На настоящий момент к Конвенции присоединились 172 страны, включая Евросоюз. Россия тоже готовится ратифицировать Конвенцию [2].

В большинстве стран реклама табака в определенной степени ограничена. Осуществление полного запрета во всех странах возможно, но вводить его следует постепенно. Самый длительный переходный период необходим для стран, которым предстоит многочисленные законодательные инициативы, прежде чем они смогут достичь принятия полного запрета. Чтобы определить длительность переходного периода, можно использовать подсчет очков по ограничению рекламы. Система подсчета была разработана в 1989 году Muggaу Laugesen с целью классификации стран согласно числу видов средств массовой информации, где реклама табака ограничена, запрещена полностью или идет в комплексе с предупреждениями о вреде курения для здоровья. В таблице 1 шкала Laugesen была слегка адаптирована и добавлены, например, пункты ограничения или запрета непрямого рекламы и спонсорства международных мероприятий (см.: [9, с. 63—64]).

Таблица 1

	Ограничение	Запрет
Реклама табака на радио	0.5 очка	0.5 очка
Реклама табака на телевидении	0.5 очка	0.5 очка
Реклама табака в кинотеатрах	0.5 очка	0.5 очка
Реклама табака на улицах	0.5 очка	0.5 очка
Реклама табака в прессе	0.5 очка	0.5 очка
Реклама табака в пунктах его продажи	0.5 очка	0.5 очка
Спонсорство национальных мероприятий	0.5 очка	0.5 очка
Спонсорство международных мероприятий	0.5 очка	0.5 очка
Непрямая реклама табака	1 очко	1 очко
Всего	10 очков	

Предлагается, чтобы все страны мира приняли запрет всей прямой и непрямого рекламы табачных изделий и спонсорства, осуществляемого табачными компаниями, но переходный период следует определять согласно количеству очков, получаемых каждой страной в зависимости от степени ограничения рекламы (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество очков	Переходный период
≥ 7	3 года
4—6	6 лет
0—3	9 лет

Согласно ст. 23 Федерального закона Российской Федерации от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе», реклама табака, табачных изделий и курительных принадлежностей, в том числе трубок, кальянов, сигаретной бумаги, зажигалок и других подобных товаров, не должна размещаться:

- 1) в теле- и радиопрограммах, при кино- и видеообслуживании;
- 2) в предназначенных для несовершеннолетних печатных изданиях, аудио- и видеопроизведениях;
- 3) на первой и последней полосах газет, а также на первой и последней страницах и обложках журналов;
- 4) с использованием технических средств стабильного территориального размещения (рекламных конструкций), монтируемых и располагаемых на крышах, внешних стенах и иных конструктивных элементах зданий, строений, сооружений или вне их (пункт 4 части 2 статьи 23 вступил в силу 1 января 2007 года);

5) на всех видах транспортных средств общего пользования [8, ст. 23].

Получается, что нашей стране, по системе подсчета Murray Laugesen, потребуется 9 лет, чтобы ввести полный запрет рекламы табачной продукции.

Для понимания уровня сложности рекламы табачных изделий надо рассмотреть ограничения на рекламу табака в большинстве европейских стран, действующие уже с 2001 года:

- запрет на любую рекламу в печатных СМИ;
- запрет на спонсорство (за исключением мероприятий или деятельности, организуемой на мировом уровне);
- ограничение спонсорства, осуществляемого табачными компаниями, таких всемирных мероприятий, как, например, мотогонки «Формула-1»;
- информация о товаре может располагаться в пункте продажи товара;
- публикации о торговле табаком могут содержать рекламу табака;
- на публикации третьих стран, не предназначенные специально для рынка ЕС, запрет не действует.

Данные законодательные ограничения стран ЕС налагают полный запрет на рекламу табака (запрет на телерекламу и наружную рекламу действовал до 2001 года), но все же существуют четыре исключения, активно используемые рекламистами. Эти исключения касаются вопросов, которые могут контролироваться исключительно на международном уровне и ослаблять национальные законодательства. Почему остались эти «лазейки» и как ими пользуются?

1. Реклама табачных изделий в зарубежных публикациях и изданиях.

В данном случае исключением из исключений является закон о рекламе, действующий во Франции с 1991 года, который также запрещает рекламу табака и в зарубежных изданиях, но в реальности он не выполняется. Импорт содержащих рекламу табака немецких журналов во Францию продолжается. Оправданием исключения зарубежных публикаций из-под действия этого закона служит опасение, что запрет рекламы табака может привести к цензуре зарубежных публикаций, а в Европе, жестко поддерживающей демократи-

ческие принципы, любая цензура вне закона [6]. И если такое происходит даже в той же Франции, которая не поддерживает данное исключение, то что можно говорить о других странах?! Ведь на самом деле для табачных компаний, «ворочающих» гигантскими рекламными бюджетами, ничего не стоит специально «импортировать» в страны, поддерживающие данное исключение по ограничениям, материалы и издания, содержащие необходимую им рекламу. И только всемирный запрет рекламы табака может привести к ее исключению из всех публикаций, и в таком случае «импортировать» материалы и издания станет неоткуда.

2. Случайная телевизионная реклама. В законах о запрете рекламы табака Австралии, Бельгии, Канады, Франции и Норвегии предполагается исключение, касающееся случайной телевизионной рекламы, которая может возникать при трансляции событий, происходящих за пределами страны, при условии, если основной целью этой трансляции не является реклама табачных изделий в данной стране.

Оправдание этого исключения аналогично тому, что касается зарубежных публикаций — опасение, что запрет рекламы табака может привести к цензуре трансляций спортивных мероприятий из стран, где все еще разрешена реклама табачных изделий. И вновь, только запрет рекламы табака во всем мире может привести к исчезновению случайной рекламы. Необходимо подчеркнуть, что не следует недооценивать влияние случайной телевизионной рекламы. Например, спонсорство Marlboro команды автогонщиков на чемпионате мира принесло компании почти три с половиной часа телевизионного времени за сезон 1989 года. В соревновании Marlboro Гран-при административные работники были одеты в рубашки и кепки Marlboro. Эмблема или название компании за время передачи появились на экране 5 933 раза. Влияние таких транслируемых мероприятий, как автогонки, значительно. В США более 10 млн человек в год посещают подобные мероприятия и в 90 раз большее количество смотрит их по телевизору [3]. Эффективность спонсорства также можно измерять изменением представлений потребителей или их отношения к продукту компании или к самой компании.

3. Спонсорство мероприятий мирового уровня. Среди всех способов найти лазейки в различных законодательных инициативах спонсорство является наиболее угрожающим.

В законах нескольких стран мира оговорено исключение относительно спонсорства международных мероприятий. Основной аргумент в пользу такого исключения состоит в том, что полный запрет рекламы табака приведет к перемещению данного международного мероприятия в другую страну, где реклама табака все еще разрешена.

Существует несколько причин, почему разрешение на осуществление спонсорства табачными компаниями, особенно спортивных мероприятий, подрывает усилия по сокращению потребления табака:

- воздействие спонсорства на целевую аудиторию имеет не меньшую силу, нежели прямая реклама, а в ряде случаев и более сильное;
- спонсорство популярных спортивных и других развлекательных мероприятий эффективно влияет на молодежный рынок, а также вырабатывает положительное отношение к табачным брендам у детей;

- спонсорство создает устойчивую положительную ассоциативную связь между курением и здоровыми, популярными видами деятельности и образами.

Международный характер спонсируемых мероприятий позволяет обойти национальные запреты на спонсорство и рекламу табачных брендов.

4. Интернет и новые средства массовой информации. Интернет и другие новые средства массовой информации, такие как мобильные телефоны, имеют мощный потенциал для того, чтобы идеализировать курение, вести рекламу табака среди молодых людей и улучшать приемлемость курения в обществе. Табачная индустрия использует рекламу в глобальном масштабе по спутниковым, кабельным сетям и в Интернете с целью обойти таким образом запреты на рекламу на уровне отдельных стран. Например, British American Tobacco (BAT) тайно управляет ориентированным на молодежь веб-сайтом, сделанным в стиле журнала, публикующим информацию о местах для развлечений и развлекательных мероприятиях в Польше и Бельгии [5, с. 18].

К чему же приводят ограничения рекламы табачных изделий, кроме улучшения ее качества и изощренности? А к тому, к чему всегда ведут любые ограничения, в частности рекламные — к обострению конкуренции в пользу доминирующего игрока (игроков). Рассмотрев существующие и проектируемые ограничения рекламы и продвижения табачных изделий, видим, что все они в первую очередь направлены на ограничения рекламы с привязкой к табачным брендам, хотя как-то обходят стороной рекламу курения в целом (не привязываясь к брендам). К чему это ведет? При наличии массы ограничений на рекламу и немногих исключений из них, которыми могут пользоваться только несколько компаний — мировых отраслевых лидеров, а также множества возможностей рекламы курения (постоянное расширение общего рынка) практически уничтожаются малые, региональные табачные компании (почти обратный эффект задуманному), плюс к этому уничтожение мелких и средних игроков этого бизнеса и установление уже окончательной монополии на рынке табака основных его лидеров. Создается впечатление, что сами табачные корпорации и лоббировали введение этих ограничений.

Задача общества, если оно себе ее поставило, — бороться с курением и его последствиями, но никак не играть по правилам табачных корпораций, расчищая для них рынок от конкурентов и реально только развивая его.

А вот с чем действительно надо бороться — с рекламой курения как таковой. И если у рекламы табачных изделий всего одна цель — распределение потребителей (курильщиков) между брендами в пользу своего (рекламируемого), и это стандартная цель для любого рекламируемого товара или бренда в любой отрасли, то реклама курения преследует другие и уже далеко не «праведные» цели: побуждение детей и молодых людей попробовать табачные изделия и, таким образом, положить начало регулярному курению; поощрить некурящих взрослых начать курить; поощрить курильщиков курить еще больше; ослабить мотивацию курильщиков к прекращению курения; поощрить бывших курильщиков к возобновлению курения.

Библиографический список

Серия

• «Естественные, общественные науки»

1. *Андреева Т. И., Красовский К. С.* Табак и здоровье. Киев, 2004. URL: http://www.tvereza.info/downloads/literature/01/Andreeva-Krasovskij/tabak-i-zdorovie_ru.html (дата обращения: 28.01.2011).
2. *Батнева Т.* Мир начал войну с табаком по правилам, но без России // Известия. 2005. 4 марта.
3. *Белецкий А.* «Высший пилотаж» в рекламе. URL: <http://www.point.ru/> 2008 (дата обращения: 3.02.2011).
4. *Герасименко Н. Ф.* Борьба с курением в России // Вестн. Рос. онкол. науч. центра им. Н. Н. Блохина РАМН. 2006. Т. 17, № 2.
5. *Казанцев А.* Спонсорство телевизионных игр, сериалов и спортивных соревнований как форма рекламного воздействия на потребителей // Бренд-менеджмент. 2002. № 1.
6. *Каннингхэм Р.* Дымовая завеса. Канадская табачная война : пер. с англ. В. Н. Королева. М., 2001. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=6169> (дата обращения: 17.01.2011).
7. *Красовский К.* Табак и закон, или Рамочная конвенция по борьбе против табака ратифицирована, что дальше? Киев, 2005. URL: http://www.ataca.ru/upload/iblock/989/tobacco_law.pdf (дата обращения: 17.01.2011).
8. О рекламе : федер. закон Рос. Федерации от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ. URL: <http://ozpp.ru/zknd/rekl/> (дата обращения: 17.01.2011).
9. *Шноль Р., Субраманиан С.* Рамочная конвенция ВОЗ: настоящее и будущее борьбы с курением // Вестн. Рос. онкол. науч. центра им. Н. Н. Блохина РАМН. 2006. Т. 17, № 2.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ББК 66.4

А. В. Луганский, В. Л. Чернопёров

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА РУКОВОДСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АДМИНИСТРАЦИЕЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ РФ

Тема международных связей Ивановской области в конце XX — начале XXI в. лишь недавно стала предметом отдельных исторических исследований [см., напр., 7, 8, 25, 26, 27]. В данном случае мы не говорим об аналитических материалах, которые готовили структуры администрации нашего края и которые остаются малодоступными для широкой общественности. Представленный материал не нацелен на значительные обобщения и стратегические выводы. Задача авторов скромнее — дать интересующемуся читателю краткий исторический обзор формирования в России законодательной базы для ведения субъектом РФ международной деятельности и развития этого процесса в Ивановской области. Источниковой базой работы стали законодательные и нормативные акты, делопроизводственные документы, материалы прессы.

* * *

В советский период международной политикой занималось Министерство иностранных дел СССР, а внешнеэкономическими отношениями ведало Министерство внешней торговли СССР. Существовала общесоюзная система централизованного планирования экспортно-импортных операций, которыми ведали государственные монопольные объединения. Первые попытки реформирования сложившейся внешнеэкономической практики были предприняты в годы «горбачевской перестройки». По Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 991 от 19 августа 1986 г. «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями» предприятия получили возможность самостоятельно выходить на внешний рынок, формировать валютные фонды, организовывать внешнеторговые фирмы. Документ приоткрывал промышленности двери для внешнеэкономического сотрудничества и совместного предпринимательства [1]. В марте того же года свет увидело правительственное постановление № 203 «О мерах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности», устанавливавшее, в частности, обязательность регистрации внешнеэкономической деятельности, процедуру квотирования, систему планирования [1].

В инвестиционной политике либерализация начинается с Указа Президента СССР М. С. Горбачева от 26 октября 1990 г. «Об иностранных инве-

---

© Луганский А. В., Чернопёров В. Л., 2011

Серия
• «Естественные, общественные науки»

стициях в СССР». Отныне зарубежные инвесторы получили право создавать предприятия со 100-процентным иностранным капиталом. Последней попыткой советской власти углубить внешнеэкономическое сотрудничество на разных уровнях стало объединение в ноябре 1991 г. министерств иностранных дел и внешней торговли в Министерство внешних сношений (МВС) СССР с возложением на него вопросов внешней торговли. Правда, данное решение какой-либо большой роли уже не играло. После провала «августовского путча» в 1991 г. распад СССР надвигался с неумолимой быстротой. Причем самую активную роль в этом играли власти России во главе с президентом Б. Н. Ельциным.

Ликвидация СССР и провозглашение создания Содружества Независимых Государств создали принципиально новую ситуацию на постсоветском пространстве. Многие традиционные связи распались, резко сократилось производство. Необходимо было налаживать разрушенное и устанавливать новые контакты. Причем теперь упор в значительной степени был сделан на регионы. Крылатыми стали слова первого российского президента Б. Н. Ельцина, обращенные к регионам: «Берите суверенитета, сколько сможете». В известной степени это относилось и к внешнеэкономической деятельности. Однако для воплощения программы в жизнь субъекты РФ нуждались в соответствующем законодательстве. Его разработка на федеральном и региональном уровне заняла целое десятилетие. Одной из главных причин такого положения дел было то, что для МИДа и других структур, имеющих отношение к международной деятельности, да и для регионов такой род законотворчества оказался совершенно новым [22].

Точкой отсчета в формировании правовой базы международных отношений регионов стал Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина № 213 от 15 ноября 1991 г. «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР». Документ лежал в русле радикальной рыночной реформы, начатой либералами. Хотя во главе Правительства России, провозгласившего этот курс, с ноября 1991-го по июнь 1992 г. стоял президент Б. Ельцин, самое серьезное влияние на принимаемые решения оказывал его ближайший помощник Е. Т. Гайдар, который с ноября 1991-го до ухода из кабинета в декабре 1992 г. занимал важные должности в правительстве и даже недолгое время исполнял обязанности главы кабинета. Указ № 213 наделял все зарегистрированные в России хозяйствующие субъекты правом на осуществление экспортно-импортных операций, в том числе посредническую деятельность, без специальной регистрации как участника внешнеэкономической деятельности. Указ предлагал в течение месяца отменить ограничения на бартерные операции во внешней торговле и на участие граждан и юридических лиц в проведении валютных операций через уполномоченные банки. Кроме того, все заинтересованные субъекты получали право на создание совместных предприятий с участием зарубежного капитала. Во исполнение этого указа был принят ряд нормативных документов. Фактически этим указом в стране была де-факто ликвидирована государственная монополия внешней торговли, существовавшая с 1918 г. Одновременно уходило в небытие централизованное планирование внешнеэкономических связей. На смену пришли общепринятые в мировой практике национальные инструменты регулирования внешней торговли: лицензирование, контингентирование, таможенная политика [22].

31 марта 1992 г. стало новой вехой в укреплении правомочности российских регионов, когда правительство РФ Б. Ельцина — Е. Гайдара пошло на подписание трех федеральных договоров. Первый договор разграничивал предметы ведения и полномочия между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе России. Второй оговаривал полномочия федерального центра и автономных областей и округов. В ряду соглашений марта 1992 г. для нашей работы наибольшее значение имел третий договор — «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга». Второй пункт третьей статьи этого документа объявлял все области РФ самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей. Расширяя права регионов, центр, правда, оставлял за собой важные функции. Субъекты РФ могли вести международную деятельность лишь в случае соблюдения Конституции и законов Российской Федерации. Кроме того, они должны были координировать международные и внешнеэкономические отношения с федеральными органами государственной власти [17].

Правовая самостоятельность субъектов РФ в вопросах внешнеэкономических связей была закреплена в новой редакции Конституции РФ, принятой 21 апреля 1992 г. [5]. В том же году, 19 октября, президент Б. Н. Ельцин подписал распоряжение «О координации международной и внешнеэкономической деятельности субъектов РФ». В нем говорилось о необходимости установления единообразного порядка в деле координации международной и внешнеэкономической деятельности для субъектов РФ, осуществляющих международную деятельность на основе единого федерального законодательства, в соответствии с приоритетными направлениями развития российской внешней политики и ее общими принципами [23, с. 57].

Следующим шагом в расширении прав субъектов РФ в международной области стал новый Таможенный кодекс, вступивший в силу 21 июля 1993 г.

Осенью 1993 г. в истории России произошел очередной коренной перелом. В острой политической борьбе с противниками радикальных преобразований во главе с российской компартией верх одержали Ельцин и его сторонники. Курс на реформы сохранился. Итоги победы закрепила Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г. Основным законом страны не обошел вниманием и вопросы внешних связей регионов. Статьи 71 и особенно 72 Конституции прямо предусматривают возможность субъектов РФ вести международную деятельность (подробнее см.: [23, с. 45—47]). При этом вопрос координации межрегионального взаимодействия вновь был отнесен к совместному ведению РФ и ее субъектов [3; 23, с. 46—48].

К 1993 г. в России ясно обозначилась еще одна проблема — разницей в подходах к международному сотрудничеству разных регионов. Некоторые из них стали достаточно широко толковать свои полномочия и создавать структуры, конкурирующие с Министерством иностранных дел РФ. Проблеме частично удалось снять созданием в 1993 г. в МИДе Департамента по связям с субъектами Федерации, парламентом и общественными объединениями (ДСПО МИД России). В целях дальнейшего совершенствования механизма координации в сфере зарубежных контактов с 15 декабря 1994 г. при министерстве начал работу Консультативный совет (КС) субъектов Федерации по международным и внешнеэкономическим связям [22]. КС был при-

Серия

• «Естественные, общественные науки»

зван координировать действия российских регионов в отношениях с иностранными партнерами и международными организациями, оказывать регионам консультативную, информационную и методологическую помощь в развитии международных и внешнеэкономических связей. О важности Совета для федеральных органов власти ясно свидетельствует тот факт, что в момент образования его председателем стал первый заместитель министра иностранных дел России. Функции секретариата КС были возложены на ДСПО МИД РФ. Членами КС стали лица, рекомендованные главами субъектов Российской Федерации. Обычно это были их первые заместители, министры или руководители департаментов, занимающиеся вопросами внешней деятельности регионов [3]. С созданием Консультативного совета многие вопросы, связанные с внешней деятельностью субъектов Федерации во второй половине 1990-х гг., стали решаться значительно быстрее. Улучшились взаимная координация, информированность, рабочие контакты с департаментами МИДа на уровне руководства регионов [22].

Отмеченные выше изменения в структуре и функциях МИДа РФ закрепил Указ Президента России от 14 марта 1995 г. [22]. В документе, в частности, в качестве одной из основных задач министерства была указана «координация международных связей субъектов Российской Федерации». Следующим шагом стало принятие летом — осенью двух новых федеральных законов — «О международных договорах Российской Федерации» и «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» [6, с. 10—11]. Первый предусматривал согласование международных договоров РФ с ее субъектами, в случае если соглашения затрагивали вопросы, относящиеся к ведению региона. Второй закон более детально, чем предшествовавшие документы, прописывал права, обязанности и ответственность центральных органов государственной власти России и органов государственной власти субъектов РФ в области внешнеторговой деятельности. Закон также содержал разделы о разграничении вопросов, находящихся в компетенции Российской Федерации, субъектов Федерации и в их совместном ведении. В рамках этих разграничений органы управления субъектов Федерации получили право предоставлять гарантии участникам внешнеторговой деятельности, создавать страховые и залоговые фонды в этой сфере для привлечения в регион иностранных кредитов и займов. Закон также гарантировал субъектам РФ право самостоятельно заключать внешнеэкономические соглашения с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, содержать своих представителей при торговых представительствах в России и за рубежом. Правда, закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» тут же вновь оговаривал, что соглашения субъектов РФ с иностранными партнерами не должны противоречить Конституции, законодательству и международным обязательствам РФ.

Последняя оговорка была направлена на минимизацию опасности дезинтеграции страны. Расширение прав и полномочий регионов таило в себе серьезную угрозу — рост сепаратизма, что было чревато самыми трагическими последствиями. Представляется, что такое положение отчасти укрепляла статья 5 Конституции РФ, определявшая республики Федерации через термин государства. Правда, многие правоведы оспаривают обоснованность этого опасения [23, с. 14—18]. Для минимизации укрепления центробежных тенденций власти России решили сохранить и даже укрепить ведущую роль

центра в лице МИДа в обеспечении международных связей регионов. В марте 1996 г. Президент РФ Б. Ельцин издал Указ «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации». Указом устанавливалось, что МИД является главным органом в области отношений с иностранными государствами, международными организациями, осуществляет общий контроль за выполнением международных обязательств Российской Федерации, координирует деятельность других федеральных органов исполнительной власти и международные связи субъектов РФ. Последние должны информировать в установленном порядке МИД об осуществляемых международных связях: официальных поездках, консультациях и переговорах, подписанных документах и других договоренностях. Указ также предписывал, что проекты соглашений субъектов Федерации с субъектами, административно-территориальными образованиями иностранных государств (включая проекты соглашений об открытии представительств) подлежат согласованию с МИДОм [22].

Курс на защиту интересов центра (или вертикали власти) приобрел новое дыхание с отходом Б. Н. Ельцина от активной политической деятельности и занятием кресла премьер-министра 16 августа 1999 г. В. В. Путиным. Вскоре были обнародованы два новых федеральных закона, нацеленных на укрепление роли центра — «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» и «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Вскоре правительство РФ дополнило законы подзаконными (нормативными) актами [23, с. 75].

Политическая линия на централизацию окрепла после того, как с 31 декабря 1999 г. В. Путин стал и. о. Президента РФ, и особенно с избранием его главой страны в мае 2000 г.

Контроль за внешнеэкономической деятельностью субъектов РФ усилился с утверждением главой России 21 декабря 2000 г. Положения о Министерстве экономического развития и торговли РФ. Через два дня указом президента был отменен указ Б. Ельцина № 213 от 15 ноября 1991 г. К этому времени в стране утвердился механизм регулирования экономических связей с использованием инструментов и методов, характерных для стран с рыночной экономикой.

Отражением этих изменений при одновременном сохранении значения федеральных структур стало принятие 21 ноября 2003 г. Федерального закона № 164 «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности». Документ определял полномочия РФ и ее субъектов в области внешнеэкономических связей и был нацелен не только на обеспечение благоприятных условий для внешней торговли, но и на защиту экономических и политических интересов Российской Федерации [19]. Эта линия была закреплена в редакциях данного закона, которые были приняты Государственной думой Федерального собрания в августе 2004-го, июле 2005-го и феврале 2006 г.

* * *

Законодательная база ведения международной деятельности субъектами Российской Федерации, создаваемая центральными органами власти, о

Серия

• «Естественные, общественные науки»

чем говорилось выше, в полной мере относилась к нашей Ивановской области, оказавшейся после распада СССР в очень сложном положении. Хозяйственные связи с традиционными партнерами, особенно из Средней Азии, поставлявшей в регион хлопок для местных предприятий, оказались нарушены. Пострадало и машиностроение. Как следствие, в области резко сократилось производство. Обострились социальные проблемы. Ивановцам необходимо было в срочном порядке в какой-то форме восстановить разрушенные международные связи и установить новые. Следует заметить, что у местных властей в развитии региональных связей уже имелся определенный опыт, приобретенный на волне общесоюзных реформ конца 1980-х годов. В период «горбачевской перестройки» в области была создана соответствующая инфраструктура: таможня, представительства Росвнешторга и министерства внешнеэкономических связей. Была создана внешнеэкономическая ассоциация «Ивинтерсервис» с правом осуществления экспортно-импортных операций [2, ф. Р-1510, оп. 13, д. 2020, л. 4]. Началась проработка вопроса об открытии

в области представительства Внешэкономбанка [Там же, д. 2190, л. 2]. Тогда же Ивановский облисполком разработал комплексные планы развития внешнеэкономической деятельности Ивановской области. Итогом стали первые международные контакты.

Распад СССР положил конец намеченным программам. За короткое время Ивановская область, благосостояние которой базировалось на промышленном и научном потенциале, оказалась одной из самых неблагополучных в России. В начале 1990-х гг. ситуацию усугубляло весьма пренебрежительное отношение к нашему региону со стороны Москвы.

Как свидетельствуют имеющиеся в распоряжении авторов статьи источники, для местных властей во главе с А. Ф. Лаптевым, который с 1990 г. занимал пост председателя Ивановского облисполкома, а с ликвидацией советской системы и образованием 26 декабря 1991 г. Ивановской губернии сел в кресло губернатора, проблемы региональных международных связей приоритетными явно не были. Из переписки областной администрации с Правительством РФ и министерствами о внешнеэкономических связях видно, что в структуре Ивановской областной администрации не было специального отдела, отвечавшего за международную деятельность. В той или иной мере этими проблемами, а также инвестициями занималось управление экономики и предпринимательства областной администрации. Функции этого органа, согласно известным документам, мало отличались от функций отдела внешних связей главного планово-экономического управления, которое в перестроечные 1980-е гг. было создано при Ивановском облисполкоме.

Отмечая инертность ивановских властей в деле международных связей в начале 1990-х гг., мы должны учитывать, что руководству области в это время было просто не до международных контактов в их широком понимании. В моногородах области с закрытием предприятий тысячи людей потеряли работу и, как следствие, заработок. Перед региональными властями возникла проблема обеспечения элементарного выживания людей. На интересующий нас процесс известное влияние оказывала также унаследованная с советских времен инертность, традиция ожидания ясных указаний и помощи из центра, а Москва в это время, наоборот, стремилась переложить максимум полномочий на регионы. Можно сказать, что на этом этапе лидерами в рас-

ширении интернациональных связей в Ивановской области стали не руководители администрации края, а директора конкретных предприятий, представители общественных и религиозных организаций.

Согласно найденным источникам, первый значительный шаг в становлении законодательной базы международной деятельности в нашем регионе был сделан только в середине 1990-х гг. 26 января 1995 г. вышло постановление местного Законодательного собрания «О защите иностранных инвестиций на территории Ивановской области» [10]. Документ гарантировал инвесторам беспрепятственный перевод за границу доходов от вложений в экономику региона, правовую защиту и стабильное положение. Кроме того, акции предприятий, выкупленные, обмененные, переданные в собственность иностранным инвесторам, являлись их собственностью и не подлежали изъятию. Особое внимание постановление обращало на предприятия приоритетных для края отраслей. Для них устанавливался льготный порядок налогообложения.

Ситуация с правовым обеспечением международной деятельности Ивановской области стала меняться в лучшую сторону с приходом к власти команды В. Н. Тихомирова. Губернаторский пост В. Тихомиров занял 1 февраля 1996 г., а уже 19 числа того же месяца подписал указ «Об изменении структуры аппарата областной администрации», по которому в регионе на первого заместителя главы администрации области возлагались вопросы международного сотрудничества. В круг задач, решаемых этим высокопоставленным чиновником, входила, в частности, координация инвестиционной политики и внешнеэкономических связей. Сама рутинная работа в этом направлении, как позволяют судить источники, оказалась сконцентрированной в отделе промышленной и инвестиционной политики (создан в 1996 г.) и отделе межрегиональных связей, торговли и бытового обслуживания. Последний в 1997 г. был преобразован в отдел внешних связей [2, ф. Р-2500, оп. 1, д. 63, л. 1, 32, 40].

26 марта 1996 г. Законодательное собрание приняло Устав (Основной Закон) Ивановской области [24]. Впервые за все годы существования наш край получил собственное законодательство. Документ, помимо всего прочего, закреплял права региона в сфере международной деятельности. Так, статья 7 гласила: «Область осуществляет международные, внешнеэкономические связи, принимает участие в выполнении международных договоров Российской Федерации в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством». Интерес представляет также статья 52 Устава, которая наделяла губернатора правом представлять Ивановскую область при осуществлении внешнеэкономических связей и подписывать от имени региона международные соглашения. При образовании областной администрации в 1991 г. таких полномочий у губернатора не было.

29 апреля 1997 г. администрация нашего края подписала соглашение о сотрудничестве с Министерством внешних экономических связей Российской Федерации [21]. В нем были определены сферы взаимного сотрудничества: обмен информацией между администрацией Ивановской области и торговыми представительствами Российской Федерации за рубежом; продвижение на зарубежных рынках разработок, товаров, изделий, произведенных предприятиями региона. Кроме того, МВЭС обязывалось привлекать представителей области на международные выставки, оказывать содействие нашему краю в подготовке кадров для работы в сфере международной деятельности. Ива-

Серия

• «Естественные, общественные науки»

новская область, со своей стороны, должна была предоставлять МВЭС необходимую информацию, готовить рекламно-инвестиционные справочники, направлять в министерство на экспертизу разработанные в регионе проекты.

20 мая 1998 г. состоялось еще одно знаменательное событие — заключен договор между Президентом РФ Б. Н. Ельциным и главой администрации области В. Н. Тихомировым «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Ивановской области» [16]. Статья 13 договора подтвердила право области выступать самостоятельно и по поручению органов государственной власти Российской Федерации участником международных и внешнеэкономических связей, если это не противоречит Конституции России, федеральному законодательству и международным договорам страны. Область также получила право заключать соответствующие договоры (соглашения) с административно-территориальными единицами иностранных государств, субъектами иностранных федераций и иными иностранными партнерами в соответствии с федеральным законодательством. При этом в документе оговаривалось, что примат в решении вопросов международных связей остается за федеральными законами, что вся международная деятельность области будет координироваться центральными органами государственной власти РФ.

В целях координации деятельности по реализации соглашений о взаимовыгодном сотрудничестве и дальнейшего развития экономических связей с сырьевыми регионами 19 марта 1998 г. выходит постановление о создании при главе администрации Ивановской области межотраслевого координационного центра внешнеэкономических связей с сырьевыми регионами России и странами ближнего зарубежья [18].

Следующим актом, существенно продвинувшим область в деле расширения законодательной базы для интернациональных связей, стало постановление В. Тихомирова № 280 от 10 апреля 1998 г. «Об утверждении положения о порядке осуществления международных связей в Ивановской области» [20]. Документ был принят в соответствии с Указом Президента России № 375 от 12 марта 1996 г. «О координирующей роли МИД РФ в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации». Постановлением губернатора устанавливался единый порядок осуществления международных связей администрацией Ивановской области, ее органами и подчиненными им предприятиями, организациями и учреждениями. Целью документа провозглашалось упорядочение международных контактов региона, повышение их эффективности и предотвращение бесконтрольной утечки сведений, составляющих коммерческую и государственную тайну. Кроме того, постановление подтверждало право заместителя главы администрации края координировать международные связи области через подчиненный ему отдел внешних связей. Ответственным за исполнение программы пребывания иностранных делегаций в регионе становился отдел внешних связей. В целях сохранения единой системы работы с зарубежными представителями администрация выработала рекомендации органам местного самоуправления, которые вступали в международные связи. Документ определял систему расходования средств на прием и обслуживание иностранных делегаций, по окончании визита следовало подготовить подробный отчет о составе делегации, итогах работы с ней, а также выводы и предложения. Важной частью постановления № 280 стало разграничение полномочий разных должностных

лиц в отношении иностранцев, посещающих наш край. Согласно документу, глава администрации или должностное лицо, его замещающее, принимали лишь представителей высшего руководства и членов правительств зарубежных государств, а также дипломатов в ранге посла или посланника. Со всеми остальными иностранцами, ходатайствующими о встрече с руководителями области, встречались заместитель главы администрации, руководитель аппарата администрации или начальник отдела внешних связей. Документ также ясно прописывал вопросы, касающиеся зарубежных командировок, порядка передачи информационных материалов иностранным делегациям, отдельным представителям и международным организациям. Кроме того, постановление устанавливало следующие обязанности отдела внешних связей: в течение года вести учет всех документов, касающихся международной деятельности, а также подписанных от имени области международных соглашений, договоров или контрактов, а по итогам года предоставлять главе администрации и председателю областного Законодательного собрания отчет о состоянии международных связей региона и предложения по их дальнейшему развитию.

В 2000 г. Ивановская область заключила с центром новый договор «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Ивановской области» [9]. Однако никаких изменений в вопросах международной деятельности он не содержал. В том же году областной администрацией был подготовлен отдельный проект: «Соглашение № 11 между Правительством Российской Федерации и Администрацией Ивановской области о разграничении полномочий в области международной деятельности и внешнеэкономических связей» [2, ф. Р-2500, оп. 1, д. 1071, л. 6]. МИД России проект рассмотрел и отправил на доработку. Дальнейшая судьба документа авторам статьи неизвестна. Однако следует заметить, что в деле разграничения полномочий между центром и регионами наша область была далеко не в лидерах. Так, правительство Оренбургской области заключило с Правительством РФ соглашение о разграничении полномочий в вопросах международной деятельности и внешнеэкономических связей еще 9 декабря 1995 г. [15], а администрация Сахалинской области — 29 мая 1996 г. [14].

В 2000 г. губернатором нашего края стал В. И. Тихонов. Следует отметить, что новые власти (при кажущейся полярности политических взглядов их главы, члена высшего руководства КПрФ, и центральных властей) в деле расширения международных контактов региона продолжили курс прежней проправительственной администрации В. Тихомирова. Более того, на первых порах даже активизировали политику в данном направлении. Отметим основные вехи на этом пути.

11 апреля 2001 г. В. Тихонов указом № 98-УГ учредил при губернаторе Ивановской области консультативный совет (КС) по вопросам внешнеэкономической деятельности и иностранным инвестициям [11]. Решение было принято по рекомендации Консультационного совета по иностранным инвестициям при Президенте РФ. Целями КС при главе нашей области провозглашались активизация работы по улучшению инвестиционного климата в регионе и привлечение зарубежных инвестиций. В контексте этого решения было переименование 30 мая 2001 г. отдела внешних связей в отдел внешних связей и инвестиций.

Летом 2001 г. губернские власти предприняли новые шаги в деле расширения законодательной базы внешнеэкономической деятельности реги-

она. 4 июля в свет вышло постановление правительства нашего региона «О концепции развития внешнеэкономической деятельности Ивановской области на период до 2003 года» [12], а 1 июля — решение о разработке проекта закона «О порядке осуществления международных связей в Ивановской области» [13].

При осуществлении намеченных руководством нашего края краткосрочных и среднесрочных проектов особые надежды возлагались на созданное в области управление внешних связей, инвестиций и туризма [4].

Отмеченные выше новации в деле интернациональных контактов, предпринятые администрацией В. И. Тихонова, в значительной степени объясняются личными связями губернатора. В частности, его поддерживал председатель комитета Государственной думы по международным делам Д. О. Рогозин. К тому же В. Тихонов сам имел большой опыт работы с зарубежными партнерами и понимал, что теоретически за счет международных отношений можно повысить благосостояние области. Однако следует здесь же заметить, что в большинстве своем начинания администрации В. Тихонова не получили серьезного продолжения. Так, например, управление внешних связей, инвестиций и туризма при главном управлении экономического развития и торговли Ивановской области прекратило свое существование уже в 2002 г., а отдел внешних связей и инвестиций ликвидировали в 2003 г. [2, ф. Р-2500, оп. 1, д. 1445, л.105].

* * *

В заключение отметим следующее. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. в России была сформирована правовая база для развития регионами международных связей. Ивановская область в силу объективных и субъективных причин включилась в этот процесс позже ведущих регионов страны. Более того, многое из провозглашенного ее руководителями оказалось слабо проработано. Одной из причин такого положения, по мнению авторов публикации, стало медленное обновление кадрового состава, отсутствие в управленческих структурах региона достаточного количества молодых, квалифицированных и креативных чиновников, которые по своим функциям более технократы, чем политики. Однако, несмотря на отмеченные проблемы, в начале XXI в. в Ивановской области появилась правовая база для ведения широкомасштабной международной деятельности, которая не противоречила федеральному законодательству.

Библиографический список

1. Горемыкин В. А., Суркова Е. А. Планирование внешнеэкономической деятельности предприятия // Справочник экономиста. 2007. № 1. URL: http://www.profiz.ru/se/1_2007/planvneshdeyat (дата обращения: 10.03.2010).
2. Государственный архив Ивановской области.
3. Демин В. Н. Координация международной и внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации // Дипломатический вестник. 2003. Декабрь. URL: http://www.mid.ru/dip_vest.nsf/19c2fdee616f12e54325688e00486a45/9518f02d1eee567fc3256e36004cc7d8?OpenDocument (дата обращения: 11.03.2010).

4. Дунаева Т. Мы покупаем больше, чем продаем // Курсив. 2002. 20 сент. URL: <http://www.cursiv.ru/?article=349> (дата обращения: 10.03.2010).
5. Конституция Российской Федерации (1978) : (в ред. от 21 апр. 1992 г.). URL: http://www.constitution.garant.ru/DOC_894081.htm (дата обращения: 15.09.2010).
6. Курбаналиев А. З. Республика Дагестан в системе международных и внешнеэкономических связей. Н. Новгород : РАСТР-НН, 2009. 160 с.
7. Луганский А. В. Региональная периодическая печать как источник по истории международной деятельности руководства Ивановской области в 2001—2005 гг. // Молодая наука в классическом университете : тез. докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 20—24 апр. 2009 г. : в 8 ч. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. Ч. 4. С. 82—83.
8. Луганский А. В. Международные связи Ивановской области в 1991—1996 годах // Молодая наука в классическом университете : тез. докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 20—30 апреля 2010 г. : в 8 ч. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. Ч. 4. С. 56—57.
9. О договоре о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Ивановской области : постановление Законодательного собрания Ивановской области № 333 от 2 ноября 2000 г. URL: http://ivanovo.news-city.info/docs/sistemsl/dok_peghgz.htm (дата посещения: 16.10.2010).
10. О защите иностранных инвестиций на территории Ивановской области : постановление Законодательного собрания Ивановской области № 23 от 26 января 1995 г. URL: http://ivanovo.news-city.info/docs/sistemaw/dok_peywwqz.htm (дата обращения: 16.10.2010).
11. О консультативном совете по вопросам внешнеэкономической деятельности и иностранным инвестициям при Губернаторе Ивановской области : указ губернатора Ивановской области № 98 от 11 апреля 2001 г. URL: http://ivanovo.news-city.info/docs/sistemsk/dok_oedgei.htm (дата обращения: 15.03.2010).
12. О концепции развития внешнеэкономической деятельности на период до 2003 года : постановление правительства Ивановской области № 61 от 4 июля 2001 г. URL: http://ivanovo.news-city.info/docs/sistemsk/dok_oeqlbi.htm (дата обращения: 16.10.2010).
13. О плане заседаний правительства Ивановской области на 3 квартал 2001 года : постановление правительства Ивановской области № 63-п от 10 июля 2001 г. URL: http://www.pravoteka.ru/docs/ivanovskaya_oblast/24906.html (дата обращения: 16.10.2010).
14. О разграничении полномочий в области международной деятельности и внешнеэкономических связей : соглашение между правительством Российской Федерации и администрацией Сахалинской области от 29 мая 1996 г. URL: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_57128.html (дата обращения: 12.03.2010).
15. О разграничении полномочий в области международной деятельности и внешнеэкономических связей : соглашение между Правительством Российской Федерации и правительством Оренбургской области № 4 от 9 декабря 1995 г. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_35906.html (дата обращения: 12.03.2010).
16. О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Ивановской области : договор Президента РФ и главы администрации Ивановской области от 20 мая 1998 г. URL: http://ivanovo.news-city.info/docs/sistemso/dok_perfjz.htm (дата обращения: 12.05.2010).

17. О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга : федер. договор от 31 марта 1992 г. URL: http://ivanovo.news-city.info/docs/sistemae/dok_peqtji.htm (дата обращения: 12.03.2010).
18. О создании межотраслевого координационного центра внешнеэкономических связей с сырьевыми регионами России и стран ближнего зарубежья : постановление главы администрации Ивановской области № 218 от 19 марта 1990 г. URL: http://ivanovo.news-city.info/docs/sistemso/dok_percbo.htm (дата обращения: 16.10.2010).
19. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности : федер. закон № 164 от 21 ноября 2003 г. URL: <http://www.nalogi.consultant.ru/cgi/online/cgi?req=doc;base=NBU;n=58315> (дата обращения: 12.03.2010).
20. Об утверждении положения о порядке осуществления международных связей в Ивановской области : постановление главы администрации Ивановской области № 280 от 10 апреля 1998 г. URL: <http://www.ivlaws.ru/index.php?ds=161494> (дата обращения: 16.10.2010).
21. Об утверждении соглашения о сотрудничестве между Министерством внешнеэкономических связей Российской Федерации и администрацией Ивановской области : закон Ивановской области № 27-03 от 07.10.1997 г. URL: http://ivanovo.news-city.info/docs/sistemsp/dok_peraxb.htm (дата обращения: 16.10.2010).
22. *Столяров М. В.* Россия в пути. Новая Федерация и Западная Европа. URL: <http://www.stoliarov.ru/index.php?source=monographies/book2/book2.htm> (дата обращения: 15.04.2010).
23. *Толстых В. Л.* Международная деятельность субъектов Российской Федерации. Томск : Томск. гос. ун-т, 2002. 160 с.
24. Устав (Основной Закон) Ивановской области от 26 марта 1996 года. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/62073> (дата обращения: 10.03.2010).
25. *Чернопёров В. Л.* Из истории международных связей Ивановской области на постсоветском пространстве // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость : материалы междунар. науч. конф., Иваново — Плётс, 15—16 мая 2008 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 212—215.
26. *Чернопёров В. Л.* Из истории связей вузов Ивановской области с высшими учебными заведениями и научно-производственными центрами Германии в 1990-м — начале 2000 г. // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер. «Естественные, общественные науки». 2009. № 4. Право. Социология. Международные отношения. С. 58—69.
27. *Чернопёров В. Л.* Ивановская областная дума IV созыва в развитии международных связей региона : (по материалам прессы) // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете : ИвГУ — 2010 : сб. ст. по итогам науч. конф., Иваново, 2—10 февраля 2010 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. С. 233—238.

АННОТАЦИИ

О. И. Годунов

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИЮ

Рассмотрены некоторые проблемные вопросы совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за коррупцию. Проведен анализ эффективности применения уголовно-правовых санкций за коррупционные преступления в сравнении с новыми видами санкций, предложенными законопроектом.

Ключевые слова: санкции, коррупция, ответственность, кратный штраф, лишение свободы, заработная плата, иной доход осужденного.

О. Ю. Лебедева

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ И США

Статья посвящена сравнительному анализу законодательства, правоприменительной практики и правовой доктрины России и США в области установления отцовства в судебном порядке, исследованию правовых проблем установления отцовства.

Ключевые слова: установление отцовства, установление происхождения детей, генетическая экспертиза.

С. А. Орлова

ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ КИЕВА И ОДЕССЫ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (по материалам сенаторских ревизий А. М. Кузминского и Е. Ф. Турау 1905 г.)

Дается характеристика участия высших учебных заведений Киева и Одессы в первой русской революции на основе материалов малоизученных сенаторских ревизий А. М. Кузминского и Е. Ф. Турау 1905 года.

Ключевые слова: высшие учебные заведения в период первой русской революции, сенаторские ревизии, А. М. Кузминский, Е. Ф. Турау.

И. Е. Павлова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА БРАКА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Рассматриваются отдельные аспекты регулирования института брака у славян до принятия христианства, некоторые брачные обряды, а также переход регулирования брачных отношений к церкви, понятие брака, его заключение и расторжение в Древней Руси.

Ключевые слова: брак, брачные обычаи, форма брака, понятие брака, условия вступления в брак, брачный возраст, прекращение брака.

И. Б. Степанова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ИТОГИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Анализируется новая редакция уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 35 и 210 УК РФ, регламентирующих понятие преступного сообщества и устанавливающих ответственность за его организацию. Отмечается ряд спорных положений нового закона, которые могут отрицательно сказаться на результативности правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: организованная преступность, преступное сообщество, организованные формы соучастия.

И. В. Чебыкин

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛОББИЗМА КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ

Рассматривается вопрос о правовом регулировании лоббистской деятельности. Лоббизм — явление не однозначное и в Российской Федерации воспринимаемое часто только с отрицательной стороны. Автор же стремился на основе изучения лоббистской деятельности в зарубежных странах (которая там законодательно урегулирована) найти в лоббизме и положительные черты. Их, по его мнению, необходимо использовать в любом демократическом государстве.

Ключевые слова: лоббизм, законодательное регулирование, история, определение.

З. А. Агеева

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ АТТРАКЦИИ

Рассматриваются личностные детерминанты аттракции, анализируется ее гендерная специфика.

Ключевые слова: аттракция, объект аттракции, личностные факторы, самооценка, феминность, маскулинность, гендерные стереотипы.

Е. В. Лукьянова, И. Ю. Лукьянов

ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ У СТУДЕНТОВ С НИЗКИМ УРОВНЕМ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Выявлены взаимосвязи между личностным адаптационным потенциалом и психическими свойствами личности, механизмами психологической защиты и моделями преодолевающего поведения. Определены стратегии защиты и структура копинга у студентов с низким адаптационным потенциалом.

Ключевые слова: копинг-стратегия, психологическая защита, личностный адаптационный потенциал, психические свойства личности.

Н. В. Попель, Е. А. Засухина

РОЛЬ СЕМЬИ В ВОЗНИКНОВЕНИИ СТРАХОВ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Анализируются страхи младших школьников и особенности детско-родительских отношений, влияющих на их возникновение.

Ключевые слова: страхи, детско-родительские отношения, теории страхов, методики изучения детских страхов.

М. Е. Раскумандрина, Т. Г. Матисен

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЮНОШЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ ЛИЧНОСТИ

Рассматриваются особенности саморегуляции лиц юношеского возраста с наличием диагнозов «расстройство личности» и «органическое расстройство личности» в сравнении с группой психически здоровых юношей.

Ключевые слова: саморегуляция, социальная адаптация, волевые свойства личности.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

С. В. Нилова

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНЕДРЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СВОБОДНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматриваются возможности и стратегия развития информационно-компьютерных технологий. Анализируются особенности использования свободного программного обеспечения в системе образования и развития проектной деятельности. Статья является продолжением серии публикаций о проблемах информатизации образования и может быть интересна специалистам, участвующим в стратегии развития региональной системы образования на основе информационно-компьютерных технологий.

Ключевые слова: свободное программное обеспечение, программное обеспечение, система образования, учебный процесс, проект, инновационный потенциал, инновация.

Е. В. Мельникова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МОНИТОРИНГ — ИНФОРМАЦИОННАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ ШКОЛЫ

Рассматривается понятие образовательного мониторинга как основного компонента образовательной информационной среды школы, выделяются функции мониторинга и отличительные особенности программ мониторинга качества образования, а также анализируется структура образовательного мониторинга.

Ключевые слова: образовательная информационная среда школы, образовательный мониторинг, мониторинговая система, функции мониторинга, программа мониторинга.

С. Л. Страинов

ИЗ СЛОВАРЯ «АКТУАЛЬНЫЕ МЕДИАПОНЯТИЯ»: ПРОФИЛЬНОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ, МАССОВОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ, ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ, МЕДИАКРИТИКА

Дается истолкование двух основных форм медиаобразования и двух разделов науки о журналистике. Данная публикация представляет собой часть реализуемого автором проекта характеристики структуры и инфраструктуры современных масс-медиа.

Ключевые слова: медиаобразование, задачи обучения, наука о журналистике, теоретические проблемы, критическое осмысление и оценка.

Е. Е. Ломакина

**РЕКЛАМА ТАБАКА И ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ:
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ПРАВИЛ**

Рассматриваются законодательные ограничения на рекламу табака и табачной продукции в России и за рубежом. Выявляются отличия рекламы табака и рекламы курения. Демонстрируются возможности распространения рекламы табака в обход законодательных ограничений.

Ключевые слова: реклама табака и табачных изделий, законодательные ограничения, реклама курения.

А. В. Луганский, В. Л. Чернопёров

**ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА
РУКОВОДСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И АДМИНИСТРАЦИЕЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СУБЪЕКТОВ РФ**

В статье, основанной на законодательных и нормативных актах, делопроизводственных документах и материалах прессы, дан исторический обзор формирования руководством Российской Федерации и администрацией Ивановской области законодательной базы для международной деятельности регионов в конце XX — начале XXI века.

Ключевые слова: законодательство, международные отношения, субъекты РФ, Ивановская область, администрация, губернатор.

SUMMARIES

O. I. Godunov

ON THE PROBLEM QUESTIONS OF IMPROVEMENT OF CRIMINALLY-LEGAL NORMS CONCERNING RESPONSIBILITY FOR CORRUPTION

In the article some problem questions of minimization of corruption criminality are considered. The analysis of efficiency of application of operating criminally-legal sanctions for corruption crimes in comparison with the new kinds of sanctions is carried out.

Key words: sanctions, corruption, responsibility, multiple penalty, imprisonment, salary, other income of the condemned.

O. Yu. Lebedeva

JURIDICAL DETERMINATION OF PATERNITY: COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGISLATION IN RUSSIA AND THE USA

The present article is devoted to the comparative analysis of legislation in Russia and the USA, law enforcement practice and legal doctrine in the area of juridical paternity determination, research of legal problems of paternity determination.

Key words: paternity determination, determination parentage, genetic test.

S. A. Orlova

KIEV AND ODESSA'S HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION (on the basis of little-studied materials of the senators Kuzminsky and Turau's inspections in 1905)

The article deals with the participation of Kiev and Odessa's higher educational institutions in the 1st Russian Revolution. The research was held on the basis of little-studied materials of the Senators Kuzminsky and Turau's inspections in 1905.

Key words: higher educational institutions in the First Russian Revolution, Senator's inspections, A. M. Kuzminsky, E. F. Turau.

I. E. Pavlova

SOME ASPECTS OF THE INSTITUTE OF MARRIAGE REGULATION IN ANCIENT RUSSIA

In the article the author analyzes the main aspects of institute of marriage regulation of the Slavs before taking the Christianity (some conjugal rites, etc.).

2011. Вып. 1. Право. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

Then the conversion of marriage regulation to the church is shown. And definition of marriage, rules of marriage and divorce in Ancient Russia are given.

Key words: marriage, conjugal rites, form of marriage, definition of marriage, rules of marriage, age of consent, divorce.

I. B. Stepanova

LEGAL REGULATION OF THE COMBAT WITH ORGANIZED CRIME: SUMMARY OF REFORM

The author examines the new edition of the criminal law rules regulating the definition of criminal community and criminalizing its creation (articles 35 and 210 of the criminal code of the RF). There are some controversial provisions of the new criminal legislation that can negatively affect the effectiveness of the enforcement.

Key words: organized crime, criminal community, organized forms of complicity.

I. V. Chebykin

THEORETICAL BASIS OF LOBBYISM AS POLITICAL-LEGAL PHENOMENON

The question of legal regulation of lobbyist activity is considered in the article. Lobbyism is not unequivocal phenomenon and in the Russian Federation it is perceived often only from the negative side. The author is aimed at finding positive features in lobbyism on the basis of studying lobbyist activity in the foreign countries (which it is legislatively settled there). This rational grain, in the opinion of the author, is necessary to use in any democratic state.

Key words: lobbyism, legal regulation, history, term.

Z. A. Ageyeva

DIFFERENTIAL ASPECTS OF INTERPERSONAL ATTRACTION

The determinants of attraction are considered in the article and their gender specificity is discussed.

Key words: attraction, object of attraction, personal factors, self-appraisal, femininity, masculinity, gender stereotypes.

E. V. Lukyanova, I. Yu. Lukyanov

PROTECTIVE AND COPING BEHAVIOR AMONG STUDENTS WITH LOW ADAPTIVE CAPACITY

The correlation between personality and adaptive capacity is associated with mental properties of personality, with psychological defense mechanisms and models of behavior transcends. Security policy and the structure of coping among students with low adaptive capacity are defined.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

Key words: coping-strategy, psychological defense, personal adaptive capacity, mental personality traits.

N. V. Popel', E. A. Zasukhina

ROLE OF FAMILY IN THE PROCESS OF FEARS' OCCURRENCE AMONG YOUNGER PUPILS

Fears of younger pupils and features of relations between parents and children and influence of these relations on their occurrence are analyzed in the article.

Key words: fears, relations between parents and children, theory of fears, methods of research of child's fears.

M. E. Raskumandrina, T. G. Matisen

PECULIARITIES OF SELF-REGULATION AMONG TEENAGERS WITH PERSONALITY DEVELOPMENT ABNORMALITIES

The article describes the results of investigation of self-regulation features of teenagers with personality development abnormalities. Characteristics of their social adaptation, role of different factors in the development of personality disorders are determined.

Key words: self-regulation, social adaptation, volitional features of the personality.

S. V. Nilova

INNOVATIVE POTENTIAL OF ADOPTION AND USE OF THE FREE SOFTWARE IN THE EDUCATION SYSTEM

This publication is one out of a whole series devoted to the problems of introducing IT-technologies in the field of education. The author looks into the opportunities and strategies for IT-development. Some of the special features are the use of freeware within the education system and projects' development. The article may be of interest to experts working with strategies of regional education system development, based on IT-advancement.

Key words: free software, software, education system, educational process, project, innovative potential, innovation.

E. V. Melnikova

EDUCATIONAL MONITORING AS INFORMATIONAL BASIS OF FORMING OF EDUCATIONAL INFORMATION ENVIRONMENT AT SCHOOL

The article treats the concept of educational monitoring as the main component of educational information environment at school. It describes the monitoring

functions and peculiarities of programmes for education quality monitoring as well as considers the structure of educational monitoring.

Key words: educational information environment at school, educational monitoring, monitoring system, monitoring functions, programme of monitoring.

S. L. Strashnov

**FROM THE DICTIONARY «ACTUAL MEDIA-NOTIONS»:
TYPE MEDIA-EDUCATION, MASS-MEDIA EDUCATION,
THEORY OF JOURNALISM, MEDIA-CRITICISM**

Interpretation of two basic forms of media-education and two sections of science about journalism is given in the article. This paper is a fragment of the author's project of descriptions of structure and infrastructure of modern mass-media.

Key words: media-education, teaching goals, journalism science, theoretical problems, critical comprehension and estimation.

E. E. Lomakina

**THE ADVERTISING OF TOBACCO AND TOBACCO PRODUCTS:
LEGISLATIVE RESTRICTIONS AND EXCEPTIONS**

The article deals with the legal restrictions on tobacco advertising in Russia and abroad. The work reveals differences between tobacco advertising and promotion of smoking. Also it demonstrates the possible ways to circumvent legal restrictions of tobacco advertising.

Key words: advertising of tobacco and tobacco products, legal restrictions, promotion of smoking.

A. V. Lugansky, V. L. Chernopyorov

**FROM THE HISTORY OF FORMATION OF INTERNATIONAL
ACTIVITY LEGISLATIVE BASIS OF THE RF SUBJECTS
AT THE END OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURY
BY THE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND IVANOVO REGION**

The article which is based on legal and regulatory acts, file management documents, materials from Mass Media deals with the review of the history of creation by the authorities of the Russian Federation and Ivanovo region of the legal basis for the region's international activities at the end of the XX — beginning of the XXI century.

Key words: legislation, international relations, subjects of the RF, Ivanovo region, administration, governor.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

Сведения об авторах

АГЕЕВА кандидат психологических наук,
Зоя Александровна доцент кафедры социальной психологии,
Ивановский государственный университет.
(4932) 32-74-52

ГОДУНОВ кандидат юридических наук,
Олег Иванович старший преподаватель
кафедры уголовного права и процесса,
Ивановский государственный университет.
(4932) 32-77-08

ЗАСУХИНА студентка 5-го курса специальности психология,
Елена Александровна Ивановский государственный университет.
(4932) 41-29-71

ЛЕБЕДЕВА кандидат юридических наук,
Ольга Юрьевна старший преподаватель кафедры
гражданского права, процесса и основ
предпринимательской деятельности,
Ивановский государственный университет.
olchi-k@yandex.ru

ЛОМАКИНА кандидат филологических наук,
Елена Евгеньевна доцент кафедры журналистики и рекламы,
Ивановский государственный университет.
el.lom@mail.ru

ЛУГАНСКИЙ аспирант кафедры новой, новейшей истории
Андрей Владимирович и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
AVL2008@yandex.ru

ЛУКЬЯНОВ кандидат биологических наук, доцент
Игорь Юрьевич кафедры физиологии человека и животных,
Ивановский государственный университет.
lev4932@mail.ru

ЛУКЬЯНОВА старший преподаватель
Елена Валентиновна кафедры общей и педагогической психологии,
Ивановский государственный университет.
lev4932@mail.ru

МАТИСЕН врач-психиатр высшей категории,
Татьяна Германовна ГУЗ ОКПБ «Богородское», г. Иваново.
raskym@mail.ru

МЕЛЬНИКОВА кандидат педагогических наук,
Елена Валерьевна доцент кафедры педагогики,
Ивановский государственный университет.
mel.ev@mail.ru

- НИЛОВА** кандидат педагогических наук,
Светлана Владимировна доцент кафедры педагогики,
Ивановский государственный университет.
svnil@narod.ru
- ОРЛОВА** старший преподаватель
Светлана Алексеевна кафедры теории и истории государства и права,
Ивановский государственный университет.
oleg@igasuu.ru
- ПАВЛОВА** старший преподаватель
Ирина Евгеньевна кафедры теории и истории государства и права,
Ивановский государственный университет.
(4932) 30-44-09
- ПОПЕЛЬ** кандидат психологических наук, доцент
Нина Валерьевна кафедры общей и педагогической психологии,
Ивановский государственный университет.
(4932) 41-29-71
- РАСКУМАНДРИНА** кандидат психологических наук,
Марина Евгеньевна доцент кафедры социальной психологии,
Ивановский государственный университет.
raskym@mail.ru
- СТЕПАНОВА** кандидат юридических наук,
Ирина Борисовна доцент кафедры уголовного права и процесса,
Ивановский государственный университет.
kiddy2006@yandex.ru
- СТРАШНОВ** доктор филологических наук, профессор,
Сергей Леонидович заведующий кафедрой журналистики и рекламы,
Ивановский государственный университет.
sstrashnov@yandex.ru
- ЧЕБЫКИН** кандидат юридических наук,
Игорь Витальевич доцент кафедры конституционного,
административного и финансового права,
Ивановский государственный университет.
cheb.69@mail.ru
- ЧЕРНОПЁРОВ** доктор исторических наук, профессор,
Василий Львович заведующий кафедрой новой, новейшей истории
и международных отношений, Ивановский
государственный университет.
vlchernoperov@rambler.ru

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Естественные, общественные науки»
**2011. Вып. 1. Право. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа.
Журналистика и реклама. Международные отношения**

Подписано в печать 27.04.2011 г.
Формат $70 \times 108^{1/16}$. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 9,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru